АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В СИБИРИ: ЭТАПЫ, МЕХАНИЗМЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ

НОВОСИБИРСК 2003

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ,
ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В СИБИРИ: ЭТАПЫ, МЕХАНИЗМЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Сборник научных трудов

НОВОСИБИРСК
2003

ББК 63.5
УДК 94(47)

Адаптации населения в Сибири: этапы, механизмы, результаты. Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2003. 160 с.

Сборник включает статьи специалистов в областях общественных наук (социологов, историков, этнографов и др.), изучающих проблемы адаптаций различных категорий и групп народонаселения в условиях заселения и освоения Сибирского региона. Центральное место отведено анализу процессов взаимодействия и взаимовлияния на территории Сибири мигрантов, русских старожилов и аборигенов в период интенсивного экономического развития восточных территорий в XX – начале XXI в.

Сборник подготовлен при финансовой поддержке Сибирского отделения РАН (интеграционный проект № 78 «Адаптации населения в Сибири: этапы, механизмы и результаты»).

ISBN 5-94306-087-1

© Объединенный Институт истории, филологии и философии СО РАН
© Институт археологии и этнографии СО РАН

О ПРОЕКТЕ «АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В СИБИРИ: ЭТАПЫ, МЕХАНИЗМЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ»

Мировая гуманитарная наука обратилась к вопросам адаптации в начале XX в. Изучение проблем адаптации, в первую очередь социальной, в настоящее время становится за рубежом своеобразным научным «мэйнстримом», в русле которого активно сотрудничают социологи и психологи, философы и культурологи, социальные работники и педагоги, ученые и управленцы разных стран и континентов (Ромм М.В. Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. Новосибирск, 2002. С. 6). В России активное исследование адаптационных проблем началось только во второй половине XX в. В качестве ответа на потребности социальной практики в современной российской науке в последние десятилетия как одна из приоритетных выдвинута исследовательская проблема адаптации вынужденных мигрантов и роли отдельных регионов в этом процессе. Сибирский регион занимает в данном ряду особое место как территория, освоение которой далеко до завершения, а адаптивный потенциал населения имеет свои традиции и механизмы, требующие комплексного научного анализа.

Адаптация — междисциплинарный, полисемантичный термин, использующийся во многих областях знаний естественно-научного и гуманитарного профиля, как инструмент познания отдельных аспектов взаимодействия социальных и природных систем с окружающей средой. Решение проблем адаптации имеет важное теоретическое значение, связанное с вопросами разработки методологически эффективных средств познания общих и индивидуальных параметров культурно-исторических процессов, а также представляет интерес для проведения международных сравнительно-исторических исследований. Гипотетические положения об адаптациях этносов к модернизирующейся среде, этнических переселенцев к новым местам проживания можно эмпирически проверить на основе сравнительных исследований, характеризующих общее и особенное в закономерностях адаптации социальных систем в различных странах, а также в различных регионах одной страны. В современных условиях рекомендации по

устройству переселенцев, организации системы их жизнеобеспечения в новых условиях следует вырабатывать с учетом исторического опыта.

Миграционные потоки населения из Центральной России в Сибирь, начиная с XVI в., особенно мощные в годы столыпинской реформы, принудительные переселения в советский период, активная миграция в северные районы в 1970 – 1980-е гг., массовый приток русскоязычных беженцев из стран ближнего зарубежья в 1990-е гг. делали адаптацию значимой на протяжении столетий как для самих мигрантов, так и для жителей территорий, куда направлялись эти потоки. Добровольные адаптации в большей мере присущи эволюционно развивающимся средам, принудительные — бифуркационным (экстремальным) средах, а так же средам, которые значительно «сильнее» адаптанта и жестко диктуют ему свои условия (спецпереселения, места заключения, современная рыночная перестройка в России).

Потребность населения в адаптации формируется под воздействием миграционных и урбанизационных процессов. Адаптацию восточнославянского и других групп населения в Сибири следует рассматривать как системную (суперадаптацию), влекущую за собой максимально высокую адаптивную нагрузку. Внутри системной адаптации происходили локальные адаптации, затрагивающие структурные элементы системы жизнеобеспечения на материальном, социокультурном, ментальном уровнях.

Этносы и этнические группы Сибири, сталкиваясь в историческом пространстве с более развитым русским этносом на начальных этапах заселения и освоения региона, также вынуждены были к нему приспосабливаться. С начала российской аграрной колонизации Сибири крестьяне адаптировались не только к новым природно-климатическим условиям, но и к изменяющимся социальным реалиям. На каждый вызов со стороны государства следовал адаптационный ответ крестьянства: максимальная амортизация удара режима и необходимость корректировки его аграрной политики.

В настоящее время наибольшая миграционная интенсивность наблюдается в Ханты-Мансийском автономном округе — главном нефтедобывающем регионе страны. В результате регулируемого и нерегулируемого притока в данный регион большого количества

мигрантов из стран ближнего зарубежья произошло формирование новых диаспор, существенно усложнилась этническая структура населения. Все это привело к росту напряжения в межнациональных отношениях, обусловленного усилением конкурентных ситуаций в различных сферах жизни (на рынке труда, в сфере социального обеспечения и др.), а также обострило проблемы языкового и межконфессионального общения. Ситуация усугубляется тем, что органы управления не обладают достаточными и точными знаниями о том, что происходит в области внутри- и межнациональных отношений и межконфессиональной ситуации в силу несовершенства механизма соответствующего информационного обеспечения. Существует актуальная потребность привлечения возможностей академических научных учреждений для получения объективной и целостной информации о происходящих процессах.

В гуманитарных институтах СО РАН ведутся многолетние археолого-этнографические исследования по проблемам освоения территории Сибири, в т. ч. изучение материальной и духовной культуры населения с выявлением элементов взаимной адаптации восточнославянских и аборигенных народов. В Институте истории изучаются историко-этнографические и социокультурные проблемы адаптации русского населения Сибири, а также адаптационные процессы сибирского крестьянства в начале XX в. В лингвистических и лексикографических работах собраны и представлены значительные материалы для изучения проблем билингвизма, особенностей адаптации фольклора. Плодотворные социологические исследования позволяют осмыслить традиционные объекты исследований с точки зрения адаптационного подхода.

Оценивая степень взаимосвязи истории, археологии, этнографии, демографии, философии, лингвистики и психологии в исследованиях адаптивной проблематики, необходимо отметить, что интеграционный подход еще не стал здесь ведущим типом системной организации знаний, требуется координация усилий, разработка общего для них понятийного аппарата и банка данных.

Комплексное исследование на основе археологических, исторических, этнографических и лингвистических источников адаптации в условиях заселения и освоения сибирских территорий, философское осмысление и социологическое изучение этого про-

цесса является актуальной исследовательской и научно-образовательной темой. В ее рамках рассматривается динамика народонаселения, внутренние и внешние миграции на вновь осваиваемой территории, взаимоотношения новоселов и старожилов, разных социальных и этнических групп, создание адекватных новым условиям форм материальной, духовной и соционормативной культуры. В настоящее время для эффективного изучения процессов этнокультурного взаимодействия и взаимовлияния в Сибирском регионе актуальным является создание модели адаптации населения в условия заселения и освоения этой территории.

Хронологически проект охватывает период с момента появления на территории Сибири человека до начала XXI в. В качестве промежуточных хронологических рубежей (т. к. адаптация рассматривается одновременно как процесс и результат) — конец XVI в. (присоединение Сибири к России), середина XIX в. (завершение первичного агро-промыслового освоения региона и сопутствующее ему формирование общности сибиряков-старожилов), начало XX в. (переход от эволюционного к бифуркационному пути развития России и регионов, этносоциологическая ситуация в XXI в.).

Комплексного монографического исследования проблем адаптации русского населения Сибири за значительный хронологической период в отечественной и зарубежной науке не проводилось. В настоящее время центр научных интересов смещается от изучения функционирования структур и институтов к анализу поведенческих стратегий на микроуровне — ценностных ориентаций и мотиваций деятельности отдельных людей и малых групп (семья, община, землячество, корпорация и т. д.). В России и за рубежом распространение получили концептуальные подходы и методический инструментарий направления социальной истории, в рамках которой и будет осуществляться изучение процессов и последствий адаптации личности и малых групп как к эволюционным, так и чрезвычайным, экстремальным условиям существования. Актуально также выявление существующих проблем в системе этноконфессиональных взаимодействий народов Сибири и определение путей повышения эффективности государственного управления этноконфессиональными отношениями в районах интенсивного промышленного освоения региона.

Новизна темы обусловлена ее конкретно-историческим содержанием, а также теоретическим потенциалом, возможностями практического использования для осуществления эффективной управленческой политики при осуществлении миграций в современной России.

Целью данного проекта является комплексное изучение адаптационных процессов методами гуманитарных наук. Он построен по тематико-хронологическому принципу с выделением следующих разделов:

1. Хозяйственно-культурная адаптация и межкультурное взаимодействие мигрирующих популяций на территории Западной Сибири.

1.1. Адаптация человеческих сообществ в позднем плейстоцене – раннем голоцене.

1.2. Адаптация традиционных духовных культур и мировоззрений в эпоху поздней бронзы и средневековья.

1.3. Этнокультурная и хозяйственная адаптация переселенческих групп в новое и новейшее время.

2. Адаптационные процессы у населения Сибири в эволюционных и бифуркационных средах.

2.1. Социально-психологическая адаптация первопоселенцев в Сибири в XVII в.

2.2. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири в XVIII – начале XX вв.

2.3. Адаптивный потенциал сибирского крестьянства в период государственного социализма (1920 – 1980-е гг.).

3. Языки, фольклор, литература в ситуации адаптации в полиэтническом сообществе.

3.1. Изменения, происходящие на разных уровнях языковой системы у носителей языков в ситуации двуязычья.

3.2. Адаптация произведений устного народного творчества в современных условиях.

3.3. Сибирь в русскоязычной литературе.

4. Этноконфессиональная адаптация народов Сибири в регионах современного промышленного освоения.

4.1. Практика государственного управления этноконфессиональными отношениями.

4.2. Особенности адаптации к современным условиям коренных народов Севера в регионах интенсивного промышленного освоения (на примере Ханты-Мансийского автономного округа).

4.3. Адаптивные функции религии. Роль религиозного фактора в формировании межэтнической региональной общности.

Координатор проекта академик РАН Н.Н. Покровский.

В качестве исполнителей проекта от Института истории СО РАН участвуют д.и.н. С.А. Красильников, д.и.н. В.А. Ильиных, к.и.н. А.П. Мелентьева, к.и.н. И.Б. Карпунина, к.и.н. О.Н. Шелегина. Все исполнители имеют значительный опыт изучения социокультурных проблем адаптации.

Институт археологии и этнографии СО РАН в проекте представляют зам. директора по науке д.и.н. А.В. Бауло, д.и.н. В.Н. Зенин, к.и.н. Д.Г. Коровушкин.

В Институте философии и права СО РАН работу по проекту будут вести научные сотрудники отдела социологии, имеющие многолетний опыт проведения теоретических и эмпирических исследований этносоциальных процессов в Сибири — д.филос.н. Ю.В. Попков, к.филос.н. И.В. Удалова, к.филос.н. В.Г. Костюк, к.филос.н. А.М. Аблажей, а также исследователи из Ханты-Мансийского автономного округа.

В состав участников проекта входят сотрудники Института филологии СО РАН, имеющие опыт проведения экспедиционных и теоретических исследований языков, фольклора и литератур народов Сибири, — чл.-к. РАН А.Е. Аникин, д.и.н. Н.А. Алексеев, д.филол.н. Н.Н. Широбокова, д.филол.н. М.И. Черемисина, д.филол.н. И.Я. Селютина, к.филол.н. Л.А. Шамина, к.филол.н. А.А. Мальцева, к.филол.н. Н.Б. Кошкарева, к.филол.н. А.А. Озонова, к.филол.н. Е.Н. Кузьмина, к.филол.н. Л.А. Арбачакова, к.филол.н. Н.Р. Байджанова, к.филол.н. Л.П. Якимова, к.иск. Г.Е. Солдатова, Н.С. Уртегешев, О.Ю. Кокошникова, Е.В. Николина, А.Р. Тазранова, А.Г. Гомбожапов, К.А. Сагалаев.

Предлагаемый проект будет иметь высокую историко-культурную и социальную значимость для региональных, общероссийских и международных кросс-культурных исследований.

В.Н. Зенин
(Институт археологии и этнографии СО РАН)

УСЛОВИЯ ОСВОЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВНИНЫ В НЕОПЛЕЙСТОЦЕНЕ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ

Экологические проблемы современности в значительной мере являются отражением процессов, связанных с глобальным потеплением климата и изменением ландшафтов. На фоне этих процессов все большую актуальность приобретает проблема взаимодействия общества и окружающей среды. В ряду философских и общенаучных аспектов этого взаимодействия особое место занимает адаптация деятельности человека к условиям биосферы. Определенный вклад в эту проблему вносит первобытная археология в части рассмотрения культурной адаптации человека без нарушения экологического равновесия.

В эпоху палеолита общество развивалось в условиях динамично меняющейся адаптивной системы, обеспечивающей стабильность и оптимизацию на фоне резких природно-климатических изменений. Различные формы хозяйственной и бытовой адаптации проявляются в устойчивых пищевых цепочках (охота–собирательство) и создании искусственной среды обитания (жилище, одежда, обувь). Адаптивные возможности позволили человеку уже в эпоху позднего палеолита максимально расширить границы ойкумены, частью которой явились и пространства Западной Сибири.

Малочисленность палеолитических объектов на территории Западно-Сибирской равнины резко контрастирует с другими регионами Северной Евразии. Долгое время считалось, что освоение этой территории древним населением имело место лишь в финале плейстоцена — во второй половине сартанского времени, а главным препятствием представлялась акватория раннесартанского ледниково-подпрудного озера с уровнем бассейна ок. 125 м. Новейшие геологические исследования допускают существование подпрудно-долинных озер не позднее ермаковского времени, с абсолютными отметками до 70 м[1] Противоречит реконструкции

сартанского подпрудного водоема и местоположение палеолитических стоянок (возрастом 20 – 14 тыс. л. н.) на отметках 110 – 25 м. Таким образом, сравнительно позднее (вероятно, моложе 30 тыс. л. н.) проникновение древнего населения и редкость палеолитических стоянок в центральных и южных районах равнины (бассейн Иртыша) были вызваны иными факторами.

Исследование проблемы освоения равнины изначально предполагает выяснение зависимости расселения человека от геологического строения территории. Проникновение человека в незаселенные районы должно было регулироваться климатическими условиями, пищевыми и сырьевыми ресурсами. Геологическое строение, рельеф и макроклимат отражались на развитии и зональности растительных сообществ, а последние влияли на разнообразие фауны и миграции животных.

Зональность и особенности палеоландшафтов равнины в неоплейстоцене, так или иначе влияли на динамику процесса освоения этой территории. В досартанское время осваивалась юго-восточная часть равнины, а в последующий период и ее центральная часть, где основным препятствием являлось почти полное отсутствие здесь горных пород. Преодолевая его, люди транспортировали сырье и орудия, следуя за стадами животных на сотни километров[2]

Исследуемый регион в плейстоцене представлял собой приледниковую и внеледниковую зоны с резкими колебаниями макроклимата. Смена ландшафтов проходила быстро — от тундровых к степным и наоборот, с короткими фазами лесов[3] Подтверждение тому — остатки крупных животных в разрезах естественных местонахождений и палеолитических стоянок. Для последних очень характерен мамонт, бизон и лошадь, малочисленны лось, шерстистый носорог, северный олень, сайга. Это свидетельствует о том, что фауна равнин была значительно более однородна, чем в горных районах юга Сибири[4] Для равнины выделяются две особенности — многочисленность крупных травоядных и однородность видового состава мегафауны. Из этого следует, что ландшафты равнины были привлекательны для одних видов животных и мало пригодны для других. Эти особенности должны были отразиться и на процессе освоения равнины палеолитическим человеком. Связь человека с ландшафтами выстраивается через «пи-

щевую цепь»[5]: почвообразующая порода–почва–воды–растительность–травоядные животные–хищники (в т. ч. человек). Соответственно, разнообразие и численность животных напрямую зависит от кормовой базы и биогеохимического содержания природных ландшафтов.

На равнине последовательно с севера на юг прослеживаются лесная, лесостепная и степная зоны с характерным для них климатом, растительностью и почвенным покровом. В юго-восточной части наблюдается высотная поясность природных зон. На юге зональные черты растительности и почвенного покрова сильно нарушены. Разновысотность структур равнины приводит к перераспределению влаги, выносу солей с повышений и аккумуляции их в депрессиях[6], что отражается на развитии флоры и фауны. Предполагается, что подобная биогеохимическая ситуация (со своими особенностями) складывалась и в неоплейстоцене в зонах юга равнины. Здесь животные час-то подвержены эндемическим заболеваниям из-за недостатка или избытка в почве макро- и микроэлементов. В конце плейстоцена, в условиях развития кислых ландшафтов, крупные травоядные периодически испытывали минеральный голод, а засоленные ландшафты служили для них «зверовыми солонцами». Процент смертности и условия захоронения животных на солонцах иногда были достаточными для образования костеносных горизонтов[7]. Вероятно, с этим обстоятельством связаны захоронения «мамонтовой» фауны Шестаково[8] и Волчья Грива[9]

На большинстве позднепалеолитических стоянок равнины выявлены остатки крупных животных, среди которых доминирует мамонт. Отдельные кости и целые скелеты образуют иногда скопления, определяемые как палеонтологические объекты. Отдельные скелеты мамонтов сопровождаются следами деятельности человека (Шикаевка, Томская). Были ли эти животные охотничьей добычей, осталось неясным. Местонахождения Гари и Рычково определяются как остатки некогда существовавших «кладбищ». Крупнейшие в Западной Сибири природные «кладбища» мамонтов (Луговское, Волчья Грива и Шестаково) формировались тысячелетиями. Особая роль мамонта и его связь с человеком вынуждает обратить пристальное внимание на экологию этого вида.

Кладбища животных, как правило, формируются в аллювиальных наносах, в природных ловушках и в местах катастроф. Тафономия западносибирских «кладбищ» часто не соответствует этим условиям, а главенствующая роль антропогенного фактора в их образовании не установлена. Соответственно, их генезис должен объясняться иными причинами. Одна из них видится в явлении литофагии среди растительноядных животных. Литофагия или геофагия есть процесс минерального питания животных и человека — употребление горных пород, минералов и минеральных вод. Содержащиеся в них химические элементы (Na, Ca, Mg, Cu, Fe и др.) необходимы организму для обмена веществ. Непременными литофагами являются травоядные животные, в меньшей степени всеядные, а в экстремальных случаях и плотоядные. Это вызвано тем, что растительность в основном бедна натрием и богата калием. Наиболее высокое содержание натрия в растительности отмечено в зимний и осенний периоды, а весной — наименьшее. В случае резкой нехватки натрия в среде обитания у животных наступает острое натриевое истощение, что приводит к экологическому стрессу. Количество калия в молодой траве может в тысячу раз превышать содержание элемента в огрубевшем корме, а содержание магния в молодой траве значительно ниже, чем в старой. Избыток калия в корме является причиной сложных нарушений минерального обмена в организме травоядных и прежде всего обмена натрия и магния. Нарушениями минерального баланса в организме вызваны многие тяжелые заболевания животных. Без срочной балансировки минерального обмена в организме возможен летальный исход[10]. Благодаря инстинкту самосохранения, животные время от времени становятся активными литофагами и регулярно посещают места высокой концентрации ионообменников и сорбентов. В Западной Сибири проявляются зверовые солонцы, сформированные за счет монтмориллонитовых и бентонитовых, реже — гидрослюдистых и каолинитовых глин, а также за счет отложений ледниково-подпрудных бассейнов[11]. В большинстве случаев на солонцах поваренной соли нет, а натрий далеко не единственный элемент, который ищут животные на солонцах. Поиск животными фагиальных веществ контролируется инстинктами поиска натрия и глины. Достоверно «съедобными» являются минералы групп кварца, кальцита, цеолита, монтмориллонита и

ряда других. Активное посещение солонцов носит отчетливо сезонный характер (весна и осень), совпадает с периодами смены диет, отела и гона животных. На разных стадиях развития животные нуждаются в различных количествах и соотношениях химических элементов. К весне животные слабеют от бескормицы, а переход к питанию свежей растительностью приводит к пресыщению калием, вызывает пищеварительные расстройства, обезвоживание и резкий вывод натрия из организма. Это может происходить в течение нескольких дней. Прекращается этот процесс лишь при употреб-лении в пищу фагиальных пород, как правило глинистых. Если животные не могут вовремя утолить минеральный голод, то часть из них обречена на гибель. Иногда сил животных хватает лишь для того, чтобы добраться до источника минерального питания. От минерального голодания более других страдает молодняк и беременные самки (вплоть до массового падежа), и именно они являются наиболее активными литофагами[12] Зверовые солонцы как природные объекты являются местами концентрации (до сотен особей) диких животных. Помимо лечебной функции они несут и зоосоциальную нагрузку, являясь местом брачных игр.

Дефицит информации о литофагии слонов и носорогов, обитающих к тому же в иных географических зонах, затрудняет использование этих сведений при изучении ископаемых видов (например, мамонтов). Исследования по литофагии вымерших животных крайне редки, а сведения о зверовых палеосолонцах практически отсутствуют[13]. Литофагия среди мамонтов и других видов подтверждается присутствием минералов в пищеварительном тракте и экскрементах ископаемых животных. Так, копролиты мамонтов на Волчьей Гриве практически целиком состоят из глинистых минералов с повышенным содержанием кальция.

Минеральный голод особенно характерен для кислых ландшафтов (тундра, тайга), где Ca, Mg, Na легко выщелачиваются. Применительно к плейстоцену (развитие тундрово-таежных зон с многолетней мерзлотой) можно говорить о периодическом минеральном голодании крупных травоядных, особенно мамонтов. При определенном сочетании геологического строения и рельефа на Ca-Na-Mg–ландшафтах формировались зверовые солонцы, где скапливались десятки и сотни животных. Вероятно, на некоторых

солонцах смертность животных и условия их захоронения были достаточными для образования костеносных горизонтов. Мамонт, по-видимому, обладал более узкой специализацией по сравнению с копытными. Эти особенности экологии мамонта, его уязвимость при минеральном голодании находят отражение в образовании специфических «мамонтовых кладбищ» на зверовых солонцах. Правомерность выделения данного типа местонахождений обоснована геоморфологическими, геохимическими и тафономическими особенностями объектов. Литолого-геохимические и тафономические исследования, состав и морфология остатков мамонтов на Волчьей Гриве позволяют проводить прямые аналогии с Шестаково.

Проблема взаимоотношений палеолитического человека и мамонта во многом остается дискуссионной. Часть исследователей полагает, что обилие костей мамонта на стоянках является результатом специализированной охоты, которая велась хищническими способами[14] Другие исследователи считают, что скопления костей в основном являются результатом сборов в местах естественной гибели животных[15] Как можно заметить, это крайние точки зрения. Многие специалисты (автор в их числе) не отрицают вероятность и сбора костей, и использования трупов павших животных, и непосредственной охоты на отдельных мамонтов. Проблема осложняется тем, что ни одна научная дисциплина не располагает однозначными критериями, отличающими охотничью добычу от трупов павших животных[16] С подобной ситуацией нам пришлось столкнуться при исследовании Волчьей Гривы и Шестаково.

Преобладание мамонтов в Шестаково и многослойность объекта поставили закономерный вопрос о причинах аккумуляции костей и о роли человека в этом процессе. Геологическое и тафономическое изучение объекта позволяет признать основной причиной тафоценоза гибель животных на месте зверового солонца. Не противоречит этому ряд особенностей, вытекающих из анализа фауны в культурных горизонтах. В Шестаково нет убедительных свидетельств охоты и разделки мамонтов. Поэтому можно предположить, что сама палеолитическая стоянка располагалась непосредственно на месте регулярной гибели мамонтов, а основным объектом охоты становились другие виды животных.

Сходство данных о составе фауны Волчьей Гривы и Шестаково подтверждает предположение о том, что массовые захоронения мамонтов на юге Западной Сибири пространственно связаны с участками, обогащенными дефицитными макро- и микроэлементами. Хорошие условия сохранности в первую очередь связаны с гибелью животных непосредственно на месте захоронения — минеральном солонце. Увлажненная поверхность солонца способствовала втаптыванию и погружению костей в лессовидную породу. Таким образом, крупнейшие захоронения плейстоценовой фауны в Шестаково и на Волчьей Гриве демонстрируют сходство тафономических параметров, видового, полового и возрастного состава животных. В сочетании с другими особенностями (геоморфологическими, геохимическими) это позволяет достаточно уверенно относить их к местонахождениям сформированным на зверовых палеосолонцах. Близкий генезис (с некоторыми отличиями) допускается и для Луговского.

Анализ структурных элементов, каменного и костяного инвентаря, фаунистических материалов культурных горизонтов не выявил достоверных свидетельств ведущей роли первобытного населения в процессе формирования местонахождений и признаков, указывающих на активную (охотничью) добычу доминирующего вида — мамонтов. Следы деятельности человека на данном этапе исследований следует оценивать как отражающие кратковременные пребывания охотничьих коллективов на участках сезонных концентраций и мест естественной гибели мамонтовой фауны. Основным объектом их охоты являлись промысловые виды копытных животных и, вероятно, наиболее слабые особи мамонтов. Предположения об активной охоте на мамонтов нашли документальное подтверждение на местонахождении Луговское[17]

Мамонт для первобытного населения несомненно являлся промысловым видом, а объектом непосредственной охоты становились слабые животные, не имеющие возможности оказать активное сопротивление. Отличное знание поведения животных, их миграционных маршрутов, зон или участков сезонной концентрации позволяло палеолитическим охотникам прогнозировать время и место добычи мамонтов. Зверовые солонцы, природные ловушки и вероятные места переправ через реки для этих целей подходили идеально[18].

Примечания

[1] **Астахов В.И.** Последнее оледенение арктических равнин России: Автореф. дисс. … докт. г.-м. наук. СПб., 1999. 41 с.

[2] **Зенин В.Н.** Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 4 (12). С. 22 – 44.

[3] **Архипов С.А., Волкова В.С.** Геологическая история, ландшафты и климаты плейстоцена Западной Сибири. Новосибирск, 1994. 105 с.

[4] **Агаджанян А.К.** Структура населения млекопитающих Северной Евразии в позднем плейстоцене // Эволюция жизни на Земле. Томск, 2001. С. 467.

[5] **Ковальский В.В.** Геохимическая экология. М., 1974. 299 с.

[6] **Аникина А.П., Бахнов В.К., Ильин В.Б.** Закономерности распределения микроэлементов в почвенном покрове Западно-Сибирской равнины // Этюды по биогеохими и агрохимии элементов – биофилов. Новосибирск, 1977. С. 12 – 27.

[7] **Лещинский С.В.** Влияние геологического строения региона на расселение палеолитического человека (юго-восток Западно-Сибирской равнины) // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез. Улан-Удэ, 1999. С. 472 – 473; **Он же.** Геология и палеогеография позднепалеолитической стоянки Шестаково // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998. Т. 1. С. 209 – 220; **Он же.** Новые данные о геологии и генезисе местонахождения Волчья Грива // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. Новосибирск, 2001. С. 244 – 251.

[8] **Деревянко А.П., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Мащенко Е.Н.** Особенности аккумуляции костей мамонтов в районе стоянки Шестаково в Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 3. С. 42 – 55.

[9] **Зенин В.Н.** Основные этапы освоения… С. 22 – 44.

[10] **Паничев А.М.** Литофагия в мире животных и человека. М., 1990. 224 с.

[11] **Бгатов В.И., Лазарев П.А., Спешилова М.А.** Литофагия и мамонтовая фауна: Препринт. Якутск, 1989. 34 с.

[12] **Бгатов В.И.** Подходы к экогеологии (Жизнь и геологическая среда). Новосибирск, 1993. 222 с.

[13] **Бгатов В.И., Лазарев П.А., Спешилова М.А.** Указ. соч.

[14] **Аникович М.В.** Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. М., 1998. С. 35 – 66; **Пучков П.В.** «Мамонтовое собирательство» вместо или после «мамонтовых побоищ»? // Vita Antiqua. Киев, 2001. № 3 – 4. С. 138 – 148.

[15] **Чубур А.А.** «Мамонтовое собирательство» в бассейне Десны // Природа. 1993. № 7. С. 54 – 57; **Он же.** Роль мамонта в культурной адаптации верхнепалеолитического населения Русской равнины в осташковское время // Восточный граветт. М. 1998. С. 309 – 329; **Haynes G.** Mammoths, mastodonts and elephants. Cambridge University Press, 1991. 413 p.; Soffer O.A. The Upper Paleolithic of the Central Russian Plane. N.Y.: Academic Press, 1985. 539 p.

[16] **Пучков П.В.** «Мамонтовое собирательство»... С. 138 – 148.

[17] **Zenin V.N., Maschenko E.N., Leshchinskiy S.V., Pavlov A.F., Grootes P.M., Nadeau M.-J.** The first direct evidence of mammoth hunting in Asia (Lugovskoye site, Western Siberia) // 3rd International mammoth conference, 2003: program and abstracts. Yukon, 2003. P. 152 – 153.

[18] **Деревянко А.П., Молодин В.И., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Мащенко Е.Н.** Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково. Новосибирск, 2003. 168 с.

О.Н. Шелегина
(Музей СО РАН)

О РЕЗУЛЬТАТАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ИЗУЧЕНИЯ АДАПТАЦИИ РУССКИХ К УСЛОВИЯМ СИБИРИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX века

Адаптивная проблематика стремительно врывается в число наиболее животрепещущих и перспективных направлений исследований в зарубежной и отечественной науке. Впервые в сибирской историографии тема адаптации русских в условиях освоения региона (правда, без соответствующих формулировок) была поднята во второй половине XIX в. А.П. Щаповым, Н.М. Ядринцевым, А. Макаренко. Ими предпринимались попытки теоретического обобщения судеб русского населения Сибири. Исследователи поставили и стремились решить важный вопрос о последстви-

ях взаимовлияния на протяжении столетии двух этнических культур — русской и аборигенных народов, оценить степень «осибирячивания» русских переселенцев. Однако в силу ряда причин (слабость методологической базы, недостаточный уровень развития сибиреведения, политическая ситуация) объективно решить эту сложную многогранную проблему в то время не удалось. Сделанные авторами наблюдения и выводы сейчас представляют в большей мере историографический интерес[1]

В начале 1990-х гг., после накопления значительного объема эмпирического материала по отдельным аспектам материальной и духовной культуры (работы А.А. Лебедевой, В.А. Липинской, Л.М. Русаковой и др.), его обобщения в историко-этнографических трудах (В.А. Александрова, А.Н. Копылова, М.М. Громыко, Н.А. Миненко) вновь была поднята проблема адаптации в Сибирском регионе культурных традиций, принесенных русскими из-за Урала. В главах монографии «Этнография русского крестьянства Сибири», посвященных жилым и хозяйственным постройкам, одежде, пище русского населения, отмечались конкретные факты их адаптации к природно-климатическим условиям региона. В работе «На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии североуральского крестьянства XVII – XX в.» авторами подчеркивалась необходимость определения роли этапности миграционных движений в адаптационных процессах.

В монографии А.А. Люцидарской «Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки XVII – начало XVIII в.» посредством тщательного изучения архивных источников и максимального использования содержащейся в них информации удалось представить важнейшие компоненты материальной, духовной, соционормативной культуры сибирских горожан на начальном этапе освоения края. Она выявила основные направления взаимной адаптации представителей разных этнических культур[2]

На основе нашего монографического исследования о материальной культуре русских крестьян Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в., выполненного с использованием математико-статистических методов, был предложен один из возможных вариантов выделения и изучения историко-этнографических аспектов адаптации русского населения в условиях освоения Сибирского региона[3].

В последние годы появились исследования В.А. Липинской, сибирских этнографов Е.Ф. Фурсовой, П.Е. Бардиной, А.Ю. Майничевой, Т.Н. Золотовой, М.А. Жигуновой, М.Л. Бережновой и др., в которых рассматривается адаптация отдельных элементов материальной культуры к местным условиям во второй половине XIX – начале XX в. с учетом приспособительных процессов, протекавших на ранних этапах освоения Сибири[4]

Создание Н.А. Томиловым, Л.А. Скрябиной и др. историко-этнографических очерков о русских в разных регионах Западной Сибири, публикация материалов международных научных конференций «Этнография Алтая и сопредельных территорий», включающих исторические, археологические, этнографические и лингвистические исследования, позволяют конкретизировать представления об элементах материальной и духовной культуры, выявить их территориальные особенности, способствуют интеграции в области изучения историко-культурных и адаптационных процессов[5]

Важным достижением историков, этнографов, фольклористов Омска, Новосибирска, Тары, участников проекта развития высшего образования в России, Института «Открытое общество» является подготовка обобщающего издания «Традиционная культура русских Западной Сибири XIX – XX веков». В монографии рассматриваются, с активным использованием экспедиционных материалов, различные аспекты культуры и быта русских сибиряков как крестьян, так и горожан. Значительный интерес вызывает также раздел об опыте изучения русской культуры Западной Сибири в отечественной и зарубежной историографии. В нем представлен и наш очерк об исследованиях французским историком Ф. Кокеном проблем миграции и адаптации крестьянского населения в Западной Сибири в историографические очерки[6]

Одной из актуальных в современном сибиреведении является тема «фронтира» — «порубежья». Социально-экономические проблемы колонизуемых земель Сибири и Северной Америки в XVII – XX вв., вопросы общественного сознания, история старообрядчества и военного населения в определенной степени сопряжены с историко-этнографическими аспектами адаптации и ментальности[7]

Интерес с точки зрения адаптационного подхода вызывает работа Б.Е. Андюсева. В ней всесторонне раскрыты цивилизационные достижения и ценности старожильческой Сибири и Приенисейского края XIX – начала XX в., представлены комплексные характеристики субэтноса русских старожилов Сибири, сибирской общины, семьи, хозяйственной жизни, быта, особенностей материальной и духовной культуры крестьян. Материалами для определения менталитета сибиряков служат опубликованные автором приметы сибирского народного календаря, образцы народного фольклора и краткий словарь говоров приенисейских старожилов[8] Следует отметить, что в большинстве проведенных ранее исследований комплексной оценки культуры русского населения Сибири как результата адаптации населения в условиях освоения новой территории не давалось.

Активное изучение проблем адаптации гуманитарными науками в нашей стране в силу определенных идеологических причин началось только в последние десятилетия XX в. М.В. Ромм, в частности, выделяет шесть групп научной литературы по проблемам адаптации. Первая включает философские, общенаучные и междисциплинарные аспекты кибернетики, информатики и адаптации (философско-социологическая специфика адаптационных процессов в обществе; возможность и границы системного и информационного подходов; социально-философские категории «взаимодействие», «система», «информация», «отражение», «управление», «обратная связь»). Вторая касается вопросов социальной адаптации и социализации с философских, социологических, психологических и педагогических позиций. В третью входят работы, посвященные анализу разнообразных биоорганизменных и нейрофизиологических проявлений адаптации человека и животных. В четвертой анализируются вопросы, относящиеся к процессу формирования информационных механизмов социальной адаптации и социализации Homo sapiens в антропогенезе. Пятую образуют работы, в которых раскрываются концепции культурно-исторического происхождения, структуры и развития высших психических функций, психические, нейрофизиологические аспекты информационной модели социальной адаптации личности. Шестую, самую многочисленную, составляют работы, посвящен-

ные исследованиям частных аспектов адаптации и социализации на индивидуальном, групповом и социентальном уровнях[9]

Проведенный нами анализ базы данных Российской государственной библиотеки позволил выявить круг публикаций, посвященных проблемам адаптации за период с 1980 по 2002 г. Всего их оказалось более 900. По ключевому слову «адаптация культурная» было выделено 68 работ. Из их числа теоретическим проблемам адаптации, основам адаптологии, социологии адаптаций было посвящено 23, историко-культурным и этнографическим проблемам адаптации — 15, вопросам социальной, социокультурной, социально-психологической адаптации — 13, адаптации эмигрантов — 10, переселенцев в России — семь. В примечании даны библиографические описания некоторых из них[10]

Значительный интерес представляет монография Е.В. Петровой «Социокультурная адаптация семейских Забайкалья. Этносоциологический анализ». Она является первым поисковым исследованием социокультурной адаптации локальной переселенческой группы русского старообрядческого населения. В работе дается методологическое обоснование проблем социокультурной адаптации с позиций социологического знания[11] Теоретические положения, сформулированные автором, могут быть использованы в дальнейших исследованиях по адаптации локальных переселенческих групп населения в России и Сибири. Опыт изучение процессов социокультурной адаптации семейского населения, ее форм, этапов, основных тенденций развития, а также факторов, оказывающих влияние на уровень групповой адаптабельности, может быть учтен и в историко-этнографических исследованиях.

Ментальная составляющая играет важную роль в адаптационных процессах. В первом в научной литературе исследовании А.И. Пальцева «Менталитет и ценностные ориентации этнических общностей (на примере субэтноса сибиряков)» дается глубокое понимание феномена, который позволяет сохранять устойчивость и своеобразие социальных систем в процессе их развития, эффективно адаптироваться к изменениям социальной среды. При комплексном анализе адаптации русских следует иметь в виду, что своеобразие менталитета сибиряков выражается в социально-психологических свойствах, образующих «сибирский характер», в способах восприятия и оценки информации, определяющих сис-

тему их ценностных ориентаций[12]

Имеется ряд учебных пособий по адаптологии — современной науке о механизмах адаптации, использующей достижения практически всех биологических дисциплин. В них рассматривается следующий круг вопросов: физиологические процессы, лежащие в основе адаптации к новым климатическим условиям, адаптация и резервы человека, свойства адаптации живой системы как мера ее индивидуального здоровья, основные закономерности индивидуальной адаптации, адаптация на уровне поведения[13] Учет научных результатов в данных областях позволит объективнее характеризовать выбор форм жизнедеятельности в суровых и экстремальных сибирских условиях, особенности поведенческих реакций индивидов и групп. На основе анализа литературы гуманитарного и естественно-научного профиля Л.В. Корель сконструировала классификационную систему понятий, относящихся к адаптациям культурологическим, этническим, экономическим, социальным. Использование ее в историко-этнографических исследованиях представляется весьма перспективным[14]

Под культурной адаптацией в целом понимается «приспособление человеческих сообществ, социальных групп и отдельных индивидуумов к меняющимся природно-географическим и историческим (социальным) условиям жизни посредством изменения стереотипов сознания и поведения, форм социальной организации и регуляции, норм и ценностей, образа жизни и элементов картины мира, способов жизнеобеспечения, направлений и технологии деятельности, а также номенклатуры ее продуктов, механизмов коммуцирования и трансляции социального опыта»[15] Этническая адаптация рассматривается как «процесс приспособления какой-либо этнической группы (общности) к новой этнической, природной и социокультурной среде для взаимного существования. В ходе физической адаптации человек приспосабливается к экологической обстановке, в ходе социальной — к требованиям иной культуры»[16]

Сложность задачи определения понятия адаптация состоит в том, что в процессе расчленения и рассмотрения каждой из сторон самого явления адаптации бывает трудно провести синтез и сформулировать такое определение, из которого можно было бы вывести все богатство форм адаптации. В ситуации, когда осуще-

ствлялась миграция части этноса на новую территорию, удаленную от основной зоны его расселения, происходили культурологические (к изменившимся социально-экономическим и природно-климатическим условиям) и этнические адаптации, связанные с этническими стереотипами поведения, этнического сознания в особенностях приспособительного поведения. Влияние на процессы адаптации русского населения в Сибири оказывала динамика народонаселения, внутренние и внешние миграции на вновь осваиваемой территории, взаимоотношения аборигенного населения, новоселов и старожилов, разных социальных и этнических групп.

Адаптацию русского населения в условиях Сибири можно считать суперадаптацией, т. к. процесс приспособительного реагирования охватывал все структурные элементы системы жизнеобеспечения и социальной системы, все сферы функционирования субъекта адаптации. Ее изучение требует, с одной стороны, выделения аспектов и их углубленного изучения, с другой, создания на основе конкретно исторических и этнографических работ многомерной модели культурной адаптации в значительных территориальных и хронологических масштабах.

Представляется целесообразным углубленное изучение периода с XVIII до середины XIX в. Начальная грань связана с процессом формирования этнической территории русских в Сибири. К середине XIX в. завершается первичное агро-промысловое освоение региона и сопутствующее ему складывание субэтнической общности сибиряков-старожилов. К этому времени культура русского населения достигает высокого уровня развития, становится традиционной. Материалы второй половины XIX – начала XX в. могут привлекаться в качестве дополнительных для отражения последующих адаптационных процессов; конца XX – начала XXI в. — для выявления традиционных элементов в современной культуре.

Нами было проведено пилотное исследование адаптации русского населения в условиях освоения территории Сибири с выделением историко-этнографических (XVII – XX вв.) и социокультурных аспектов (XVIII – начало XX в.)[17] Для изучения поставленной темы использовался широкий круг разнотипных, репрезентативных источников: материалы девяти сибирских и цен-

тральных архивов по истории материальной и духовной культуры русского населения Сибири; опубликованные отчеты научных экспедиций (И.Г. Гмелина, К.Ф. Ледебура, А.А. Бунге, К.А. Мейера, П.П. Семенова–Тянь-Шанского, В.В. Радлова), путевые записки, заметки, воспоминания, относящиеся к XVIII – первой половине XIX в., материалы сибирской периодической печати того времени, неопубликованные полевые экспедиционные сведения Г.Е. Катанаева (из фондов Государственного архива Омской обл.), Н.Н. Нагорской (из фондов Новосибирского областного краеведческого музея), предметы музейного значения, каталоги сибирских музеев, собственные наблюдения автора во время экспедиции по Алтайскому краю (1990 г.) и Шушенскому р-ну Красноярского края (1991 г.).

Автором был апробирован вариант подхода к изучению адаптации русских в Сибири с выделением проблемных блоков. В первом, условно называемом «традиции и инновации в культуре», выделялись следующие вопросы: сохранились ли на новой территории (в Сибири) элементы древнерусские, общерусские, имевшие локальное бытование в России; присутствовали ли заимствования, связанные с влиянием аборигенных народов, городского населения, представителей других стран; появились ли новые элементы материальной культуры местные по происхождению? Во втором блоке «внутрирегиональные комплексы» обращалось внимание на районы с достаточно выраженной спецификой в материальной и духовной культуре. При этом учитывались особенности, связанные с природно-климатическими условиями новой территории, направлением миграционных потоков, наличием локальных этнографических групп. В третьем блоке «психологическая адаптация» рассматривались взаимоотношения русских переселенцев и коренного населения, старожилов и новоселов, селян и горожан, отношение русских к своему дому, одежде, пище в новых условиях, отражение этого в фольклоре, определялись психологические установки на освоение нового жизненного пространства, прослеживалось формирование менталитета русских сибиряков.

Особенность процесса заселения и освоения Зауралья состояла в том, что оно осуществлялось как бы поэтапно и в адаптивную деятельность последовательно включались разные группы адап-

тантов. Казаками, служилыми людьми возводились *остроги* — форпосты, содержавшие потенциал для развития их в *города*, структура которых на начальном этапе имела земледельческую составляющую. *Деревни* «выходили» из городов, по мере увеличения их числа появлялись *слободы* с соответствующей социокультурной инфраструктурой. Они сливались в сельскохозяйственные районы, полосы освоения Сибири. Принадлежность индивида к адаптирующемуся на новой территории социальному институту (общине, церкви, семье), пребывание на государственной службе включало его в адаптивный процесс и тем самым облегчало его задачу, сберегая адаптивные ресурсы, поиск индивидуальной стратегии выживания.

Формирование системы жизнеобеспечения объективно отражало процесс адаптации. Пища является глубоко укоренившимся элементом материальной культуры, несет на себе ярко выраженные социальные, этнические признаки. При отсутствии привычных продуктов питания в новых природно-климатических, территориальных условиях система питания, в первую очередь, должна быть адаптирована к ним. Это становилось вопросом физического выживания.

У русских сибиряков пища, как элемент первой жизненной необходимости, быстрее всего реагировала на изменения в быту. На первоначальном этапе освоения Сибири существенную роль играли новшества, связанные с включением в рацион переселенцев продуктов местной флоры и фауны (травы «капуста», «борщ», ревень, лук-батун, черемша, дикая гречиха «кындык», мяса диких животных и птиц — «дичина», «зверина»). У аборигенного населения были заимствованы способы приготовления и хранения пищи, в частности, сушение, вяление и квашение рыбы (юкола, юрок, порса, «варка», рыбий жир). Естественным было стремление крестьян восстановить свою хлебно-мучную систему питания.

К XVIII в. эта цель была достигнута в земледельческой полосе Сибири. Разница в обеспеченности продуктами питания южных и северных районов устранялась за счет внутрирегионального перераспределения. Уменьшался ввоз зерновых из-за Урала, но в то же время увеличивалась роль торговли с соседними государствами и народами (Китай, Средняя Азия). Продуктовая база расширялась путем акклиматизации новых овощных и садовых культур (бахче-

вые, яблоки, цветная капуста). Для этого периода характерно преобладание традиционной русской кулинарии, превращение инноваций в традиции и появление местных новаций. К середине XIX в. процесс адаптации системы питания можно считать в основном завершенным и в дальнейшем на созданной базе идет ее дальнейшее совершенствование и развитие.

Одежда не только выполняет утилитарные функции, но и носит ярко выраженный знаковый характер, являясь меткой половозрастной, социальной, этнической, религиозной принадлежности человека. Некоторые части одежды оставались неизменными многие века из-за суеверных представлений об особой магической роли их в жизни человека, другие же изменялись быстрее. К первой группе относится нательная одежда, некоторые виды украшений и детали, связанные с обрядами, половозрастными различиями и представлениями, прочно укоренившимися в сознании всех слоев населения. Вторую группу составляют верхняя одежда и обувь, которые несут на себе знаковые признаки, но чаще играют утилитарную защитную роль. Они в большей степени подвергались изменениям под влиянием природно-климатических условий.

Основу костюма русского населения Сибири в рассмотренный период составляли традиционные для всей России виды одежды, принесенные сюда из мест выхода переселенцев. Одежда в условиях земельного простора и отсутствия крепостничества стала отличаться большим разнообразием и добротностью. Так, в XVIII в. у западносибирских крестьян бытовало 83 вида одежды, головных уборов, обуви, дополнений к костюму, в первой половине XIX в. уже 130. Изготавливались они из тканей 54 разновидностей, 19 наименований меха, восьми сортов кожи. Причем из представленных компонентов 74 элемента костюма (66 %) были традиционными для сельских жителей России, в т. ч. 50 общерусских, 17 — локально бытующих в местах выхода переселенцев, семь — древнерусских. У городского населения было заимствовано 18 элементов (16,1 %), у аборигенных народов — 14 (12,5 %), появилось 6 (5,4 %) новых, сибирских по происхождению элементов. Показательно, что в изучаемом регионе раньше, чем в европейской части страны, широкое распространение в деревне получили женская пара, платье, мужской жилет. Сибиряки были зна-

чительно лучше их европейских собратьев обеспечены теплой зимней одеждой и обувью, не носили плетеной обуви (лаптей).

Важную роль в развитии костюма играли инновации, связанные с заимствованиями у аборигенных народов, носящие (преимущественно утилитарный характер) у городских жителей (престижно-знаковый), либо возникшие в результате творчества народных масс в новых для них условиях. Сложившееся в Сибири соотношение традиций и инноваций с локальной динамикой в отдельных районах позволило русскому населению, не утратив основ культуры, создать костюм, адаптированный к местным условиям.

Жилище в традиционном обществе является одним из ключевых символов культуры. Оно в определенной степени является квинтэссенцией освоенного мира, жизненного пространства. Жилищно-хозяйственный комплекс можно рассматривать как способ использования местных природных ресурсов. Немногочисленный контингент русских поселенцев на бескрайних просторах Западной Сибири как бы «проиграл» заново, в ускоренном темпе, за несколько десятков лет эволюционное развитие русской архитектуры предшествующих пяти–шести веков. Он прошел путь от простейших срубных построек, зимовий и клетских изб до значительных по масштабу и совершенных жилых сооружений, сопоставимых на рубеже XVII – XVIII вв. по техническим и архитектурным качествам с деревянным зодчеством северных районов России. Здесь, во вновь осваиваемом регионе, в конце XVIII в. раньше, чем в центральных российских губерниях, получили массовое распространение «белые» печи с тягой, начали появляться кирпичные фундаменты. Со второй половины XVIII в. в деревне активно использовались развитые архитектурные формы домов: пятистенки, шестистенники, крестовики. В середине XIX в. основным стал вариант «изба–сени–горница» трехчастного типа. В большинстве мест выхода крестьян в Сибирь таковым оставался двухчастный тип «изба–сени». Членение внутреннего пространства жилых помещений, отделка поверхностей стен, ассортимент мебели и предметов утвари, жировое освещение, чистота и порядок в домах также являлись характеристиками, отличавшими в лучшую сторону быт сибиряков-старожилов от сохранявшегося на родине их предков.

Опережающие темпы развития по ряду показателей (типология жилища, его внутренние характеристики, время распространения костюмов, характерных для других социальных групп) материальной культуры по сравнению с таковой в европейской части страны, стали возможны благодаря целому ряду причин и прежде всего особенностям социально-экономического положения региона. На вновь осваиваемой территории в период позднего феодализма существовали определенные резервы для поступательного развития всех сторон общества. В Европейской России наличие крепостного права приводило к медленному изменению и даже консервации некоторых сторон крестьянского быта, его материальной культуры. Существенное значение имел и более высокий уровень жизни русских сибиряков, преобладание в их среде зажиточных хозяев.

Результатом успешной адаптации русского населения в новых хозяйственных, экологических и этнических условиях Сибири явилось формирование на протяжении XVII – первой половины XIX в. внутрирегиональных комплексов культуры, в наибольшей степени соответствующих природно-климатическим особенностям территорий, образу жизни поселившихся на них людей. Так, в тундре и на севере таежной зоны сложился специфический стиль одежды, в котором общерусские элементы органично сочетались с элементами костюма аборигенных народов Севера. Широкое использование здесь заимствованной меховой одежды и обуви было необходимо по причине сурового климата. Активные занятия русских северян промыслами и торговлей определили значительное место в их гардеробе городских видов одежды. В тундровых районах, несмотря на дефицит строительных материалов, сохранялась традиционная типология жилища с включением элементов, способствующих его утеплению.

Для таежной полосы и севера лесостепной, заселенной в первый период освоения западносибирской территории, было характерно преобладание добротных рубленых жилищ на высоком и средней высоты подклете, как и на Русском Севере, и двухчастных замкнутых усадеб с крытым или полукрытым двором, рациональным в сибирских условиях. Здесь наиболее четко прослеживается бытование северно-русского комплекса одежды. В ходе приспособления к новой обстановке традиционный костюм был

дополнен некоторыми заимствованными у коренных жителей края элементами (правда, меньшим чем в первом выделенном внутрирегиональном комплексе). Ведущая роль в материальной культуре этого района севернорусских традиций определялась миграцией сюда на ранних этапах главным образом населения из Поморья, сходного с Западной Сибирью по природно-климатическим условиям.

Наибольшим разнообразием, сочетанием элементов, восходящих к различным общностям, отличалась материальная культура русских в лесостепной и степной полосе. В организации жилых и хозяйственных построек преобладающими оказались средне- и южнорусские традиции, сложившиеся на территориях России, испытывавших дефицит лесоматериала. Эти традиции оказались наиболее приемлемыми в аналогичной ситуации на просторах вновь осваиваемого региона. В результате интенсивного этнокультурного взаимодействия в женском и мужском костюме русских этого района появляются новации: яга, малахай, чембары, заимствованные у тюркоязычного населения, формируется локальный вариант женского головного убора — стеганец. На Алтае происходит включение в русский костюм одежды, удобной в горной местности, меховой обуви, воспринятых от коренных жителей.

С приходом в Сибирь у русских вырабатывались социально обусловленные психологические установки на восприятие местного населения, контакт с ним во всех сферах, в т. ч. бытовой. Сибирские старожилы, не зная крепостной зависимости, осознавали себя как личность и стремились к индивидуальному проявлению во всех сторонах быта, что существенно отличало их от частновладельческих крестьян России. В целом у русских, переселившихся в Сибирь, формировались психологические установки на быстрое и основательное обустройство на новом месте, что в конечном итоге способствовало их успешной адаптации в крае. Адаптация системы жизнеобеспечения русского населения в условиях освоения территории Сибири достигалась путем сбалансированного и динамичного соотношения традиций и новаций в материальной культуре.

Потребность населения в социальной, социокультурной адаптации формируется под воздействием миграционных и урбаниза-

ционных процессов. Под социокультурной адаптацией принято понимать процессы универсального, всестороннего, всеобъемлющего приспособления человека или группы людей, оказавшихся в инонациональной, инокультурной среде, к жизни в новой для них среде. При этом следует учитывать общие закономерности, а также характер, содержание, темпы, типы, формы, виды взаимного приспособления индивидов, социальных группы, организации, институтов и «внешней» среды, имеющей социальную природу, существующую вне субъекта и оказывающую на него воздействие. В социальных системах передача исторического опыта, которую иногда называют «социальной памятью», составляет важнейшее условие их дальнейшего развития. Социокультурная эволюция происходит именно путем усвоения, наследования, использования всех тех полезных навыков, обычаев, норм поведения знаний и традиций, которые дают возможность лучше адаптироваться к изменяющимся условиям среды.

Важное значение в социокультурной адаптации групп сельского и городского населения в период освоения территории Сибири играли регламентирующие действия государства и общины. Необходимость в рамках общины постоянно решать вопросы, связанные с взаимоотношениями хозяйства отдельной семьи и жизни селения в целом, создавала основу для накопления огромного социального и культурного опыта, сохранения традиций и воспроизведения обрядов. Семья выступала в качестве социального института адаптации, обеспечивая своим членам экономическую, социальную и физическую безопасность, условия для социализации детей и молодежи, влияя на традиционные устойчивые нормы и формы поведения, передающиеся из поколения в поколение.

К социокультурным реалиям, исследовавшимися нами, отнесены адаптирующиеся и адаптированные к сибирским условиям формы проведения досуга у городского и сельского населения, календарно-обрядовые традиции, тесно связанные с бытом, религиозными верованиями, обычаями и обрядами, праздниками и фольклором. При рассмотрении выделенных элементов и институтов культуры русского населения Сибири главное место отводилось процессам *направленной* социализации, когда государство предпринимает определенные экономические, законодательные, организационные меры для решения своих задач, которые объек-

тивно влияют на изменение возможностей и характера развития, на жизненный путь тех или иных возрастных и социальных групп населения; *контролируемой* — планомерного создания обществом и государством правовых, организационных, материальных и духовных условий для развития человека; *стихийной* — социализации человека во взаимодействии и под влиянием объективных обстоятельств жизни общества, содержание, характер и результаты которой определяются социально-экономическими и социокультурными реалиями.

На основе всестороннего изучения выделенных элементов социокультурной системы русских сибиряков был выявлен некий алгоритм, по которому проходила адаптация населения в условиях освоения новой территории. В ситуации, связанной с миграцией русского населения на новую территорию в Сибирь, изменения носили крупномасштабный характер и требовали от субъектов адаптации более активного и быстрого поведенческого реагирования на вызов среды. Оказывались востребованными и культивировались такие личные качества, как особая настойчивость, упорство, твердость, предприимчивость, смекалка, находчивость, вера в свои силы.

Опыт, накопленный субъектами с активной стратегией поведения, имеющий позитивный эффект, являлся общественно полезным и экономил силы для более пассивных субъектов, заимствовавших готовые формы приспособительного поведения. У новоселов под влиянием старожилов вырабатывались актуальные поведенческие реакции.

Внутри системной социокультурной адаптации проходили локальные адаптации, затрагивающие отдельные структурные элементы социальной системы. Среди них *ролевые,* связанные с усвоением новых социальных ролей. Так, при создании семей повышался статус молодого поколения, что увеличивало его адаптивный потенциал. С демографической ситуацией в крае были связаны некоторые особенности брака у русских. Заключались межнациональные браки, при выборе пар присутствовало сосуществование имущественных и личностных мотивов, необязательным был характер родительского и церковного благословения. Имелись нарушения социальных ограничений брачного круга, относительно высокий брачный возраст, отсутствие существенной

возрастной разницы между супругами, значительный акцент при выборе жениха и невесты на репутацию «хорошего рода»; *факультативные* элементы, закрепленные в культуре и полученные в ходе социализации, наследуемые в рамках принадлежности к той или иной субкультуре. В частности, приобретение подрастающим поколением в процессе чтения, игр, участия в календарных праздниках и обрядах, свадебном ритуале, трудовом воспитании выработанных другими субъектами реакций и норм адаптивного поведения; *стабильные* адаптации, связанные с переменой места жительства в пределах одной территориальной общности, без изменения внутренней структуры адаптанта. Адаптивный опыт, полезная информация, накопленная в результате миграций, приспособления к новым местам, территориальным общностям, культурам оказывалась весьма полезной и облегчала ход адаптации при новой перемене мест. Это было, в частности, характерно для внутри сибирских миграций при т. н. сползании земледелия на юг.

Таким образом, при освоении сибирской территории использовались такие средства адаптации, как *институциализированные*, позволяющие направлять деятельность адаптантов за счет усилий со стороны социокультурной среды (государство, городская среда, сельская община); *нормативно-регулятивные*, направляющие адаптивную деятельность с помощью норм культуры, традиций, обычаев, ритуалов, официальных предписаний, социального контроля за ходом взаимодействия сторон (роль общины в свадебном ритуале, жизни семьи, социализация во время календарных праздников, государственных торжеств, планомерное создание обществом и государством организационных и духовных условий для жизнедеятельности человека); *личностные,* имеющие социально-психологическую окраску, воплощающие познавательные алгоритмы (трудовое воспитание детей, передача опыта), ценностные ориентации (уважение к родителям, старшему поколению, доброта, порядочность). Все эти принципы и правила оформлялись в сибирском фольклоре в афоризмы нравоучительного характера. Множественные факторы, оказывавшие в процессе освоения новой территории влияние на хозяйственную деятельность населения, быт, общественное устройство, мировоззрение, культуру, предопределили и осознание сибиряками особенности сво-

его положения, что выразилось в поговорке «Страшна Сибирь слухом, а люди лучше всех живут».

Адаптации осуществлялись на поведенческом и результирующем ментальном уровне. Жители Сибирского региона в большей степени руководствовались естественными потребностями и поступками, отчего на многие принципы и правила смотрели гораздо свободнее, жаждали новых впечатлений, были склонны к инновациям. Идеи, возникающие в индивидуальном сознании, распространялись в обществе и давали возможность для социокультурных изменений. Активная актуальная деятельность адаптантов, ставших сибирскими старожилами, затухает, притормаживается, свертывается, когда наступает результат процесса адаптации — адаптированность и принимает потенциальные формы.

Социокультурный опыт сибиряков как бы кристаллизовался в менталитете. Социальный идеал сибиряки определяли как зажиточность, обустроенность жизни, стремление к повышению благосостояния. По их мнению, отношение к делу должно было быть просчитанным, с определенным запасом прочности, ориентацией на успех. Личность человека стояла в центре их миропонимания, обладала высоким общественным статусом, традиционными правами и обязанностями. С глубоким уважением в Сибири относились к женщинам. Нравственными критериями для сибиряков являлись честность, порядочность, сострадание. Они гордились душевными качествами: умом, любознательностью, гостеприимством. Краеугольным камнем сибирского сознания являлась опора на традиции и заветы предков, уважение и соблюдение обрядов, подключение к групповой памяти, дающее возможность ориентироваться в мире и обеспечивающее чувство надежности и стабильности.

В целом успешная социокультурная адаптация населения в Сибири свидетельствовала о наличии в русской народной культуре необходимого потенциала для успешной адаптации и плодотворного развития в условиях освоения новых территорий. В современной историографической ситуации на основе значительного числа репрезентативных исследований материальной, духовной, социальной культуры русского населения Сибири, апробированных историко-этнографических, социокультурных, этносоциальных подходов к изучению адаптационных процессов в услови-

ях освоения территории региона актуальным является создание многомерной модели адаптации русских к условиям Сибири. Необходимо комплексное изучение адаптации по трем составляющим — материальной, социокультурной, ментальной с выделением в них основополагающих компонентов, определением алгоритмов и соотнесением векторов развития в каждой из выделенных сфер.

Следует учитывать, что характер взаимодействия человека с окружающей средой гео- и биосферой определяется не только природной компонентой, но и уровнем развития производства. Влияние среды на человека проходит в двух направлениях — социальном и биологическом. В процессе освоения новых территорий происходит не только естественно-биологическая адаптация, но и экономическая и социальная. В их основу закладывается определенная направленность, ментальность, характеризующая групповую принадлежность отдельного индивида, мировоззрение всей социальной группы. Все это вырабатывалось, корректировалось, воспроизводилось обществом в ходе постоянной целенаправленной работы, результаты и достижения которой передавались из поколения в поколение.

Через параметры адаптации, пути, способы, формы, фазы и темпы можно оценить уровень развития культуры как интегрированного показателя адаптационных процессов, а также сравнить состояние культуры на исходной (в европейской части страны) и вновь освоенной русскими территории Сибири. Анализ этапов адаптации с позиций историзма, ретроспективный взгляд на процессы адаптации должен осуществляться в контексте социального развития России. При этом необходимо учитывать общие закономерности адаптационных процессов и применять соответствующий понятийный аппарат: *преадаптация* — использование уже «готовых» элементов внутренней структуры адаптанта, приспособленных заранее форм при внезапных изменениях среды; *инадаптация* — собственно адаптация, *постадаптация* — частное совершенствование, дофилировка приобретенной адаптации. Следует также определять характер адаптаций — гиперинновационные, инновационные, традиционные и действие адаптационных механизмов как совокупности средств, с помощью которых про-

водится в действие и самореализуется адаптивный потенциал субъекта.

Для восстановления нарушенного равновесия в системе «адаптант – адаптирующая среда» целесообразно выяснять виды и способы взаимного приспособления индивидов, социальных групп, организаций, институтов и внешней среды: ассимиляция — поглощение адаптанта средой; аккомодация — нахождение субъекта и среды адаптации в состоянии «затяжного конфликта»; встречные адаптации субъекта и среды; коадаптация — корреляционное приспособление социальных институтов, групп, индивидов; дезадаптация — отсутствие или исчезновение (уничтожение) адаптации (адаптированности); реадаптация — возвратная адаптация к прежней среде.

Сосредоточив внимание на основных, требующих разрешения проблемах совокупности средств реализации адаптивного потенциала (механизм адаптации), алгоритмов адаптивного поведения у разных групп, этапах адаптации, можно получить представление об адаптации русских сибиряков как процессе и результате в условиях освоения территории рассматриваемого региона и создать модель адаптации русского населения в Сибири.

Примечания

[1] **Анучин Д.Н.** Этнографические очерки Сибири. Русско-сибирская народность // Ремесленная газета. 1876. № 14, 15, 21, 22, 24, 25; **Новоселов А.** Задачи сибирской этнографии // Записки ЗСОРГО. 1916. Т. 38; **Щапов А.П.** Историко-географические и этнографические заметки о русском населении. Иркутск, 1937; **Ядринцев Н.М.** Сибирь как колония. СПб., 1882.

[2] **Шелегина О.Н.** Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (Историко-этнографические аспекты. XVII – XX вв.). М., 2001. Вып. 1. С. 16 – 20.

[3] **Шелегина О.Н.** Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1992.

[4] **Шелегина О.Н.** Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (Историко-этнографические аспекты)... С. 22 – 23.

[5] **Скрябина Л.А.** Русские Притомья. Историко-этнографические очерки (XVII – начало XX в.). Кемерово, 1997; **Томилов Н.А.** Русские Нижнего Притомья (конец XIX – первая четверть XX в.). Омск, 2001; Русские в Омском Прииртышье (XVIII – XX вв.). Историко-этнографические очерки. Омск,2002; Этнография Алтая и сопредельных территорий. Мат-лы междунар. науч.-практич. конф. Барнаул, 2003. Вып. 5.

[6] Традиционная культура русских Западной Сибири XIX – XX вв. Омск, 2003.

[7] Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII – XX вв. Новосибирск, 2001. Вып. 1, 2.

[8] **Андюсев Б.Е.** Сибирское краеведение. Хозяйство, быт, традиции, культура старожилов Енисейской губернии XIX – начала XX в. Красноярск, 2003.

[9] **Ромм М.В.** Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. Новосибирск, 2002. С. 5 – 6.

[10] **Муровцева О.В.** Адаптация как общенаучное понятие. Могилев, 1986;. **Верещагин В.Ю.** Философские проблемы теории адаптации человека. Владивосток, 1988; Миграционная структура как элемент адаптационной системы // Вопр. антологии. М., 1989. Вып. 82; **Казначеев В.П.** Современные аспекты адаптации. Новосибирск, 1980; **Кайлаков И.Д.** Цивилизация и адаптация. М., 1984; Компоненты адаптивного процесса / Под ред. В.И. Медведева. Л., 1984; **Кузнецов П.С.** Адаптация в широком и узком смысле // Вопр. практической психологии. Саратов, 1996. С. 32 – 35; **Шпак Л.Л.** Социокультурная адаптация: сущность, направления, механизмы реализации. Кемерово, 1992; **Маханько Н.В.** Социокультурная адаптация в трансформационных процессах культуры: Дисс. канд. филос. наук. Краснодар, 2001; **Ошуркова Н.А.** Динамика социально-психологической адаптации: Дисс. канд. психол. наук. М., 1995;. Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000; **Грищенко В.В.** Русские среди русских // Проблемы адаптации вынужденных мигрантов. М., 1999; **Он же.** Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М., 2002; Проблемы адаптации русских старожилов в Азербайджане // Советская этнография. 1988. № 6. С. 34 – 49; 1989. № 5; Проблемы истории адаптации российских эмигрантов // Отеч. история. 1995. № 5; Русские ближнего зарубежья // Российская этнография. 1993. № 9; **Поляков Ю.А.** Проблемы эмиграции и адаптации в свете исторического

опыта // Новая и новейшая история. 1995. № 3; Источники по истории адаптации эмигрантов России // Отеч. архив. 1996. № 2; Адаптация русских эмигрантов в Латинской Америке // Латинская Америка. М., 1996. № 2; **Хитрова Е.В.** Культурная адаптация русских мигрантов во Франции // Россия и Франция XVIII – XX вв. М., 1998. Вып.2; **Крылова Н.Л.** Русские женщины в Африке. Проблемы адаптации. М., 1996; **Чубур А.А.** Роль мамонта в культурной адаптации верхнепалеолитического населения Русской равнины // Восточный граветт. М., 1998; **Козлова М.С.** Путь гоминид как адаптивная стратегия // Человек. М., 1999. Вып. 1. С. 25 – 35; **Липинская В.А.** Адаптивно-адаптационные процессы в народной культуре питания русских // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М., 2001; **Арутюнов С.А.** Адаптивное значение культурного полиморфизма // Этнографическое обозрение. 1993. № 4. С. 41 – 50; **Волкова В.М.** Этнические традиции и формирование одежды как средства социально-бытовой адаптации инвалидов: Дисс. канд. ист. наук. СПб., 1996; **Гасанова Н.М.** К проблеме этнопсихологической адаптации // СОЦИС. 1995. № 11. С. 63 – 67.

[11] **Петрова Е.В.** Социокультурная адаптация «семейских» Забайкалья: этносоциологический анализ. Улан-Удэ, 1999.

[12] **Пальцев А.И.** Менталитет и ценностные ориентации этнических общностей (на примере субэтноса сибиряков). Новосибирск, 2001.

[13] **Гуляева Н.В.** Основы адаптологии: Учеб. пособие. М., 1997; **Кочеткова М.Г., Завьялова М.Н.** Адаптация и резервы человека (Учебно-методическое пособие). М., 2000; **Королев В.И.** Климатическая адаптация: Учеб. пособие. СПб., 1998.

[14] **Корель Л.В.** Классификация адаптаций: Словарь основных понятий. Новосибирск, 1996; **Она же.** Социология адаптаций: этюды апологии. Новосибирск, 1997.

[15] Культурология. XX век: Словарь. СПб., 1997. С. 15.

[16] **Садохин А.П.** Этнология: Учеб. словарь. М., 2002. С. 9 – 10.

[17] **Шелегина О.Н.** Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (Историко-этнографические аспекты. XVII – XX вв.). М., 2001. Вып. 1; **Она же.** Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. Социокультурные аспекты. XVIII – начало XX в. М., 2002. Вып. 2.

А.Е. Аникин
(Институт филологии СО РАН)

ИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ СВИДЕТЕЛЬСТВ О БЫТЕ И ВЕРОВАНИЯХ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ ИНДИГИРКИ И КОЛЫМЫ

Сохраняя фундаментальные черты русского языкового строя, диалекты русских старожилов Сибири, имеющие преимущественно севернорусское происхождение, за несколько столетий своего бытования в Сибири стали неотъемлемой частью местного лингвистического ландшафта. «Врастание» в него особенно ярко прослеживается на примере изолированных диалектов Колымы и Индигирки. Поздняя этническая история этого региона в целом хорошо известна.

Русские старожилы Индигирки и Колымы (индигирщики и колымчане), общая численность которых в 1920-е гг. составляла ок. 1 200 чел.[1], были потомками землепроходцев, ассимилировавшими часть своих соседей, прежде всего юкагиров и северных якутов. На Индигирке русские появились впервые в 1638 г. (Постник Иванов). Впоследствии индигирщики стали обитать в мелких селениях преимущественно в дельте. Наиболее известное из них — *Русское Устье* — получило свое название по *Русскому Устью* (*Русской протоке*) Индигирки, т. е. западному рукаву дельты, более близкому к Руси, — в противоположность восточному рукаву, который был назван *Колымской рекой* (*протокой*), т. к. находится ближе к Колыме. Большая часть данных о диалекте индигирщиков и их фольклоре получена именно в Русском Устье. Колыма была впервые достигнута русскими в 40-е гг. XVII в. (Семен Дежнев). К концу XIX в. колымчане обитали главным образом в селении Среднеколымск и мелких селениях в низовьях Колымы, в т. ч. в Нижнеколымске. Следует заметить, что описанное В.Г. Богоразом «русское колымское наречие» в настоящее время уже не существует.

Интенсивные контакты русских с наиболее древними насельниками северо-востока Азии — юкагирами, а также с расселявшимися на юкагирских землях якутами и эвенами начались не ранее XVIII в. Эти контакты становились все теснее по мере роста и

закрепления русского населения, стремления юкагиров найти защиту от нападений чукчей, обращения соседей русских в христианство (правда, более или менее формальное) и распространения смешанных браков. «В начале XIX в. в состав русских старожилов входили уже целые семьи юкагиров»[2] Во многом именно вследствие слияния с русским населением в середине XIX в. исчез крайне-восточный юкагирский диалект — чуванский. К настоящему времени сохранились (главным образом в самой старшей по возрасту группе потомственных юкагиров) лишь небольшие остатки некогда многочисленного по сибирским меркам юкагирского народа и его разнообразного в диалектном отношении языка (есть основания говорить о разных юкагирских языках). По переписи 1989 г., в общей сложности насчитывалось около 1 100 юкагиров. Сохранились тундренный (юкагТ) и лесной (юкагЛ) или верхнеколымский юкагирские диалекты или языки.

С течением времени, сопровождавшегося процессами метисации, русские старожилы Колымы стали называть себя «колымским народом» (*койымской найод* в «сладкоязычном» произношении колымчан), уже не отождествляя себя с далекой и загадочной Русью (*Йусь мудйена = Русь мудрена*, колымская поговорка). Как в некоторых других «глухих углах Сибири», колымчане утратили не только прежний соматический тип, но и первоначальное национальное сознание: *Каки мы йуские, мы койымской найод*[3]

Сопутствовавшая процессам русско-юкагирского, русско-якутского и т. п. этнического взаимодействия (не говоря о юкагирско-эвенском и др.) языковая интерференция сказалась на всех уровнях диалектов индигирщиков и колымчан. Очень показательна их лексика, предоставляющая немало данных, свидетельствующих об интенсивности межэтнических контактов и усвоении потомками землепроходцев многих элементов материальной и духовной культуры других обитателей северо-востока Азии. Ниже рассматриваются не-которые из свидетельств этого рода.

Основополагающая роль юкагирского пласта в культуре индигирщиков (индиг.) и колымчан (колым.) не раз отмечалась в литературе. Русские старожилы унаследовали традиционные промыслы поречных юкагиров — рыболовство, собаководство, поколку диких оленей и охоту на линных гусей, многие хозяйственные приемы юкагиров, а русские поселения возникали именно там, где

юкагиры устраивали речную охоту на мигрировавших оленей[4] Историко-этнографические данные дополняются свидетельствами лексиче-ских заимствований: рус. колым. *гинджил* 'нижний край полы шатра'[5] < староюкаг. **киндьил* (= юкагЛ *кисил* 'конец, край'[6]), индиг. *алгажни* 'деревянные палки, в которые вставляется скребок для обработки шкур'[7] < юкаг., ср. юкагЛ *анүажии* 'скребок с круглым, без зубцов лезвием; тальниковая палка с каменным скребком в середине'[8], юкагТ *анүарии(ŋ)* 'скребок'[9], индиг. *мутылек* 'птичий желудок', *гусиные мучильки* 'очищенные желудки (линных) гусей, особенно чуть протухшие, поедавшиеся в сыром виде'[10] < юкагТ (*йандэŋ) мочил* '(гусиный) желудок'[11] и др.[12]

Очень велик юкагирский вклад в духовную культуру старожилов. Ими был усвоен значительный пласт юкагирских представлений о мире. Согласно В.Г Богоразу, имеются сведения о существовании русских шаманов. Они произносили шаманские тексты по-юкагирски, хотя местные русские, как правило, этого языка не знали[13]

Юкагирское происхождение имеет оригинальная форма песенного творчества русских старожилов, — т. н. *анды(ль)щина*, колым. *андыльщина*, *андыщина* импровизированная песня по преимуществу любовного содержания', *андыщина на юкагирской склон* 'один из основных напевов андыщины'[14], индиг. *андыльщина* 'песенное предание, лирическая песня, сочиненная для себя и про себя'[15] < староюк. **андил* = современное юкагЛ *адил* 'парень, друг, любовник'[16], ср. чуван. *andyla* 'юноша' и др.[17] «Андыщина представляет собой поэтическое выражение любовного чувства, которое сделало бы честь народу несравненно более культурному, чем койымской найод»[18]

В «столице» лесных юкагиров — селении Нелемное неподалеку от Зырянки (центр Верхнеколымского улуса Якутии) А.Б. Ключевский в середине 1980-х гг. записал местное рус. *айви* 'душа умершего, обладающая способностью вселиться в новорожденного', явно тождественное рус. индиг. *ай-вы* родился 'о ребенке, который родился с родимым пятном (по поверью, он «родился вместо кого-либо из умерших родственников, также имевших родимое пятно»)'[19] Запись *ай-вы*, вероятно, следствие стремления осмыслить непонятное слово. То же стремление, возможно, проявилось и в индиг. *ояви* (приходить) 'об умершем, возвращающемся с

того света под видом новорожденного'[20] Форма *ояви* может быть обусловлена народно-этимологическим притяжением (возможно, в идиолекте собирателя А.Г Чикачева, в свое время секретаря Аллаиховского райкома КПСС, русскоустьинца по рождению) к рус. *на-яву*, *явиться* и т. п. Несомненно, что рус. *айви*, *айвы* (*родиться*) и *ояви* (*приходить*) происходят из юкагирского источника, близкого или тождественного юкагЛ *айбии* 'душа, тень умершего'[21]

Возможность возвращения айбии из мира мертвых в мир людей мыслилась лишь тех, кто не совершил большого греха, например, убийства невинных. По представлениям лесных юкагиров, о возвращении айбии того или иного человека можно узнать из сновидений или по примете на теле младенца. Вполне здоровый человек мог пообещать кому-то приход своей айбии после своей смерти, и это позволяло узнать, чья айбии появилась в какой-то семье вместе с новорожденным[22] Сходные поверья были известны и русским индигирщикам, считавшим, что вернувшегося ояви человека можно узнать по сновидениям, родимым пятнам, рубцам на теле младенца, которые были у ушедшего при жизни и т. п.[23] Известный у лесных юкагиров обычай делать четыре отверстия в крышке гроба[24], представляющий очевидное «языческое» наслоение на поздно (уже в конце XIX в.) воспринятый ими христианский похоронный обряд, несомненно, объясняется желанием возвращения айбии умершего. По крайней мере, именно с этой целью русско-устьинцы делали отверстия в крышке гроба[25] Весьма показательна приводимая А.Г Чи-качевым русскоустьинская «байка»: «*Годов восемь назад видел я сон. Будто моя мать вошла к нам в избу и спрашивает брата Семена. Я ей говору: "Мама, Семен живет у Яра, а мы живем тута, в Крутой" А она отвечает: "Я хотела у них пожить" Ушла... Прошло времо. Про сон я забул. Оннежду приезжаю к Яру. Смотрю — у Семена жена, Мария, беременная. Я про сон-от и рассказал брату. "Значит, мама ояви прийти хочет, а ведь давно умерла-то. Не зря, значит, я дырку на гробе делал, звал в свою семью... люди забуль второй раз рождаются — приходят ояви*»[26]

Как целое, рус. *ояви приходить* и *ай-вы родиться* могут быть передачей оборота типа юкагЛ *айбии кэл-*, где *кэл-* 'приходить, возвращаться', ср. *айбииги кэлул* 'тень вернулась' — «так говорят о

младенце, когда уверены, что с ним появилась тень умершего ранее родственника или уважаемого человека»[27] А.Б. Ключевский слышал на похоронах в Нелемном восклицания *приди айви!* (т. е. воскресни в виде *айви* в новорожденном), вероятно, передающие аналогичное юкагирское речение с императивом.

Якутский вклад в культуру и язык индигирщиков и колымчан является хронологически более поздним, нежели юкагирский, но по объему и значимости едва ли уступает последнему. Ниже приводятся несколько примеров с достаточно явными этнографическими импликациями.

В Русском Устье известен фразеологизм *на траву упасть* 'родиться', ср. в фольклоре: *...родилася дочь... Как на траву упала, так и по комнате швет стал от ея красоты*[28] Его колымский кор-релят в источниках по русской лексике как будто не зафиксирован, но несомненно существовал, как можно судить по нижеследующей цитате из произведения В.Г. Богораза «Союз молодых (Роман из северной жизни)», включающего, как и другие художественные произведения того же автора, обильные и этнографически данные о жизни северян: «... *вместо холщовых простынь красное тельце малютки, по местному обычаю, упало на родильную траву... и русская шаманка Анисья Однобокая обтерла его пучком... сена*». Несомненно, что индигирско-колымское на траву упасть 'родиться' сложилось под влиянием якут. *окко т с-* 'упасть на траву' (*окко* < *от-ко*, где *от* 'трава, сено', *т с-* 'упасть') как обозначения появления новорожденного на свет. Это выражение обычно в устном народном творчестве: *лукуора к х окко уу дьулайбынан лос кына т ст м* 'хлопнулся я самым теменем на зеленую локуора-траву'[29] В олонхо «Могучий Эр Соготох» роженица напоминает, что перед родами нужно *отто киллэрэн оттоох ороннор олордуоххун* 'сена внести да на подстилку из сена [ее] усадить'[30] В старину якутки рожали, стоя на коленях и опираясь на вбитые в пол юрты колья. Под колени роженице настилалась мягкая трава[31] То, что традиционный якутский способ родов на траве (сене) на коленях был усвоен русскими роженицами на Индигирке и Колыме, подтверждается также колымским выражением с *травочке взясти*, которое является модификацией фразеологизма *на траву упасть* и обозначает обычай, когда ребенка заби-

рали на воспитание со дня рождения, ибо «...ребенок родится на траву, подостланную под родильницу»[32]

Колым. *прошка* 'половой орган мальчика'[33] совпадает по форме с индиг. *прошка* 'нюхательный табак', которое широко известно в других сибирских диалектах и несомненно занесено в Сибирь из Европейской России, вероятно, с ее северо-запада, ср. арханг. *прошка* в том же значении[34] Это название нюхательного табака заимствовано, на что впервые указал В.Г. Богораз, из польск. *proszek* 'порошок' от *proch* 'пыль, прах, порох'[35] Странный на первый взгляд перенос названия нюхательного табака на половой орган мальчика — несомненный результат якутского влияния: в старину якуты нюхали и то и другое. Рус. *прошка* 'нюхательный табак', будучи заимствовано в якутский, приобрело дополнительное значение 'penis мальчика', а затем это же значение под якутским воздействием развилось и у рус. колым. *прошка*. Толчком к такому семантическому сдвигу могло послужить и наличие якут. *сыччыый*, *сыччыыр* 'нюхательный табак', 'детский половой член'[36] В индигирском диалекте слово *прошка* обозначало только 'нюхательный табак', а выражение *прошку тянуть*, как и в некоторых других диалектах Сибири и Русского Севера, — 'нюхать табак'. У колымчан же выражение *прошку тянуть* значило также 'нюхать половой член мальчика', и это обстоятельство послужило колымчанам поводом для непристойных шуток по поводу индигирщиков[37] Вопросы типа *а прошку-то небось тянешь*? звучали двусмысленно[38]

Рус. колым. *хабур* 'лед, обнажившийся из-под снега поздней весной'[39], индиг. *хобур* 'хрустение, шум снега во время ходьбы, езды на нартах и т. п. в мороз'[40] заимствованы из якутского диалектного источника типа (Индигирка) *хобур*, известного в сочетаниях *сыа хобур* 'время первого появления весеннего пупырчатого льда' (букв. 'жирный лед', ср. *сыа хаар* 'верхний слой снега, мягкий снег' = 'жирный снег'), *хатыы хобур* 'весенний пупырчатый, колючий лед после ухода надледной воды' (= 'шероховатый лед', ср. *хатыы* 'шероховатость')[41] Якут. *хобур* связано с *хабырыын* и др. 'весенний снег, растаявший и потом подмерзший, вследствие чего образуется шероховатая поверхность'[42] и, далее, с монг. *xabur* 'весна'[43] В якутском, вероятно, заимствование из монгольского. Семантическое развитие якут. *сыа хобур*, *хатыы хобур* представ-

ляется в виде 'весна' > 'время появления весеннего льда; весенний лед'. Значение якутско-индигирского слова в его отношении к монг. *xabur* 'весна' так или иначе обусловлено вхождением якутов в циркумполярную область. Вместе с тем возможно, что семантический сдвиг 'весна' > 'весенний лед, наст' осуществился в якутском под юкагирским влиянием: юкагЛ *ille* (= *ille*) имеет значение 'вторая весна (у юкагиров весна делилась на три периода)' и 'снег, покрытый ледяной коркой, наст'[44] Типологической аналогией может служить нен. *нара* 'весна (до ледохода)', 'время наста'.

Заимствование слова *хабур/хобур* стало языковым отражением усвоения русскими старожилами одного из важных навыков обитания в условиях Заполярья: «Жизнь у реки (Индигирки. — **А.А.**) и постоянная езда по льду привели к детальному знанию старожилами всех состояний льда... К весне с образованием заберег над глубокой частью реки — быстерью сохраняется ледяная дорога — *хобур*, мощный слой льда, достигающий нескольких метров в толщину. По нему еще долго ездят на собаках, перевозя их и нарты к берегу на лодках. Езда весной по *хобуру*, знание всех его отклонений относительно берега позволяли старожилам свободно выполнять сложную работу лоцманов по непромеренным фарватерам рек в первые годы советской власти"[45]

На Индигирке известно выражение *спускать сату* 'колдовать с целью вызвать нужную погоду (обычно весной, чтобы снег подмерз от ветра и было легко ехать)'[46] А.Г Чикачев записал рассказ о том, как о спускании саты просят владеющего приемами колдовства старика застрявшие в оттепель путники: «*Дедушка крепись, чиво-нибудь да доспей. Сату-ле, чево-ле спусти. Заперлися, не знаем, как до Индигирки добраться*»[47] Указанное выражение является передачей якутского глагола саталаа- 'колдовать с целью вызвать ненастье, бурю'[48], образованного с помощью суффикса -*лаа*- от существительного, ставшего источником русско-индигирского *сата* 'камень, осколок метеорита, обладающий, по поверью магическими свойствами'[49] Речь идет о якут. *сата* 'безоар или безоаровый камень, по поверью якутов обладающий способностью вызвать летом сильный холодный ветер, бурю, дождь и снег, а зимой — тепло', 'причинение ветра и стужи, изменение погоды посредством колдовства'[50] Интересно якут. (Инди-

гирка) *сата тыала* 'ветер с юга', букв. 'ветер саты'[51], исходно могло быть обозначением 'ветра, вызванного спусканием *саты*'.

Интересно, что у русских обитателей Индигирки в качестве некоего подобия предмета с магическими свойствами могли выступать грибы, как можно судить по индиг. *погода* 'буря, непогода' (= севернорус. погода в том же значении), но также 'гриб'[52] Значение 'гриб' объясняется поверьем, согласно которому срывание грибов влечет за собой непогоду (срывать грибы в тундре по этой причине запрещалось[53]). Не исключено, что значение 'гриб' (нигде не засвидетельствованное) некогда было и у якут. *сата*, как можно предполагать, опираясь на упомянутое бурят. зада 'ненастье, непогода' в сочетании *тэнгэриин зада* 'непогода', также 'грибы', где *тэнгэриин* = 'небесный', ср. *тэнгэри* 'небо, небеса'[54]

В индигирском диалекте, как и в других русских диалектах Якутии, известны этнонимы якут и ламут. Менее известен индигирский этноним *омук* 'юкагир', который как будто не связан с названием юкагирского племени омоков, но происходит из якут. *омук* 'принадлежащий народу или племени', 'юкагир', 'тунгус, ламут', 'юкагир', 'чукча'[55]

Помимо основной, этнонимической функции рус. индиг. якут., ламут. *омук* имеют дополнительную, выступая как обозначения пород рыб в соответствии с их ценностью: якуты 'не лучшие породы рыб', ламут 'наименее ценная порода рыб', *омук* 'худшая рыба (щука)'[56] К этому же ряду относится слово русаки 'лучшие породы рыб', идентичное рус. русаки 'русские', ср. Русь, русский. Подобное использование этнонимов легко объясняется тем, что рыба составляла основу рациона индигирщиков и корма их ездовых собак[57] Само слово еда обозначало у индигирщиков главным образом рыбу, что находит точную аналогию в якутском устьянском говоре — *ас* 'рыба', букв. 'еда'[58] Правда, при этом было известно и выражение еда ходит 'об олене, бродящем по тундре', которое могло сложиться под влиянием юкагирских речений наподобие юкагЛ *чуулэк огоол,* букв. 'мясо стоит' (= 'олень стоит'). Что касается тождества 'еда' = 'рыба', то оно имело место, по всей вероятности, и у древнейших насельников низовьев Индигирки и Колымы — юкагиров. Обитатели развалин древних жилищ-чандалов, найденные русско-устьинцами по берегам небольших

протоков и притоков в устье Индигирки, скорее всего, были по преимуществу ихтиофагами.

Индигирская градация пород русаки – *якуты – ламут – омук* несомненно зависит от «престижности» соответствующего этнонима (с точки зрения русских). Важно отметить наличие сходных фактов в местных якутских говорах (прежде всего на Индигирке): *нуучча балыга*, букв. 'русская рыба' = 'рыбы наподобие чира, омуля, нельмы, кеты, которые не остаются на зиму в реках, мигрируя обратно в море', *саха балыга*, букв. 'якутская рыба' = 'местная рыба, остающаяся зимой в пределах региона — щука, налим, окунь, ленок, хариус и др.'[59]

Едва ли можно сомневаться, что рус. русаки 'лучшие породы рыб' и якут. *нуучча балыга* 'мигрирующая в море рыба', рус. *якуты* 'не лучшие породы рыб' и якут. *саха балыга* 'местная рыба, не мигрирующая в море' возникли вследствие русско-якутского языкового взаимодействия в регионе нижней Индигирки. Правда, направление влияния и другие детали нуждаются в уточнении.

Индигирской «этнонимической» классификации рыб у колымчан соответствовала «цветовая»: *бела рыба* вся белая частиковая рыба, заходящая из моря, нельма, муксун, сельдятка, а из речной — чир, щокур, окунь, пельдятка'[60], *красна рыба* 'лососи с мясом красного цвета', черна рыба: «сюда причисляются по цвету мяса щука, осетр, налим, хариус, ленок. Черна рыба считается не очень здоровой пищей, и основное условие диеты для больных не есть черной рыбы»[61] Аналоги подобной классификации опять-таки прослеживаются в якутских говорах, ср. якутско-индигирское *р балык* 'нельма', букв. 'белая рыба'[62] — возможно, калька с русского, ср. севернорус. *белая рыба*, *белорыбица* 'нельма'[63]

Иноязычное влияние прослеживается в индигирско-колымских обозначениях пространственно-временных отношений. Нередкие в фольклоре Русского Устья контексты типа *пошел шухома* (*сухума, сегома*) 'пошел наугад' (*пошел сегома и не жнат ни пути ни дороги*)[64] могут быть передачей юкагирских речений наподобие юкагТ *сукинь мираай* 'зашагал наугад, не зная куда'[65] Фигурирующее в русском выражении слово *шухума*, как и колым. *шухома, шухама* употребляется также в значении 'попусту, без причины, зря, без толку'[66] Эти наречия усвоены из источника типа юкагЛ *шухумэ* 'бесполезно, напрасно, зря', откуда и эвен. (нижняя

Индигирка) *сукумэ* 'бесполезно'[67] Согласно правдоподобному объяснению Е.А. Крейновича, юкагЛ *шухумэ* родственно упомянутому юкагТ сукинь 'в необжитом месте', 'попусту, в пустое пространство', 'без причины', в котором он усматривал реликтовое существительное, служащее для ориентации в пространстве и присоединяющее к себе падежные показатели наречий места, ср. *сукит* 'из неопределенного пространства', *сукид'эwрит'ujэ* 'в пустое место пойду' — условное обозначение ухода на промысел[68] Вполне возможно, что и рус. сухума (по)йти (= 'попусту пойти') также могло служить эвфемизмом для обозначения ухода в тундру на промысел оленя, песцов и т. п.

Индигирское выражение *с чайник поспеть* 'время, необходимое для того, чтобы в чайнике закипела вода (единица измерения небольшого отрезка времени; расстояние, преодолеваемое за эту единицу времени)' известно также в варианте, отсылающем к варке мяса в котле[69] В данном случае наиболее вероятно якутское влияние, точнее, влияние якутских оборотов типа *к с* (*солуур, самабаар*) *бысты а* 'время кипения горшка (котла, самовара с водой), около одного часа' (*бысты* 'период времени, короткое время)'[70]

Нельзя утверждать, что подобные обозначения коротких отрезков времени совершенно чужды русскому литературному языку. Нечто похожее на оборот с 'чайник поспеть' отыскивается, между прочим, в описании поцелуя супругов Маниловых в «Мертвых душах»: «*...в продолжение его можно бы легко выкурить маленькую соломенную цыгарку*», что случайно совпадает с якут. *хамсалаах табах бысты а* 'время выкуривания трубки табаку'.

Приведенные примеры являются выборочными и составляют лишь часть лексических свидетельств о быте и мифопоэтических воззрениях колымчан и индигирщиков. Но и изложенный материал позволяет видеть, что за несколько столетий пребывания в на Индигирке и Колыме их восприятие окружающего мира во многом перестало отличаться от его восприятия юкагирами, северными якутами и эвенами (ламутами).

Эвенский пласт в культуре и языке русских старожилов тоже присутствовал, но, по-видимому, больше в опосредованном виде — как можно видеть на описанном выше примере со словами

айви, *айвы* (*родился*). Их источник, юкаг. *айбии*, было усвоено юкагирами от тунгусов, скорее всего, именно от эвенов[71] Еще одним примером может служить индиг. *нимат*: «охотник, убивший оленей или гусей, половину всегда отдавал встретившемуся в тундре товарищу. Это называлось *дать нимат*»[72] В русский язык слово *нимат* попало, видимо, из якут. *ньымаат* 'дар охотника из своей добычи'[73], а в якутском заимствовано из эвен. *нимат*, *ньимаат* 'доля, пай (дарственный от охоты, промысла, обычно половина убитого зверя)'[74] Впрочем, в этом случае, как и в ряде других, возможно и непосредственное заимствование из эвенского в русский.

Примечания

[1] **Гурвич И.С.** Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966. С. 251.

[2] **Николаева И.А.** Юкагирско-русские языковые связи: Контактологический словарь-справочник. Северный регион. Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в контактах с русским языком. Вып. 1. С. 257 – 263.

[3] **Селищев А.М.** Избранные труды. М., 1968. С. 303.

[4] Юкагиры. (Историко-этнографический очерк). Новосибирск, 1975; Фольклор Русского Устья. Л., 1986. С. 339 – 346; **Аникин А.Е.** Miscellanea jucagirica // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. С. 45.

[5] **Богораз В.Г.** Областной словарь колымского русского наречия. Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб, 1901. С. 38.

[6] **Николаева И.А.** Указ. соч. С. 261; Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Изд. 2-е, испр. и доп. М.; Новосибирск, 2000. С. 165.

[7] **Чикачев А.Г.** Русские на Индигирке. Новосибирск, 1990. С. 141.

[8] **Жукова Л.Н.** Одежда юкагиров. Якутск, 1996. С. 135.

[9] **Курилов Г.Н.** Юкагирско-русский словарь. Новосибирск, 1990. С. 29; **Аникин А.Е.** Этимологический словарь…С. 82.

[10] **Чикачев А.Г.** Указ. соч. С. 91.

[11] **Курилов Г.Н.** Указ. соч. С. 69, 152.

[12] **Аникин А.Е.** Юкагирские заимствования в русских диалектах // Linguistica Uralica. T. XXXIV/4. 1998. 386 – 225.

[13] **Николаева И.А.** Указ. соч. С. 261 – 262.

[14] **Богораз В.Г.** Указ. соч. С. 20, 174.
[15] **Чикачев А.Г.** Указ. соч. С. 141.
[16] **Николаева И.А.** Указ. соч. С. 261
[17] **Аникин А.Е.** Этимологический словарь… С. 89.
[18] **Богораз В.Г.** Указ. соч. С. 175.
[19] **Биркенгоф А.Л.** Потомки землепроходцев. Воспоминания о русских поречанах-индигирщиках. М, 1972. С. 173.
[20] **Чикачев А.Г.** Указ. соч. С. 117, 128.
[21] **Аникин А.Е.** Этимологический словарь… С. 77, 435.
[22] **Николаева И.А., Жукова Л.Н., Демина Л.П.** Фольклор юкагиров Верхней Колымы. Якутск, 1989. Вып. 1. С. 137.
[23] **Чикачев А.Г.** Указ. соч. С. 117.
[24] Юкагиры… С. 50.
[25] **Чикачев А.Г.** Указ. соч. С. 128.
[26] Там же. С. 178 – 179.
[27] **Николаева И.А., Жукова Л.Н., Демина Л.П.** Указ. соч. С. 138.
[28] Фольклор Русского Устья… С. 96; **Чикачев А.Г.** Указ. соч. С. 153.
[29] **Пекарский Э.К.** Словарь якутского языка. Л., 1958. С. 1476.
[30] Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох». Новосибирск, 1995. С. 90 – 91, 389.
[31] **Худяков И.А.** Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969. С. 183; **Гоголев А.И.** Историческая этнография якутов. Якутск, 1983. С. 67.
[32] **Богораз В.Г.** Указ. соч. С. 155.
[33] Там же. С. 121.
[34] Словарь русских народных говоров. СПб., 1999. Вып. 33. С. 50.
[35] **Хелимский Е.А.** Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 357.
[36] **Пекарский Э.К.** Указ. соч. С. 2508.
[37] **Богораз В.Г.** Указ. соч. С. 121.
[38] **Аникин А.Е.** Этимологический словарь… С. 456 – 457.
[39] **Богораз В.Г.** Указ. соч. С. 150.
[40] **Чикачев А.Г.** Указ. соч. С. 164.
[41] **Аникин А.Е.** Этимологический словарь… С. 600 – 601.
[42] **Пекарский Э.К.** Указ. соч. С. 3220.
[43] **Ramstedt G.J.** Kalmückisches Wörtebuch. Helsinki,1995. S. 174.
[44] **Angere J.** Jukagirisch-deutsches Wörterbuch. Uppsala, 1967. S. 227.

[45] Фольклор Русского Устья… С. 355.

[46] **Чикачев А.Г.** Указ. соч. С. 132 – 133, 175.

[47] Там же.

[48] **Пекарский Э.К.** Указ. соч. С. 2126.

[49] **Чикачев А.Г.** Указ. соч. С. 160.

[50] **Пекарский Э.К.** Указ. соч. С. 2122 – 2123; **Аникин А.Е.** Этимологический словарь… С. 88.

[51] Диалектологический словарь языка саха: Дополнительный том / Сост. М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев. Новосибирск, 1995. С. 158.

[52] Словарь русских народных говоров. СПб., 1993. Вып. 27. С. 299.

[53] **Чикачев А.Г.** Указ. соч. С. 134; **Богораз В.Г.** Указ. соч. С. 109.

[54] **Аникин А.Е.** Этимологический словарь… С. 488.

[55] **Пекарский Э.К.** Указ. соч. С. 1834 – 1835; **Аникин А.Е.** Этимологический словарь… С. 425.

[56] **Биркенгоф А.Л.** Указ. соч. С. 23.

[57] Фольклор Русского Устья… С. 340 – 341.

[58] **Коркина Е.И.** Северо-восточная диалектная зона якутского языка. Новосибирск, 1992. С. 241 – 242.

[59] Диалектологический словарь языка саха… С. 135, 158, 209.

[60] **Богораз В.Г.** Указ. соч. С. 27 – 28.

[61] Там же. С. 28.

[62] Диалектологический словарь языка саха… С. 209.

[63] **Аникин А.Е.** Этимологический словарь…. С. 425.

[64] Фольклор Русского Устья… С. 98.

[65] **Аникин А.Е.** Этимологический словарь… С. 711.

[66] Там же.

[67] Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1977. Т. 2. С. 123.

[68] **Крейнович Е.А.** Исследования и материалы по юкагирскому языку. М., 1982. С. 162.

[69] **Биркенгоф А.Л.** Указ. соч. С. 7.

[70] **Пекарский Э.К.** Указ. соч. С. 636; **Аникин А.Е.** Этимологический словарь… С. 468 – 469.

[71] **Аникин А.Е.** Этимологический словарь… С. 77.

[72] **Чикачев А.Г.** Указ. соч. С. 57.

[73] Диалектологический словарь языка саха… С. 18.

[74] Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975. Т. 1. С. 593.

А.М. Аблажей
(Институт философии и права СО РАН)

«ОКРОПЛЯЛ СТАДА ОЛЕНЕЙ, А ПОТОМ ВЕЛ БЕСЕДУ ПРОТИВ ШАМАНИЗМА...»

Тема христианизации языческих народов Севера Сибири, продолжавшейся более трех столетий, неоднократно выступала в качестве исследовательской проблемы в трудах целого ряда отечественных и зарубежных авторов, прежде всего историков и этнографов. В большинстве имеющихся работ фиксируются изменения в мировоззрении, культовой практике, религиозных представлениях северных народов как результата взаимодействия традиционных религий и православия[1] Из последних работ по теме христианизации следует особо выделить фундаментальный труд американского историка А.А. Знаменского, в котором предпринята успешная попытка построения типологии межконфессионального взаимодействия (в данном случае — шаманизма и христианства). Основной вывод автора сводится к тому, что сибирские, чукотские и аляскинские аборигены отвергали, усваивали или переосмысливали элементы христианства под влиянием особенностей своей традиционной культуры и конкретных исторических обстоятельств[2]

Говоря о христианизации сибирских аборигенов, необходимо иметь в виду существование двух ее типов, которые постоянно пересекались, обладая при этом ярко выраженным своеобразием. Первый связан с существованием духовных миссий, когда обращение язычников в христианство является целью деятельности не только отдельных людей, но целых организаций, а зачастую и государства. Второй подразумевает непосредственное, стихийное взаимодействие широких слоев населения в условиях совместного проживания и сходных видов хозяйственной деятельности. В данном случае процесс взаимного восприятия новых мировоззренческих установок, религиозных представлений и обрядов растягивается на длительный срок, но оказывается более естественным и потому устойчивым. Сами миссионеры отмечали, что без соседства «иноверцев» с русскими, при сохранении языческого окруже-

ния, ни о каком успешном внедрении христианства не может быть и речи.

Но соседство с мирским русским населением имело для миссионеров и отрицательные моменты, поскольку неискушенные в «русской вере» аборигены воспринимали христианство не совсем так, как этого бы хотелось официальной церкви. Поскольку «русское население, мигрировавшее в Сибирь сначала преимущественно с Европейского Севера страны, а потом и из других регионов, несло с собою вековые традиции народного православия, иконы, книги»[3], то большей частью именно под влиянием этого населения у народов Севера наибольшим авторитетом стала пользоваться фигура Св. Николая Чудотворца. Живущие рядом с русскими коренные жители края включали в языческий пантеон этого святого наряду с Христом (который, в свою очередь, считался одним из сёми сыновей Нуми-Торума). Подобное проникновение религиозных образов происходило на фоне более или менее четко оформленного представления о параллельном существовании двух религий — русской и традиционной, православия и язычества. Миссионеры писали: «они смутно сознают единого Бога, различают "русского Бога" и остяцкого "Торума"», «они называют Христову веру русской и истинного Бога — русским», «эта вера не для них дана, а только для русских»[4]. По мнению М. Шатилова, «только в некоторых местах, где остяки подверглись вообще значительному культурному влиянию русского населения (другими словами, где имело место интенсивное этноконфессиональное взаимодействие. — **А.А.**), мы имеем постепенное видоизменение общего миросозерцания остяка»[5] Большое внимание уделяли этому мировоззренческому феномену и сами миссионеры, причем по их записям видно, как протекал процесс его складывания, как происходило постепенное включение фигуры христианского святого в религиозно-обрядовую практику коренного населения края. Тот же М. Шатилов, изучавший хантыйское население Томского Севера, писал о «…некотором влиянии русской культуры,… выразившемся всего лишь в перенесении на одного из остяцких национальных божеств имени христианского святого Николая, причем и местом обитания его намечается вершина Оби, которая, по представлению остяков, населена русскими»[6] Помимо этого существовал еще один фактор, в силу которого именно Св. Николай

Чудотворец стал наиболее популярным христианским святым среди аборигенов Севера, именно эта фигура наиболее органично вписалась в местную религиозную традицию. Большие усилия к тому приложила и сама церковь, прославляя Св. Николая сильнее всех прочих, строя Никольские храмы почти в каждом русском поселении Сибири.

Определенный синтез языческих и христианских представлений стал характерен для мировоззрения не только аборигенов и русских мирян, но мог касаться и миссионеров. И.И. Огрызко, исследовавший историю христианства на Тобольском Севере второй половины XVIII в., после массового крещения аборигенов Филофеем Лещинским, элементы такого синтеза усматривал в том, что «у духовенства духи языческой религии стали "дьяволами" христианства, они (церковнослужители) ограничивали свою борьбу против старой религии доказательством того, что боги этой религии являются злыми силами... И если новокрещеные смотрели на иконы как на идолов новой религии, то и церковь смотрела на языческих духов как на дьяволов христианской мифологии»[7]

Огромное значение для межконфессионального взаимодействия имела выработка общего языка общения, т. е. общего кода диалога культур, что имеет принципиальное значение в случае, если мы рассматриваем подобное взаимодействие как диалог двух равноправных субъектов. Эта проблема была быстро осознана: уже в начале XVIII в. в качестве одной из важнейших проблем отмечалось, что миссионеры «часто... проповедовали не на родном их языке, а чрез посредство толмачей (переводчиков) или на русском языке... это чрезвычайно затрудняло усвоение инородцами христианских понятий, тогда как проповедь на родном их языке имела огромное преимущество»[8] Кроме того, миссионеры часто жаловались, что «остяцкий язык» плохо подходит для объяснения истин христианства. В такой ситуации нередки были случаи, когда переведенные на местные языки положения христианства приобретали совершенно иной смысл, зачастую противоположный тому, который вкладывал в них миссионер.

Подобный эффект обычно имела и установившаяся у церкви практика строить христианские храмы и часовни на месте прежних, разрушенных языческих капищ, вообще тех мест, которые в местной культурной традиции имели статус священных.

И.И. Огрызко описывает практику строительства церквей «на месте капищ, причем делалось это сознательно, это приспособление к языческим традициям... но часто это означало лишь, что местное население начало считать церкви новым обиталищем своего старого божества (церковь Спаса была переименована в церковь Спаса-Ойка, по имени одной из фигур местного пантеона)»[9] Тот же автор приводит показательные примеры того, как трансформировались под влиянием местных наречий христианские имена, которые давались при крещении: Ульяна — Улче, Назарий — Наче, Самсон — Саке, Гаврила — Гангут, Василий — Ваке, Иоаникий — Кию, Харлам — Хале и т. д.[10]

Практика миссионерской деятельности также претерпела сложную эволюцию, миссионер как представитель чуждой аборигенам культурной традиции вынужден был приспосабливаться к местной культуре, учитывать ее законы, знакомиться с объектами поклонения, подчиняться господствующим в ней стереотипам сознания и поведения, нормам традиционного этикета и обычного права, семейных отношений и т. д. Миссионер второй половины XIX в. писал, что постоянное пребывание «между инородцами даст возможность скорее изучить их нравы, обычаи и заблуждения, и чрез то скорее сблизиться с ними». Чтобы найти способы наиболее эффективного воздействия на умы слушателей, необходимо было выбрать верную интонацию и тему для доверительной беседы, не делать аборигенам заведомо абсурдных и неприемлемых предложений. В период организации школы для детей коренного населения в адрес одной из духовных миссий поступили предложения от губернского начальства по поводу учебных программ, вызвавшие резкую отповедь: «предложения приучать инородцев через школу к огородничеству и полеводству беспочвенны, в то время как следует обратить внимание на рыболовство и оленеводство, что позволит дать им рациональное направление к большему развитию и совершенствованию»[11]

На всем протяжении истории существования Обдорской духовной миссии школьному делу придавалось большое значение, поскольку такой способ приобщения к русской культуре и православию должен был, по мнению миссионеров, приносить наиболее ощутимые результаты в сфере христианского просвещения коренного населения. Несколько выпускников продолжили обу-

чение в Тобольской семинарии, где было открыто специальное инородческое отделение (в 1892 г. здесь учились семь хантов и один ненец). В 1885 г. три ученика Обдорской миссионерской школы были отправлены для продолжения образования в Тобольское духовное училище. Известно, что организатор и учитель одной из первых хантыйских школ П. Хатанзеев, истории жизни которого посвящен специальный стенд в Тобольском краеведческом музее, был выпускником миссионерской школы.

К концу XIX в., когда Обдорской духовной миссией (с центром в Обдорске, ныне Салехарде) руководил иеромонах Иринарх (И.С. Шемановский), в качестве базовой модели начального образования детей аборигенов была принята система Ильминского, предполагавшая первоначальное обучение (по крайней мере, в течение первого года) на родном языке. В связи с этим миссионерами был подготовлен ряд переводов наиболее употребимых текстов на местные языки. Еще раньше, в 1887 г. священник Иоанн Егоров создал азбуку хантыйского языка, написал первые буквари на хантыйском и ненецком языках, перевел на хантыйский «Священное слово».

Тем не менее, главная цель миссионеров — сделать выпускников своих школ проводниками христианского просвещения в среде коренного населения — не была достигнута. Многие ученики, получившие более высокий уровень образования, чем миссионерская школа, по возвращении в привычные условия жизни быстро забывали ненужные им знания. Красноречивым подтверждением этого служит запись из путевого дневника миссионера Иоанна Егорова, одного из основателей Обдорской миссионерской школы: «...один из встреченных мною самоедов — Андрей Няруй был воспитанником покойного настоятеля миссии игумена Аверкия и учился, будто бы, в Березовском уездном училище. Но потом вернулся в свою семью, живет совершенно по-самоедски. По-русски говорит довольно хорошо, имеет Евангелие, но читать почти совсем разучился»[12]

В целом попытки наладить школьное дело как важнейшего элемента христианизации были малоуспешными. Относительно небольшим на протяжении всего периода существования миссионерских школ был контингент учащихся, полученные знания и навыки при возвращении в привычное культурное окружение бы-

стро забывались. Миссионеры признавали, что дети, учившиеся в школах, мало отличаются от остальных своих сородичей по поведению и образу мыслей. Важнейшей причиной этого был резкий отрыв предложенной модели, форм и методов, содержания школьного образования от повседневных нужд, привычек местного населения. Идея организации церковных школ в таком варианте означала слишком резкое и явное нарушение традиции, и не нашла отклика в местной среде.

Собственное представление о культуре русского населения Севера и христианстве как одной из ее важнейших частей создало и коренное население края. Ценнейшим источником для реконструкции этих представлений служат отраженные в отчетах и путевых записях миссионеров «беседы» с местными жителями (уже сам факт таких бесед как формы общения представляет собой разительное противоречие с практикой миссионеров более раннего времени — XVII и XVIII вв., уничтожавших священные места, сжигавших «идолов» и тысячами крестивших «язычников»), пусть и искаженные вследствие того, что они были восприняты и отражены в сознании человека иной культуры. Вот пример такого диалога, в котором приведено описание миссионером спора о возможности загробной жизни: «Значит, для загробной жизни только и крестятся? — спрашивает остяк. Да, отвечаю я (миссионер, автор данного текста. — **А.А.**), там человек будет существовать вечно, всегда. — Ну, мы этого не знаем, говорит остяк, мы не видели, ни один даже русский не вставал из земли и не говорил, что там делается»[13] Известно, какое большое впечатление производили на аборигенов картины Страшного суда, которые часто изображались на стенах северных храмов. По утверждению И.Н. Гемуева, именно «позднейшим влиянием христианства создан загробный суд; люди, плохо прожившие свой век, страдают по дороге в нижний мир, а там кипят в масле»[14]

В сознании коренного населения Севера вполне мирно уживалось, с одной стороны, безоговорочное признание существования «русского Бога», с другой — отказ от принятия христианства, что лишний раз ярко иллюстрирует толерантность традиционного мировоззрения. В одном из миссионерских отчетов приводится беседа со стариком, который прокомментировал сделанный миссионером пересказ Евангелия следующим образом: «Я верую в того

же Бога, что и вы веруете, верую также всему, что ты говоришь, но я стар и не желаю изменить своим предкам в вере, после моей смерти дети мои как хотят»[15]

В соответствии с привычными представлениями оценивали аборигены и предметы христианского культа. Известно, например, что церковь активно боролась с практикой переноса на христианские иконы традиций языческого поклонения, когда новокрещеные искали чудесную силу в самих деревянных досках, а не в тех, чьи изображения на этих досках были. Красноречивый пример этого присутствует в одном из «Путевых дневников миссионера». Автор передает свою беседу с аборигенами о «шайтанах», т. е. антропоморфных изображениях духов-покровителей, в ходе которой он предложил бросить их в огонь, на что получил такой ответ: «Если, говоришь, бросить их в огонь, так и ваших тоже нужно бросить в огонь. — Под именем «ваших» остяки, разумели, конечно, иконы»[16]

Привычные для аборигенов культовые действия совершались и в отношении Николая Чудотворца, который, как уже говорилось выше, являлся самым почитаемым здесь христианским святым. Миссионеры подробно писали об этом мировоззренческом феномене, отмечая, что почитание Св. Николая было широко распространено и среди некрещеных: «Следует заметить, что и из некрещеных самоедов многие также приходят в церковь, делают приклады деньгами и шкурами. Особенно язычники оказывают благоговейное чествование Св. Николаю Чудотворцу, и по приходе в церковь всегда прямо обращаются к изображению святителя, икона которого в большом размере помещается на левой стороне при входе в церковь; сделавши какой-либо приклад, по-своему (sic!) кланяются ему и просят его, чтобы он не оставлял их своим покровительством»[17] Новая традиция формировалась как незначительная трансформация уже существующей: к сонму многочисленных «духов» был добавлен еще один, но несший на себе силу русской власти. Миссионеры часто могли наблюдать, как в одном чуме мирно соседствуют «шайтаны» и иконы; причем, как отмечают современные исследователи, изучавших данный феномен, «...иконы в чумах сдвигают изображения духов-покровителей влево, занимая почетный правый угол»[18]

В попытках утвердить христианство в умах аборигенов–язычников миссионеры стремились опереться на нормы традиционной культуры аборигенов. Весьма показательной в этом отношении выглядит ситуация с подписками — документами, составленными по типовой форме, удостоверявшими переход в новую веру. Но то, что оказалось эффективным в сфере обычного права, когда при совершении сделки подписывалось определенное обязательство (а обычай прилагать тамгу в качестве гарантии заключенного договора описывает еще Г. Новицкий[19]), вряд ли могла иметь хотя бы малейший неформальный эффект в сфере религиозной жизни. Вообще очень характерно, что даже в самые нетерпимые времена насильственных крещений Филофея Лещинского в ответственных случаях не гнушались обращаться к традиционным нормам, чтобы знать наверняка, что данное обещание будет выполнено: клятва на верность государю могла приноситься на медвежьей шкуре, как это ни коробило Филофея и его соратников.

Если говорить в целом о той культурной ситуации, которая сложилась на Обском Севере в результате деятельности православных духовных миссий и естественного процесса этноконфессионального взаимодействия коренных жителей и русских переселенцев, то наиболее распространено ее определение как «двоеверия», когда «крещеный инородец, не покидая своих прежних богов, переносил на новую религию свои прежние языческие понятия и воззрения. Вот почему религиозные взгляды инородцев представляют собой смесь плохо привившегося христианства и язычества с преобладанием последнего»[20] Более того, к концу XIX – началу XX в. среди целого ряда этноконфессиональных групп коренного населения региона наблюдался явный спад интереса к христианству. По описанию Н. Носилова, «еще всего 12 лет назад (в 1894 г. — **А.А.**), живя среди них целые три года, я едва с трудом мог уговорить некоторых из них, чтобы они мне показали своих богов и позволили присутствовать на их жертвоприношениях…. они все делали тайно, скрывались даже от меня, не говоря уже о том, что они все это делали в великом секрете от начальства и "батюшки", а теперь так открыто, ясно говорили об этом деле даже с приглашением нас… на свои праздники. Это меня поразило…разговаривая с батюшкой, узнал еще больше — вогулы (устаревшее название манси. — **А.А.**) стали явными идолопоклонни-

ками, мало уже встретишь в храме вогулов. Они плохо, лениво, неохотно посещают свой храм в праздники; в посты их ныне собирается самая малость; прежде я даже замечал среди них такую веру, которой можно позавидовать, но ныне я ничего подобного уже не видел, и это подтверждает и само духовенство края»[21]

Подобный ренессанс традиционных верований мог произойти в силу ряда причин. С одной стороны, поскольку манси считались давно окрещенными, наметилось явное падение активности миссионерской деятельности церкви. С другой, активизировалось самосознание этнической культуры, более выраженными становились процессы актуализации ее наличного содержания. Отсюда и определенная реставрация традиционной религии, резкое падение авторитета христианства. Но там, где процессы трансформации еще не достигли пика активности, например, у северных хантов и ненцев, ничего подобного не было. Миссионеры, наоборот, отмечали повышение интереса к христианству, к школьному обучению, часто к миссионерам обращались за советом, помощью, содействием.

Отдельные элементы христианства прочно закрепилась в традиционной культуре коренных народов Севера. Свидетельством может служить, например, тот высокий авторитет, которым обладает здесь христианский святой Николай Чудотворец. По свидетельству О.А. Донских, шаманы и в наши дни просят привезти им в подарок небольшие иконки с изображением «Миколы». Если обратиться к более раннему периоду, то выясняется, что элементы христианской обрядности проникли даже в один из наиболее значимых праздников — медвежий. В описании этого праздника, записанного В.Н. Чернецовым в 1930-е гг., приводятся примеры активного обыгрывания фигуры православного священника[22] Данный феномен еще раз подтверждает ту мысль, что инокультурные элементы не могут быть оценены, закреплены и переданы культурой иначе, чем в составе уже существующих структурных классов. Культура в ходе межкультурного взаимодействия не создает новых структур, а использует уже имеющиеся. И чем более схожи структуры, тем успешнее и плодотворнее межкультурные контакты. Специфика религиозного мировоззрения русских переселенцев, которое обычно классифицируют как народное православие (сочетание христианства и элементов язычества), наложила глу-

бокий отпечаток на его взаимодействие с традиционной культурой коренного населения Севера. Русские часто, подобно аборигенам, достаточно безболезненно включали персонажей местной религии (духов мест и т. д.) в повседневную религиозную практику.

Столкновение двух различных религиозных систем демонстрирует факты, позволяющие говорить о том, что взаимодействие национальных культур происходит по непересекающимся нормам этих культур. Таким образом, восприятие христианства происходило лишь постольку, поскольку его символика и обрядность вписывались в систему языческих представлений и поведения аборигенов Севера.

Примечания

[1] **Кононенко В.А.** Влияние христианства на религиозные верования народностей Северо-Западной Сибири // Вопросы научного атеизма, этики и эстетики. Л., 1971; **Хомич Л.В.** Влияние христианизации на религиозные представления и культы ненцев // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. Л., 1979; **Алексеенко Е.А.** Христианизация на Туруханском Севере и ее влияние на мировоззрение и религиозные культы кетов // Там же; **Грачева Г.Н.** К вопросу о влиянии христианизации на религиозные представления нганасан // Там же; **Сагалаев А.М.** Урало-алтайская мифо-логия. Символ и архетип. Новосибирск, 1991, и др.

[2] **Znamenski A.A.** Shamanism and Christianity. Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820 – 1917. Greenwood Press. Westport, Connecticut. London, 1999. См. также: **Зорин А.В.** Рецензия на книгу А.А. Знаменского «Shamanism and Christianity» // Вопр. истории. 2001. № 9.

[3] **Покровский Н.Н.** Русская Православная Церковь в освоении Сибири // Взято на: http://www.zaimka.ru

[4] ТФ ГАТО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 4. Л. 42.

[5] **Шатилов М.** Ваховские остяки. Томск, 1931. С.100.

[6] Там же. С.101.

[7] **Огрызко И.И.** Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л., 1941. С. 107.

[8] ТФ ГАТО. Ф. 58. Оп. 2. Д. 6. Л. 13.

[9] **Огрызко И.И.** Указ. соч. С. 75.

[10] Там же. С. 60.

[11] ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 17. Л. 40 об.

[12] Там же. Ф. 144. Оп. 1. Д. 10. Л. 46.

[13] Там же. Ф. 156. Оп. 26. Д. 864. Л. 235.

[14] **Гемуев И.Н.** Мировоззрение манси. Дом и Космос. Новосибирск, 1990. С. 130.

[15] ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 26. Д. 643. Л. 14.

[16] Там же. Д. 864. Л. 230.

[17] Там же. Ф. 703. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.

[18] **Гемуев И.Н.** Указ. соч. С. 20.

[19] **Новицкий Г.** Краткое описание о народе остяцком. Новосибирск, 1941. С. 57.

[20] ТФ ГАТО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.

[21] **Носилов Н.** Путешествие в страну вогулов. СПб., 1914. С. 150 – 151.

[22] Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987. С. 218 – 230.

Д.Г. Коровушкин
(Институт археологии и этнографии СО РАН)

ФАКТОРЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ПОЗДНИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(на примере чувашской сельской диаспоры)

Этнокультурная адаптация переселенческих групп на вновь осваиваемых территориях является продуктом действия нескольких факторов: окружающей природной среды, в т. ч. климатических, иных языков и несомой ими этнической культуры, хозяйственно-культурного взаимодействия с окружающим иноэтничным населением, этногенетической миксации как продукта межэтнических браков.

В межэтнической трансляции культурных особенностей первостепенное значение, на наш взгляд, имеет хозяйственно-культурное взаимодействие. В этой связи представляется важным проследить изменения в хозяйстве и материальной культуре европейских переселенцев (в нашем случае чувашей) в Сибири в свете

адаптации к иным, нежели на традиционной этнической территории, природно-климатическим условиям.

Для нашего исследования изменения в хозяйстве и материальной культуре сибирских чувашей как результат хозяйственно-культурной адаптации к условиям Западной Сибири представляют особый интерес, поскольку с модернизацией культурно-бытовых структур и элементов многие из них исчезают, тогда как отдельные элементы материальной культуры берут на себя функцию этнических определителей. Это особенно присуще развитию этноса или его части в инонациональной среде[1]

Проникновение чувашей на сибирские земли имеет давнюю историю, за точку отсчета которой мы можем уверенно принять XVII в. — именно с этого времени все чаще встречаются упоминания о приездах торговцев-чувашей в Зауралье[2] Но эти первые немногочисленные переселения в силу своей нерегулярности не могли еще играть формообразующей роли в сложении сибирско-чувашских групп. Поэтому начало формирования чувашского массива в Западной Сибири приходится на конец XIX в. Именно тогда (в 1880-х гг.) сложились объективные предпосылки для процесса миграции чувашей в относительно малонаселенные районы Российской империи. В их числе отмирание запретительной крепостнической системы, высокая плотность населения в северных и северо-западных районах Чувашии, невозможность дальнейшего расширения возделываемых земель, сокращение лесных массивов.

По переписи данным 1897 г., в Тобольской и Томской губерниях насчитывалось 3 447 чувашей обоего пола[3] Они проживали в основном в лесостепной сельскохозяйственной зоне — Ишимском, Курганском, Тарском, Тобольском, Тюкалинском, Тюменском и Ялуторовском округах Тобольской губ.[4], Барнаульском, Бийском, Змеиногорском, Каинском, Кузнецком, Мариинском и Томском округах Томской губ.[5]

Огромное влияние на дальнейшее развитие процесса заселения Сибири чувашами оказала столыпинская аграрная реформа, в ходе которой было начато организованное переселение крестьян из европейской части империи в Сибирь. Так, крестьянам-переселенцам из Казанской губ. предоставлялись земельные наделы в Тобольской, Томской и Иркутской губерниях[6].

Новая, самая мощная волна переселений чувашей из Европейской России в Сибирь пришлась на 1921 – 1929 гг. Несмотря на то, что масштабы переселений ограничивались правительством, только в 1922 г. планировалось принять 170 тыс. переселенцев, в т. ч. по 25 тыс. чел. в Омскую и Новониколаевскую губернии[7] В Новониколаевской губ. чувашским переселенцам выделялись земельные участки на территории современных Колыванского, Кыштовского и Усть-Таркского районов[8], в Омской губ. — на территории современных Любинского, Муромцевского и Тарского районов[9], а также участки в современных Нижне-Тавдинском и Ярковском районах Тюменской обл. (тогда Уральская губ.)[10]

Основу хозяйства чувашей традиционно, как известно, составляло земледелие[11], базировавшееся на трехпольном севообороте[12] Оно же легло в основу хозяйства чувашских переселенцев в Западной Сибири, благо климатические и природные условия в полосе их расселения немногим отличались от привычных. Однако, несмотря на перенос в Сибирь применявшихся в Поволжье приемов и способов возделывания сельскохозяйственных культур, сразу же наметились и различия, связанные с приспособлением их к конкретным природно-климатическим условиям западносибирской лесостепи.

В связи с необходимостью расчистки площадей под посевы возродились на время элементы давно исчезнувшей подсечно-огневой системы. Это одновременно обеспечивало переселенцев строевым лесом и дровами, а также материалом для сооружения поскотин и огородов. Зачастую для обработки земли объединялись вместе две–три семьи[13] (это наиболее характерно для переселенческой волны начала 1920-х гг.), совместно владевшие тягловым скотом и сельскохозяйственными орудиями.

Другой особенностью хозяйства сибирских чувашей был отличный по составу, и, главное, структуре набор возделывавшихся сельскохозяйственных культур. Основной зерновой культурой в чувашских хозяйствах Западной Сибири в первой трети XX в. являлась не рожь, как это было принято среди чувашей Поволжья[14], а пшеница. Обусловлено это было тем, что более долгая и холодная зима при относительном малоснежье не позволяла обеспечить сколько-нибудь стабильные урожаи озимой ржи, в то время как уже имелись достаточно устойчивые сорта пшеницы сибирской

селекции, рекомендовавшиеся агрономами Переселенческого управления. Помимо пшеницы, занимавшей большую часть зернового клина, в сопоставимых с ней масштабах возделывались овес и ячмень. Роль овса для чувашей-сибиряков была тем более значительной, что скот большую часть года находился на стойловом содержании, а одной пшеничной соломы было явно недостаточно для его прокорма.

Третьей по значению зерновой культурой был ячмень. Шел он практически полностью на внутрисемейные нужды, связанные с приготовлением пищи. В весьма незначительных количествах высевались просо, гречиха и горох, возделывание которых в этой климатической зоне представляло определенную трудность.

Кроме вышеперечисленных зерновых культур чуваши Западной Сибири выращивали лен и коноплю. Практически повсеместно преобладал лен, его выращивали в количестве, достаточном не только для удовлетворения собственных нужд, но и для продажи. Конопля возделывалась как бы «походя», поскольку по всему лесостепному поясу Западной Сибири условия благоприятствуют ее хорошему росту и без специального ухода.

Помимо указанных традиционных культур огромное значение для сибирских чувашей приобрела культура картофеля, дававшего отличные урожаи на супесчаных почвах северной лесостепи. Выращивался картофель на огородах, обильно удобрявшихся органикой. Такое сочетание сухих почв и удобрения их навозом позволяло получать высокие урожаи здорового, годного к хранению картофеля. Значительно развилось у сибирских чувашей огородничество и связанные с ним трудовые навыки. Помимо картофеля — основной огородной культуры — выращивали репчатый лук, свеклу, огурцы и помидоры.

Основными сельскохозяйственными орудиями сибирских чувашей в конце XIX – первой трети XX в. были деревянный плуг (с начала 1920-х гг. появились однолемешные металлические плуги фабричного и кустарного производства), деревянная (реже железная) борона, коса-литовка, серп, цеп, иногда для обмолота применялись катки[15]

Помимо земледелия у сибирских чувашей в различной степени были развиты животноводство и рыболовство. Охота же, несмотря на обилие дичи в местах их проживания никогда не играла

сколько-нибудь значимой роли и существовала лишь на любительском уровне. Животноводство у чувашей Западной Сибири развивалось в двух основных направлениях: разведение крупного рогатого скота и свиноводство. По рассказам наших информаторов, в 1920-е гг. даже считавшиеся бедными хозяйства имели корову. Но при этом редкая семья могла содержать более трех–четырех голов крупного рогатого скота — сказывался дефицит кормов, особенно сенажа. Объясняется это тем, что переселенческие участки нарезались большей частью в лесной местности, а также тем обстоятельством, что луга были уже поделены ранее между местными старожилами. Свиноводство имело значительно более благоприятные условия для своего развития, поскольку немалая часть картофеля, выращиваемого в крестьянских хозяйствах, шла на корм свиньям.

Рыболовство у чувашей-сибиряков существовало в весьма незначительных масштабах, и занимались им в основном дети или же отдельные любители этого вида промысла. Занятие им было направлено на удовлетворение только внутрисемейных потребностей, тем более что рыба не пользовалась особым гастрономическим успехом у хозяек-чувашек.

Из домашних промыслов и хозяйственных занятий чувашей Западно-Сибирского региона мы должны отметить следующие. Определяющее значение в системе традиционных домашних занятий сибирских чувашей имела обработка льна. После уборки лен вымачивали, трепали, чесали щетями и пряли на прялках. Ткали на ткацком станке, сотканные холсты отбеливали на снегу. Помимо холстов ткали пестряди из ниток домашней окраски и шабурные ткани, на изготовление последних шла конопляная пряжа. В основном же конопля шла на выделку кулей и рогож. Лаптеплетение как вид домашнего промысла был распространен очень широко — едва ли не в каждой чувашской семье кочедыком плели лыковые или черемуховые лапти (шабада)[21]

Наиболее широко распространенным средством передвижения чувашей Западной Сибири была четырехколесная повозка с плетеным из лозы кузовом[22] Развитой специализации в тележном производстве у сибирских чувашей так и не сложилось, поскольку в их хозяйствах прочное место заняли разнообразные телеги и повозки, покупавшиеся у местного русского населения. Огромное

влияние на этот процесс оказало участие чувашских крестьян в извозном промысле, что в итоге и предопределило замену традиционных чувашских повозок на русские. В это же время в быт чувашей вошли и лыжи, пользовались которыми в основном охотники. В зимнее время основным средством передвижения служили одноконные сани-розвальни, частью изготовлявшиеся самими чувашскими крестьянами, но нередко покупные.

Особенности проживания чувашей в Сибири сказались и на их поселениях и жилище. Несмотря на то, что в одних поселках вместе селились переселенцы из различных районов Чувашии и других регионов Поволжья, практически все деревни чувашей-сибиряков относятся к типу поселения чувашей-анатри. То есть они были расположены линейно, чаще всего вдоль небольших речек, что объясняется их поздним (относительно северо-западных районов Чувашии) возникновением[23] Если же улиц было больше одной, то вторая располагалась под прямым углом к первой с тем, чтобы не сокращать площадь огородов.

Жилые дома и хозяйственные постройки чувашей в Сибири традиционно возводили из красного леса. Чаще всего для этого использовалась сосна. Ель, а тем более лиственница применялись в строительстве гораздо реже. Сруб дома, как правило, состоял из двух частей, с последовательным расположением комнат[24] Зафиксированы также и однокамерные жилища, однако необходимо отметить, что таких больше было в малолесной зоне. Соединение бревен производилось рубкой «в угол» или «в крюк». Сени рубились отдельно от сруба и затем либо «прирубались» к срубу, либо притягивались железными скобами. Располагались они обычно с торца дома дверьми на улицу. Но уже с конца 1930-х гг. появились дома, сени которых прирубались к задней стене сруба. Избы постройки начала века ставили обычно прямо на землю, пол в этом случае устраивали глинобитный либо просто земляной. Но в последующем стало принято делать дощатые полы, что было обусловлено, в первую очередь, суровым климатом. Пол устраивали на высоте в два–четыре венца на поперечных балках.

Жилище сибирских чувашей имело (и имеет до сих пор) двухскатную крышу стропильной конструкции. Различия в покрытии крыш зависели от того, насколько зажиточной была семья, а также от того, какой материал был более доступен в той местности,

где возводился дом. Чаще всего крыли тесом, реже дранью, еще реже железом. Соломенные крыши у чувашей Западной Сибири, в отличие от чувашей европейской части России[25], применялись чрезвычайно редко. В то же время нами зафиксированы покрытия домов из берестяных тисков, прижатых слегами. Фронтоны крыш зашивались тесом и раскрашивались обычно «в елочку». Чаще всего фронтон, особенно если он выходил на улицу, делали в виде «бочки» (с углубленной центральной частью и округло зашитыми углами). Окна повсеместно делались косящатыми, с обязательными наличниками на них. Ставни на окнах редкость и сегодня, даже в смешанных русско-чувашских деревнях. Снаружи избу обшивали тесом и окрашивали масляной краской. Если же тес оказывался слишком дорог для хозяев, то окраску производили по внешней поверхности бревен. В то же время в Чувашии, как правило, отделку наружных стен не производили[26] Изнутри стены жилищ сибирские чуваши обмазывали глиной и белили.

Непременным элементом жилища сибирских чувашей была печь (хамата), сочетавшая в себе элементы русской печи и традиционный чувашский очаг. Топились печи в жилых помещениях только «по-белому»[27] От ставшей в Чувашии традиционной «белой» печи[28] печь сибирских чувашей отличалась несколько большими размерами и встраиваемыми в нее трубами — «воздухами», ведущими в заднюю комнату. Такая смешанная конструкция печи была хорошо адаптирована к местным сибирским условиям, поскольку обеспечивала хороший обогрев жилища и долговременное сохранение тепла. При этом соблюдались и традиции приготовления блюд на очаге.

Жилые и хозяйственные постройки чувашей-сибиряков располагались в Г-образном или замкнутом П-образном дворе с глухими воротами, ставившимися вплотную к дому. Хозяйственные постройки — амбар, конюшня, коровник, свинарник, стайка ставились под одну крышу, крытую также как и дом, тесом или дранью. Иногда в одном ряду с ними ставили баню, но чаще всего она располагалась несколько поодаль от хозяйственных построек. Баню, в отличие от других построек, строившихся преимущественно из краснолесья, чаще всего рубили из осины. Топили ее, за редкими исключениями, «по-черному», причем многие чуваши и сегодня предпочитают этот вариант ее устройства всем другим.

Двор огораживали глухим дощатым или тесовым забором, для ограждения огородов чаще всего устраивали прясло, плетни же ставили лишь со стороны улицы. Сами улицы обносили поскотинами.

Изменения, обусловленные приспособлением чувашей-переселенцев к условиям жизни в Сибири, прослеживаются и в их модели питания, несмотря на то, что пища, как известно, наиболее устойчивый элемент культуры этноса[29] Основой пищевого рациона сибирских чувашей в конце XIX – первой трети XX в. являлись крупяные и молочные продукты, а также картофель, который с каждым годом все глубже входил в крестьянский чувашский быт. Пища носила ярко выраженный сезонный характер. Летом готовили в основном молочные блюда, крупяные каши и супы, пироги, на лето же падало и основное потребление зелени — лука, огурцов.

Среди блюд летней чувашской кухни основное место занимали различные супы — крупяной, суп из картофеля, палочек теста и зелени, суп с пресными лепешками[30] Из молочных блюд летом готовили запеканку из муки, пахты и яиц[31], вареное молоко с молозивом[32] Осенью часто готовили тыквенные оладьи и луковое пюре[33] Из напитков использовали слабое, практически безалкогольное пиво, пахту, хлебный квас[34]

Зимний пищевой рацион сибирских чувашей отличался от летне-осеннего и по набору продуктов, и по составу блюд. В его основе лежали изделия из теста и мясо в различных видах. Блюда из пресного теста были ежедневной принадлежностью чувашского стола. Наиболее употребляемыми являлись пирог из свинины и картофеля[35], вареники с творогом и печеные пирожки с различными начинками — творогом, луком, картофелем[36], мясом[37] Второе по значению место в зимнем рационе чувашей занимали мясные блюда. Готовили томлено-сушеное мясо, набитое обычно в бараний желудок[38], мясные супы[39] Достаточно часто на столах появлялись запеченная в печи сырная масса[40] и жареный картофель[41] В 1930 – 1950-х гг. в сибирско-чувашскую кухню прочно входит копченое свиное сало, для приготовления которого свиней кормили то скудно, то обильно, так, чтобы в сале образовывались тонкие мясные прослойки.

Праздничный пищевой комплекс сибирских чувашей отличался значительно большей калорийностью и разнообразием, нежели повседневный. В его состав в больших количествах входило животное масло, свежее мясо (говядина, свинина, баранина), куриные яйца. В праздничное меню чувашей обязательно включались ягоды и ягодные блюда — сушеная малина и моченая брусника, консервированная жиром смородина. Атрибутом праздничного стола были также алкогольные напитки — крепкое пиво (сра, сара) и ячменная водка.

Пища чувашей Западной Сибири испытала огромное воздействие русской культурной традиции питания, сложившейся в этом регионе. Посредством его в рацион сибирских чувашей вошли крепкие мясные бульоны, на основе которых готовятся супы из картофеля и капусты, других овощей (типа русских щей и борща), новые мясные блюда — пельмени, мясные пироги (типа русского курника), холодец, жареное и тушеное мясо, сметана. В напитках главным нововведением стал чай, употребляющийся практически ежедневно.

Таким образом, хозяйство и материальная культура сибирских чувашей стали являть собой феномен, который определяют следующие признаки: смешение черт, характерных как для верховых, так и для низовых чувашей; приспособление материальной культуры как жизнеобеспечивающей системы к местным природным условиям; заимствование некоторых элементов материальной культуры окружающего русского населения.

В таком относительно неизменном виде традиционная материальная культура и хозяйство чувашей Западной Сибири просуществовала до конца 1950-х гг. Именно в этот период она начала понемногу утрачивать свои этноспецифичные черты. Развитие этого процесса было в значительной мере обусловлено начавшейся в тот период кампании по укрупнению совхозов и колхозов. Соответственно и сельскохозяйственное производство в них начало развиваться в едином хозяйственном комплексе, в том же направлении, что и в окружающих их нечувашских населенных пунктах. Все они, без исключения, стали специализироваться на мясомолочном производстве и полеводстве. Основу стада составляют крупный рогатый скот и свиньи. Свиньи круглый год, а крупный рогатый скот в зимний период находятся на стойловом содержании.

Примечания

[1] Материальная культура / Свод этнографических понятий и терминов. М., 1989. Вып. 3. С. 13.

[2] **Преображенский А.А.** Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. М., 1956. С. 22 – 25.

[3] Исчислено по: **Патканов С.К.** Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1911. Т. 2. 430 с.

[4] Там же. С. 2 – 3.

[5] Там же. С. 130 – 131.

[6] Там же. С. 43.

[7] ГАНО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 396. Л. 81.

[8] Там же. Д. 398. Л. 31.

[9] Там же. Ф. 209. Оп. 1. Д. 492. Л. 29, 32; Ф. 209. Оп. 1. Д. 65. Л. 373.

[10] ГАТюмО. Ф. 163. Оп. 1. Д. 2. Л. 91 – 92; Ф. 163. Оп. 1. Д. 30. Л. 15.

[11] **Никольский Н.В.** Краткий курс этнографии чувашей. Чебоксары, 1928; Чуваши. Чебоксары, 1956. Ч. 1. С. 115 – 147; **Дмитриев В.Д**. Чувашия в эпоху феодализма. Чебоксары, 1986. С. 422 – 432; **Фокин П.П.** Земледелие и земледельческие орудия в северных и северо-восточных районах Чувашского края во второй половине XIX — начале XX в. // Бытовая культура чувашей. Чебоксары, 1985. С. 3 – 29; **Он же.** Земледелие и земледельческие орудия крестьян южных и юго-восточных районов Чувашии во второй половине XIX – начале XX в. // Традиционное хозяйство и культура чувашей. Чебоксары, 1988. С. 5 – 52.

[12] **Фокин П.П.** Земледелие и земледельческие орудия в северных... С. 8; **Он же.** Земледелие и земледельческие орудия крестьян... С. 37.

[13] МЭЭ ОмГУ. 1981. Л. 1167 – 1169.

[14] **Фокин П.П.** Земледелие и земледельческие орудия в северных... С. 9; **Он же.** Земледелие и земледельческие орудия крестьян... С. 37.

[15] МЭЭ ОмГУ. 1981. Л. 1144, 1148, 1167.

[16] Там же. 1980. Л. 33; 1981. Л. 1169.

[17] Там же. 1980. Л. 41; 1981. Л. 1140.

[18] Там же. 1987. Л. 551, 552.

[19] Там же. 1981. Л. 1136.

[20] Там же. 1980. Л. 42 – 43; 1981. Л. 1132 – 1135.

[21] Там же. 1980. Л. 32.

[22] Там же. 1981. Л. 5; 1982. Л. 249.

[23] Там же. 1980. Л. 8, 12.

[24] **Дмитриев В.Д.** Чувашия в эпоху феодализма. С. 321.

[25] МЭЭ ОмГУ 1980. Л. 1, 46.

[26] **Матвеев Г.Б.** Крестьянская строительная техника: (Северо-западные районы Чувашии) // Вопросы материальной культуры чувашского народа. Чебоксары, 1986. С. 39 – 42.

[27] МЭЭ ОмГУ 1980. Л. 46; 1987. Л. 75.

[28] **Матвеев Г.Б.** Жилище и постройки чувашей в середине XIX – начале XX в.: (Северо-западные районы Чувашии) // Бытовая культура чувашей. Чебоксары, 1985. С. 42; **Он же.** Жилище и хозяйственные постройки средненизовых чувашей (вторая половина XIX – начало XX в.) // Традиционное хозяйство и культура чувашей. Чебоксары, 1988. С. 57.

[29] **Павлов Ю.М., Иванов В.П., Суслов В.Л.** Традиции питания и распространения заболеваний раком желудка // Традиционное хозяйство и культура чувашей. Чебоксары, 1988. С. 102; **Станюкович Т.В., Шмелева М.Н.** Пища // Современные этнические процессы в СССР. М., 1977. С. 239 – 242.

[30] МЭЭ ОмГУ, 1980. Л. 64 – 65, 69.

[31] Там же. 1982. Л. 219, 224.

[32] Там же. 1980. Л. 52, 71.

[33] Там же. Л. 59 – 61, 70, 73.

[34] Там же. Л. 52, 56 – 57, 72; 1982. Л. 215.

[35] Там же. 1980. Л. 51, 58, 62 – 63; 1987. Л. 320.

[36] Там же. 1980. Л. 66 – 68; 1982. Л. 216 – 217, 220 – 223.

[37] Там же. 1982. Л. 218.

[40] Там же. 1980. Л. 51, 77; 1982. Л. 210, 212.

[41] Там же. 1980. Л. 78 – 80; 1987. Л. 321.

С.А. Красильников, С.Н. Ушакова
(Институт истории СО РАН)

КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ НА СПЕЦПОСЕЛЕНИИ. ИТОГИ «ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ» (1931 – 1935 гг.)

Массовые антикрестьянские репрессии в виде высылки крестьянства на спецпоселение ведут свое начало от февраля 1930 г., когда решениями директивных органов (секретно — постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января, а публично — постановлением ЦИК и СНК СССР от 1 февраля) местные органы получили право бороться «с кулачеством вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов отдельных районов и краев (областей)»[1] Следующий публично-правовой акт, определявший статус спецпереселенцев и дававший им определенную социальную перспективу в сталинском обществе, появился лишь через полтора года. 3 июля 1931 г. вышло постановление ЦИК СССР «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков», согласно которому последние «восстанавливаются по истечении пяти лет с момента выселения во всех гражданских правах и получают право избирательного голоса при условии: а) если они в течение этого срока на деле докажут, что прекратили борьбу против организованного в колхозы крестьянства и мероприятий советской власти, направленных на подъем сельского хозяйства, б) если они покажут себя на деле честными и добросовестными тружениками»[2]

Очевидно, что пауза в определении судеб спецпереселенцев возникла не случайно, равно как и увязывание изменения правового статуса репрессированных крестьян с процедурой их восстановления в гражданских правах. Осуществляя депортацию нескольких сотен тысяч крестьянских семей на спецпоселение, сталинский режим сознательно не придал репрессиям четко очерченных законодательных рамок. Депортация, будучи по форме внесудебной, административной ссылкой, абсолютно не вписывалась в нормы последней, поскольку не была ограничена никакими временными сроками (становилась бессрочной), носила не индивидуальный, а семейный характер и соединялась с принудительным трудом. Вокруг спецпереселенцев возник правовой вакуум, в

сравнении с ними даже заключенные, содержание и режим пребывания которых в местах лишения свободы регламентировался Исправительно-трудовым кодексом, находились в более внятном положении. Чекисты, в чье непосредственное ведение после расформирования летом 1931 г. НКВД союзных республик перешло управление системой крестьянских спецпоселений, согласились с партийным руководством в необходимости для стабилизации ситуации в спецпоселках дать крестьянам «перспективу». Простота решения, равно как и необязательность его выполнения, состояла в том, что фактическим критерием для высылки выступало лишение части крестьян избирательных прав в предыдущие годы. Списки на высылку за небольшим исключением совпадали со списками сельских «лишенцев», имевшимися в местных органах власти. Сложившаяся в 1920-е гг. процедура восстановления в правах предполагала выполнение двух условий — пятилетний трудовой стаж и лояльность советской власти. Поэтому крестьян, высланных по постановлению ЦИК СССР от 3 июля 1931 г., нетрудно было убедить в том, что получение избирательных прав через несколько лет есть синоним амнистии.

Восстановление глав семей и совершеннолетних ее членов из формально-правовой процедуры действительно на пять последующих лет превратилось в заманчивую для спецпереселенцев перспективу и одновременно стало полем столкновения и согласования интересов власти с отдельными категориями репрессированных крестьян. Инициатива в определении порядка и условий восстановления в правах принадлежала карательным органам. Вопрос состоял в четкости критериев и их соблюдении властью и крестьянами. Объявив о «пятилетке» как о сроке, достаточном для отработки на поселении и подтверждения лояльности власти, спецорганы вскоре объявили о возможности досрочного восстановления в правах для двух групп — молодежи и работников золотоплатиновой промышленности. В первом случае режим руководствовался идеологическим императивом (перевоспитать молодежь, оторвав ее от старшего поколения), во втором — экономическими соображениями (создать в краткие сроки из спецпереселенцев кадры постоянных рабочих). Гипотетические опасения того, что амнистированная таким образом молодежь покинет спецпоселки, снимались принятием процедурной нормы, согласно ко-

торой восстановление в правах действовало только по нисходящей линии: ограничения снимались с сына или дочери и членов их собственных семей (при наличии таковых), но не касались родителей. Подобная процедурная «удавка» удерживала восстановленную в правах молодежь на поселении без серьезных усилий со стороны аппарата комендатур. Даже в условиях начавшейся войны, при призыве с 1942 г. в Красную армию мобилизация детей не приближала родителей к снятию со спецучета. И лишь после 1946 г. возвратившиеся с фронта сыновья, награжденные правительственными наградами, получили возможность брать родителей из спецпоселений на свое иждивение.

Тем не менее, в первые годы действовала норма досрочного восстановления в правах за «ударную» работу передовиков производства, прежде всего из числа молодежи. Первое широко распропагандированное «списочное» восстановление в правах состоялось весной–летом 1932 г. и было приурочено руководством ОГПУ к празднованию 1 Мая (гражданские права получило около 2 тыс. чел.)[3] 27 мая 1934 г. по предложению Г.Г. Ягоды ЦИК СССР принял постановление, дающее местным органам власти полномочия восстанавливать в правах спецпереселенцев по истечении пяти лет пребывания их на поселении, а для передовиков производства допускалось досрочное восстановление в правах[4] При этом ГУЛАГ, в ведении которого находились спецпоселения, дал указания местным органам обязательно составлять характеристики на представленных к восстановлению в правах лиц и членов их семей: «...наряду с показателями работы на производстве и участия в общественной жизни поселка, особое внимание уделять степени хозяйственного освоения данной спецпереселенческой семьи: членство в неуставной артели, индивидуальное жилстроительство, покупка в рассрочку дома у хозорганизации, наличие приусадебных огородов, хозяйственных построек, скота и проч.

Восстановленные в правах лица пользуются всеми правами граждан СССР, имеют право выезда из спецпоселения и к ним не могут быть применены никакие ограничения... Конечно, нашей задачей является создание таких условий для лиц, получающих гражданство, при которых у них не было бы желания покидать спецпоселки»[5].

В 1934 г. еще ничто не предвещало радикального пересмотра сложившихся норм, при котором власти использовали институт восстановления в правах как механизм точечного амнистирования репрессированного крестьянства. Так полагали и региональные партийные деятели, также несшие ответственность за состояние спецпоселений («спецссылки»). В выступлении 26 июня 1934 г. на совещании комендантов секретарь Свердловского обкома ВКП(б) И.Д. Ка-баков заявлял: «Средств на спецссылку израсходовано больше, чем нужно, а результаты эффективности израсходования средств самые ничтожные. Побеги не сокращаются, а даже увеличиваются. Это больше чем странно тогда, когда в спецссылке осталось жить короткий срок. И все же, несмотря на то, что срок остался небольшой, бегут»[6]

Однако по мере приближения пятилетнего срока с начала первой массовой депортации крестьян (февраль–апрель 1930 г.), руководство ГУЛАГа проявляло небеспочвенную тревогу по поводу поведения крестьян. Все большее число восстановленных в правах спецпереселенцев стремилось покинуть спецпоселки. 2 января 1935 г. начальник Управления М.Д. Берман писал Г.Г. Ягоде: «На 1-ое ноября 1934 года со дня существования трудпоселков всего восстановлено в правах 8 505 семей — 31 364 человека, из которых осталось в трудпоселках 2 488 семей — 7 857 человек, или 25,1 % к числу восстановленных... Для недопущения в будущем подобных явлений считаю необходимым предложить нач. Управлений НКВД следующее: 1. Воспретить массовое восстановление спецпереселенцев в гражданских правах, 2. Восстанавливать в правах в индивидуальном порядке исключительно хозяйственно закрепившихся спецпереселенцев в местах их вселения, 3. Развернуть массовую работу среди восстановленных спецпереселенцев по их добровольному закреплению в трудпоселках, 4. Не допускать возвращения восстановленных в правах спецпереселенцев в районы их прежнего местожительства...»[7]

Г.Г. Ягода 17 января 1935 г. обратился к И.В. Сталину с письмом следующего содержания: «Постановлением ЦИК СССР от 27/V–34 г. о восстановлении трудпоселенцев в гражданских правах безусловно предполагалось оседание восстановленных в местах поселения.

Однако, поскольку специального пункта в закон внесено не было, по мере восстановления в правах отмечены массовые выезды трудпоселенцев с места поселения, что срывает мероприятия по освоению необжитых мест.

Вместе с тем, возвращение восстановленных трудпоселенцев в те края, откуда они были выселены, — политически не желательно.

Считаю целесообразным издание ЦИКом Союза ССР дополнения к постановлению от 27 мая 1934 года, где должно быть указано, что восстановление в правах трудпоселенцев не дает им права выезда из места вселения»[8] 25 января 1935 г. постановлением ЦИК СССР требуемое дополнение было внесено и получило силу закона[9]

Данная дискриминационная поправка, вновь сделавшая пребывание крестьян в ссылке бессрочной, сравнительно быстро обросла рядом нормативных документов репрессивных органов, делавших выезд из поселений восстановленным в правах затрудненным или вовсе невозможным. Циркуляр Главного Управления милиции от 3 февраля 1935 г. «О порядке выдачи паспортов высланным кулакам, восстановленным в гражданских правах» предписывал местным органам выдавать паспорта данной категории только по месту расположения трудпоселения, в самом паспорте делать пометку о выдаче документа конкретной комендатурой и прописывать «кулаков» только в местах их поселения[10] 17 апреля 1935 г. Президиум ЦИК СССР направил органам власти разъяснение, в котором указал, что постановление ЦИК СССР от 25 января 1935 г. распространяется на всех еще находящихся в спецпоселениях «кулаков», хотя бы даже и восстановленных в гражданских правах до января 1935 г.[11]

15 марта 1936 г. НКВД СССР был издан циркуляр, суммировавший опыт и практику применения постановления ЦИК СССР от 25 января 1935 г. в спецпоселках. Репрессивные органы разработали серию акций для того, чтобы создать из восстановленных в правах квазипривилегированную группу. Восстановленных в правах снимали с общего учета и переводили на «отдельный учет». Им предоставлялось право передвижения в пределах района своего вселения и поступления на работу по своему усмотрению. В отдельных «исключительных» случаях ударникам из числа вос-

становленных в правах УНКВД разрешало выезд на учебу, лечение и т. д., впрочем, с оговоркой «только в пределах того края, где они поселены» Хозяйственные организации обязывались улучшать жилищные и материально-бытовые условия восстановленных в правах[12]

Наступивший 1936 г. оказался особенным во взаимоотношениях власти и спецпереселенцев. Спецорганы, подстраховавшись законом от 25 января 1935 г., могли не опасаться массового легального отъезда из спецпоселков восстановленных в правах «кулаков» и начинать процедуру массового восстановления спецпереселенцев в гражданских правах, широко продекларированную еще в 1931 г. Выше уже отмечалось, что чекисты ввели для данной категории несколько ослабленный режим учета и контроля, а также ряд льгот, действовавших, впрочем, только в пределах комендатур. Обладание «гражданскими правами» «в отдельно взятой комендатуре» сохраняло тем не менее привлекательность в глазах спецпереселенцев, остро ощущавших свое дискриминационное положение. Спецорганы сделали из обычной, на первый взгляд, процедурной акции пропагандистскую кампанию, рассчитанную не только на среду спецпереселенцев, но и на руководство страны. Чекисты не без оснований полагали, что массовое восстановление в правах спецпереселенцев станет весомым аргументом в пользу их работы по «трудовому перевоспитанию кулачества» и освоению новых территорий. В начале ноября 1935 г. начальник ГУЛАГ М.Д. Берман обратился к Г.Г. Ягоде с докладной запиской о результатах освоения Нарымского Севера спецпереселенцами, в которой дал процессам карательного освоения самую комплиментарную оценку, а завершил документ просьбой «выдать ряд наград чекистам и специалистам, работавшим над освоением Нарыма в течение пяти лет»[13]

Масштабы кампании оказались действительно беспрецедентными. Так, в 1935 г. было восстановлено в правах 21 684 спецпереселенцев, а вместе с ранее восстановленными в правах в прежние годы и лишившимися теперь права выезда из спецпоселков эта группа составила в начале 1936 г. 43 228 чел.[14]. Летом–осенью 1936 г. было восстановлено в правах 93 992 чел., а вместе с ранее восстановленными в правах таковых в спецпоселках в начале января 1937 г. насчитывалось 136 350 чел.[15] При этом в Западной

Сибири, где в комендатурах размещалось ок. 58 тыс. семей (вместе с одиночками почти 220 тыс. чел., или 20 % от численности спецпереселенцев в стране), в правах было восстановлено ок. 50 тыс. чел., т. е. каждый второй из спецпереселенцев, восстановленных в правах в 1936 г.[16]

Процедура восстановления спецпереселенцев в правах носила весьма жестко регламентированный характер. В течение нескольких месяцев 1936 г. в эту деятельность были вовлечены комендатуры всех уровней — от поселковых и районных до Отделов трудпоселений управлений НКВД краев и областей страны. На кандидатов для восстановления в правах составлялись развернутые характеристики с выделением трех основных групп признаков — производственная деятельность, общественно-политическая активность и наличие условий для «прочного оседания» на поселении. Все эти признаки призваны были дать некоторую модель поведения крестьянских семей (глав и отдельных членов) в производственной и непроизводственной сферах, соответствующую установкам органов власти в отношении спецпереселенцев к исходу пятилетия их ссылки. Списки на восстановление в правах спецпереселенцев со перечнем членов семей и короткими характеристиками (четыре–шесть предложений) согласовывались в аппаратах краевых и областных ОТП и после этого поступали на окончательное утверждение в избирательные краевые (областные) комиссии по месту нахождения комендатур. Благодаря этому в региональных архивах, прежде всего Западной Сибири, Урала, Северного края и Казахстана, отложились такие массовые источники, как сотни списков, представленных участковыми комендатурами в избиркомы для восстановления спецпереселенцев в избирательных правах. В каждый список включалось от нескольких десятков до нескольких сотен человек. Нами были проанализированы списки Анжерской (на 164 чел.) и Парабельской (на 202 чел.) участковых комендатур[17] Содержащаяся в 366 характеристиках спецпереселенцев (глав семей и одиночек) информация может считаться достаточной для определения спецорганами «лояльного» поведения части «контингента» двух групп комендатур Западной Сибири — южных (кузбасских) и северных (нарымских). Южные комендатуры по профилю производственной деятельности относились к промышленным, а северные — к сельско-

хозяйственным. В каждой группе комендатур к 1936 г. было сосредоточено примерно по 110 тыс. спецпереселенцев. Анализ «контингентов», признанных лояльными власти и территориально расположенных на юге и севере региона, позволяет сравнить черты их поведения и определить специфику каждого из них. При обработке списков учитывались демографические показатели (пол, возраст, семейное положение), характеристики производственной деятельности, общественно-политические и характеристики приусадебного хозяйства как важного показателя степени «оседлости» на спецпоселении. При подсчетах демографических показателей учитывались характеристики основной единицы учета — главы семьи и бессемейных–одиночек. В характеристиках производственной деятельности иногда учитывались трудовые показатели других взрослых членов семьи для усиления аргументации в пользу восстановления в правах семьи в целом.

Распределение глав семей и одиночек по полу в Анжерской (90 % мужчин) и Парабельской (70,8 % мужчин) комендатурах значительно различалось. Это обстоятельство было связано с принципом распределения спецпереселенцев по комендатурам: для работы на шахтах направлялись прежде всего семьи, имеющие трудоспособных глав – мужчин, тогда как в нарымские комендатуры направлялись разделенные семьи, где роль главы ложилась на женщин. Имелись различия и в возрастных характеристиках. В Анжерке средний год рождения восстановленных в правах падал на 1903 г. (36 лет), самый старший родился в 1878 г. (58 лет), самый молодой — в 1917 г. (19 лет), самым большим был удельный вес родившихся между 1891 – 1900 гг. (24,4 %) и 1901 – 1910 гг. (48,8 %). В Парабели средний год рождения был 1893 (46 лет), возраст самого старшего в группе восстановленных в правах достигал 70 лет (1866 г.), а младшего — 18 лет (1918 г.). Самыми представительными были группы родившихся в 1881 – 1890 гг., 1891 – 1900 гг. и 1901 – 1910 гг. (23,8, 29,2 и 22,3 % соответственно). Доля лиц в возрасте до 46 лет в Анжерке достигала 90,2 %, в Парабели — 57,9 %. В Анжерке был ниже удельный вес одиночек по сравнению с Парабелью (8,5 и 10,4 % соответственно). Доля вдов среди глав семей в Парабели была значительно выше, чем в Анжерке (20,3 и 7,9 % соответственно). Среди одиночек в Парабели встречались сироты (3,5 %), а также порвавшие связь с роди-

телями (1,5 %), а среди глав семей — инвалиды (5,4 %). Такие группы в анжерских списках не зафиксированы. Все сказанное в совокупности свидетельствует о большем демографическом благополучии спецпереселенцев Анжерской комендатуры по сравнению с Парабельской, что было результатом целенаправленной политики использования труда спецпереселенцев, когда на «ударные» стройки отбирались и направлялись неразъединенные семьи с главами–мужчинами, а в северных комендатурах высокой оставалась доля социально пострадавших, уязвимых категорий — вдов, инвалидов, сирот. Восстановление их в правах играло до известной степени роль компенсаторного механизма, но социальная перспектива для них оставалась весьма узкой.

Характеристики профессиональной занятости в Анжерке и Парабели существенно различались и сопоставлению почти не подлежат. В Анжерке доминировавшей группой были шахтеры (40,2 %), а в Парабели — члены неуставных артелей без указания должностей (68,3 %). В Анжерке весьма значительным был удельный вес (26,6 %) тех, чья работа обозначалась безличностно как «производство» — то ли в инфраструктуре шахт, то ли комендатуры. 9,8 % спецпереселенцев Анжерки работали в леспромхозах, 7,3 % имели рабочие специальности слесаря, плотника и др. (в Парабели доля таковых составляла 2,0 %). В конторском аппарате в Анжерке работало 6 %, а в Парабели 3 % спецпереселенцев, а медиками и учителями 2,5 и 2 % соответственно. В Парабели четко выделялась группа лиц, приближенных к аппарату комендатур (уполномоченные комендатур в артелях и зав. продларьками) — 6,9 %. В Анжерке аналогичной можно считать группу бригадиров на производстве (7,9 %).

При подобном разнообразии сфер занятости восстановленных в правах решающим критерием выступал признак интенсивности и результативности труда (ударничество и премирование за работу). В Анжерке среди восстановленных в правах положение ударника доминировало в производственных характеристиках (73,8 %), а доля премированных достигала 16,5 %. В сельхозкомендатуре (Парабель) была своя специфика. Здесь доля ударников–глав семей была ниже (53 %). Однако имелась значительная группа семей, где главами являлись весьма пожилые люди (см. демографические показатели) и в силу своего возраста не были

способны на интенсивный труд, но в составе таких семей были дети–ударники. В совокупности число семей, где работали ударники, составляло в Парабели 67,3 %. Для неуставных артелей основным производственным показателем выступало количество выработанных трудодней. Среднее число последних для глав семей и одиночек составляло 243 (для ударников этот показатель был 299). Работа в неуставных артелях являлась базовым условием для восстановления в правах. В Парабели только 3 % числились отходниками артелей. Поскольку кооперирование труда в спецпоселках нормативно было разрешено только с 1932 г., то для отношения к труду далеко не последнюю роль играл год вступления в неуставную артель. В 1932 г. в артели вступили 22,9 % восстановленных в правах, в 1933 г. — 30, в 1934 г. — 21,4 %. Если для промышленных комендатур главным признаком «закрепления» спецпереселенцев на производстве выступали результаты самой производственной деятельности, то для северных комендатур критерием «оседания» в необжитых местах выступало наличие собственного жилья (изба) и приусадебного хозяйства со скотом. Всеми тремя названными признаками (изба, огород и скот) обладали 54 % восстановленных в правах членов неуставных артелей, избу и скот имели 15,8 %, избу и огород — 7,9 %, только избу имели 5,9 % и в отношении 16,3 % имущественное положение не нашло отражение в характеристике. Как интегративную характеристику успешности хозяйствования чекисты применяли критерий полного обеспечения семей продовольствием за счет трудодней и личного подсобного хозяйства (74,8 %). В то же время «зажиточными» были немногие — только 18,8 % семей имели излишки сельхозпродукции. Это свидетельствовало о том, что даже интенсивный (ударный) труд на производстве и наличие подсобного хозяйства позволял спецпереселенцам лишь балансировать на грани выживания. Сами чекисты оценивали долю «вполне окрепших хозяйств» лишь в 14,4 %.

Характеристики общественно-политического поведения спецпереселенцев, дававшиеся чекистами, не отличались разнообразием. Признаки лояльности властям измерялись либо во вполне конкретных и осязаемых поступках крестьян (выполнение заданий и поручений комендатуры, подписка на заем, участие в деятельности разрешенных в комендатурах обществ и организаций,

борьба с побегами и преступностью в спецпоселках и т. д.), либо переводились в достаточно субъективные ценностные оценки (общественная активность, « изжитие кулацкой идеологии » и т. д.). В характеристиках спецпереселенцев Анжерки в порядке убывания упоминались: хорошее поведение (без взысканий) — 81,7 %, общественная активность — 60,4, выполнение заданий комендантов — 10,4, работа уполномоченными комендатуры, старшими улиц и т. д. — 9,8, членство в Осодмиле (общество содействия милиции) — 19,5, борьба с побегами и преступностью — 7,9, подписка на заем — 7,9, «изжитие кулацкой идеологии» — 7,9, участие в «оперативной работе» комендатур — 2,4 %. На «пересечении» признаков производственной и общественной активности вырастал усредненный облик восстановленного в правах спецпереселенца: ударник труда, общественно активный и с хорошим поведением (второе и третье по меркам чекистов). Такими совокупными характеристиками обладали почти 40 % восстановленных в правах Анжерской комендатурой летом 1936 г. Приведем пример образчика бюрократического творчества, взяв характеристику шахтера Т.А. Яковлева: «По прибытию в комендатуру работает в шахте 9–15 пом. забойщика, ударник, норму выработки перевыполняет, несет общественную нагрузку по линии комендатуры. Все проводимые мероприятия в поселке выполняет аккуратно, к советской власти лоялен»[18]

Чекисты в Парабельской комендатуре пользовались той же системой характеристик, однако имели свои критерии оценок. Доминировавшим признаком было хорошее поведение (без взысканий) — 66,3 %, но общественников-активистов насчитывалось меньше, чем в Анжерке, — 26,2 %, далее фиксировался такой ценностный признак, как «пользуется доверием комендатуры и артели» — 13,4 %, затем «бережное отношение к общественному имуществу» — 7,4 %, а «изживших кулацкую идеологию» оказалось всего 2 %. Здесь также усредненным оказывался образ передовика производства, не имеющего взысканий, обладающего избой и скотом. Приведем характеристику Л.И. Сорокина: «Член артели. Имеется хорошая изба, 1/2 коровы (корова на два хозяйства. — **С.К., С.У.**), 1 штука мол[очного] рог[атого] скота, полная обеспеченность продовольствием. Сам лучший ударник производственник. Своей инициативой мобилизует массы на выполне-

ние и перевыполнение норм выработки. Прогулов не имеет. Взысканий не имеет»[19]

Большинство характеристик содержало усредненный и стандартизированный набор признаков, среди которых устанавливался баланс четко выраженных производственно-имущественных черт и ценностных определений, весьма субъективно трактуемых работниками комендатур. Эмпирический материал на тему «спецпереселенцы глазами комендантов в 1936 году» позволяет судить о весьма высокой степени адаптации репрессированных крестьян к условиям спецпоселения за пятилетний период. В спецпоселках Западной Сибири, по утверждению нач. ОТП УНКВД края И.И. Долгих, «количество восстановленных в правах до Сталинской Конституции (всего по ОТП 11 916 хозяйств, в них 57 088 чел.) является одним из результатов политико-воспитательной работы среди контингента и трудовой их перековки»[20]

Если же оставить в стороне пропагандистскую риторику высокопоставленного чекиста, то за ней проступает суровая реальность выживания крестьянства в экстремальных обстоятельствах спецпоселения. Крестьянские семьи, имевшие практический опыт хозяйствования и получения экономических результатов, позволявших выполнять обязательства перед властью и выходить на рынок с излишками продукции (это было нормой), за пять лет экспроприации и высылки были либо превращены в «рабсилу» на промышленном производстве, либо балансировали на грани выживания в неуставных сельхозартелях (ок. 14 % восстановленных в правах спецпереселенцев не имело скота, а только дом или дом с небольшим огородом, а хозяйств с излишками сельхозпродукции насчитывалось менее 19 %). Поставленные в обстоятельства полной зависимости от аппарата комендатур, крестьяне вынуждены были принять жесткие правила режима пребывания на спецпоселении. Восстановление в гражданских правах, после 1935 г. означавшее лишь ослабление некоторых режимных процедур, также было принято большинством глав семей к исполнению. Исследование зафиксировало четкую взаимосвязь между возрастом и совокупностью черт, требуемых властью для восстановления в правах: у старших возрастных групп крестьян было меньше шансов получить статус «ударника» или доказать свою лояльность режиму, нежели у молодежи и части среднего поколения. В то же вре-

мя режим достиг определенного результата в создании «актива» из числа этих возрастных групп спецпереселенцев, сделав привлекательными не только посты уполномоченных или старших десятидворок («десятских»), но и членов групп содействия по борьбе с побегами, осодмильцев (доля таковых в Анжерке составила 37,2 % от общего числа восстановленных в правах), которые боролись за поселковые привилегии путем гласных и негласных сделок с работниками комендатур, что являлось частью сталинской «перековки». Восстановление в правах части вдов, инвалидов и сирот не меняло общей направленности взаимоотношений между спецорганами и спецпереселенцами, где первые устанавливали правила поведения и жизнедеятельности в комендатурах, а вторые накапливали опыт следования им.

Между тем, за пределами данной квазипривилегированной группы на поселении оставалась основная масса — 80 спецпереселенцев. Еще 9 июня 1934 ОГПУ был разработан циркуляр «О порядке восстановления сецпереселенцев в гражданских правах», в котором местные спецорганы предупреждались о недопустимости массового восстановления спецпреселенцев в гражданских правах. Пятый пункт циркуляра определял круг тех, кто не подлежал восста-новлению в правах: «спецпереселенцы, не порвавшие связи с к.-р. частью кулачества, проходящие по материалам наших органов как ведущие к.-р. работу, к.-р. элемент, состоящий на учете наших органов, совершившие побеги из спецпоселков в 1933 – 1934 г., плохо работающие и нежелающие (так в документе. — **С.К., С.У.**) осваиваться в спецпоселках»[21] Совершенно очевидно, что среди обозначенных групп, «контрреволюционеры», или «связанные» с ними спецпереселенцы не могли быть значительной величиной. Следовательно, большую часть из примерно 40 тыс. глав семей, не сумевших получить гражданские права за пятилетний срок пребывания на спецпоселении, составили бежавшие из мест поселения, но затем пойманные, или вернувшиеся из бегов, либо те, кто «плохо работал», имел штрафы и взыскания за нарушения режима. Статистика побегов и задержаний бежавших из спецпоселков велась устойчиво с 1932 г. По данным ОСП ГУЛАГа в 1932 г. из спецпоселков Западной Сибири бежали 40 205 чел., возвращено 9 398 чел., в 1933 г. — 49 718 и 12 647 чел., в 1934 г. — 29 567 и 12 773 чел., в 1935 г. — 13 945 и

9 592 чел., в 1936 г. — 5 856 и 5 334 чел. соответственно[22] Суммирование погодовых данных о количестве бежавших и пойманных или вернувшихся на поселение демонстрирует масштабы явлений и сложившиеся в данной сфере тенденции. Вновь на поселение за указанные пять лет были возвращены или вернулись почти 50 тыс. чел. Бегство часто носило семейный характер, а некоторые члены семей скрывались и возвращались в спецпоселки по несколько раз. Учитывая, что высланная семья состояла в среднем из 5 чел., почти 10 тыс. семей не могли попасть в списки восстановленных в правах за совершение побегов из мест ссылки.

Другим негативным, по мнению спецорганов, признаком поведения спецпереселенцев было нежелание части из них вступать в неуставные артели, оставаясь единоличниками. К 1937 г. доля кооперированных спецпереселенцев в комендатурах Нарымского окр. составила 85 %. За пределами неуставных артелей оставалось ок. 3 тыс. семей[23], по этому основанию не подлежавшие восстановлению в правах.

Самыми распространенными основаниями считать поведение спецпереселенцев нелояльным власти были повседневные, бытовые уклонения от установленных правил режима пребывания на поселении — «плохая работа», каравшаяся штрафами, арестами и т. д. Поселковые и участковые коменданты настолько широко использовали право наложения административных мер взыскания (аресты и штрафы за прогулы, самовольные отлучки с работы, нарушение правил внутреннего распорядка и проч.), что избежать таковых за многие годы пребывания на поселении было почти невозможно. Экстремальные условия пребывания на спецпоселении подталкивали крестьян к таким нарушениям, как подчистка и подделка продуктовых карточек, получение продуктов и зарплаты вместо бежавших, кража спецодежды, самовольные отлучки в соседние деревни за продовольствием и т. д. Все отмеченное выше в совокупности приводило к тому, что попасть в квазипривилегированную группу восстановленных в правах оказывалось крайне сложной задачей, выполнимой приблизительно лишь для пятой части спецпереселенцев. Остальная масса репрессированных крестьян, находившаяся в худших нежели восстановленные в правах социально-бытовых условиях, подталкивалась режимом, вне зависимости от субъективных устремлений и действий работников

аппаратов комендатур, частично к формам протеста, частично к асоциальному поведению.

Примечания

[1] Собрание законов СССР. 1930. № 9. Ст. 105.

[2] Там же. 1931. № 44. Ст. 298.

[3] ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1221. Л. 13.

[4] Собрание законов СССР. 1934. № 33. Ст. 257.

[5] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 2205. Л. 34 об.

[6] Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930 – 1936 гг.). Екатеринбург, 1993. С. 196.

[7] Цит. по: **Земсков В.Н.** Спецпоселенцы в СССР. 1930 – 1960. М., 2003. С. 63.

[8] Там же.

[9] Собрание законов СССР. 1935. № 7. Ст. 57.

[10] ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 56. Л. 114.

[11] Там же.

[12] Там же. Л. 114 – 115.

[13] Там же. Д. 35. Л. 25.

[14] Там же. Д. 89. Л. 209.

[15] Там же. Л. 210.

[16] Там же. Д. 89. Л. 210.

[17] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 3. Д. 2535. Л. 37 – 50; Д. 2162. Л. 223 – 231 об.

[18] Там же. Д. 2162. Л. 225.

[19] Там же. Д. 2535. Л. 38.

[20] Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933 – 1938. Новосибирск, 1994. С. 232.

[21] Там же.

[22] ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 1. Л. 170.

[23] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 206 – 210.

В.В. Сарнова
(Институт истории СО РАН)

АДАПТАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ К УСЛОВИЯМ СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Процессы адаптации традиционно принято рассматривать в нескольких направлениях: адаптация к принципиально иному социальному статусу и новым формам общения, к новым климатическим и жилищно-бытовым условиям, работе, пище и т. п. Этнические спецпереселенцы в изучаемый период оказались перед необходимостью выстраивать взаимоотношения с властью, местным «правовым» населением, прибывшими ранее спецпереселенцами, представителями других этнических групп и т. п.

Так, если говорить об отношениях депортантов различных национальностей, то между ними нередко возникали столкновения. Спецпереселенцы не идентифицировали себя как целостное сообщество. Согласно социально-психологическим исследованиям, в кризисных ситуациях при регуляции межличностных и межгрупповых отношений доминантным становится этнический фактор[1] Люди, высланные в составе одного «контингента», дробились по этническому признаку в местах расселения на подгруппы. В ряде случаев экстремальные условия усиливали давние противоречия между этносами, порождая польско-украинские, польско-литовские, литовско-эстонские и т. п. конфликты.

Для отношений этнических групп спецпереселенцев с властными структурами и особенно представителями местной администрации важны следующие аспекты: нежелание последних уделять внимание проблемам депортированных, мотивируя это тем, что местное «правовое» население находилось в таком же бедственном положении; отношение к тому или иному «контингенту» в зависимости от его способности к труду и т. д. Следует особо отметить характер и формы «сотрудничества» между спецпереселенцами и властью. Л.П. Белковец в своей статье, основанной на материалах архива УВД Новосибирской обл., описывает действие

агентурно-осведомительной сети. Так, сеть должна была охватывать все районы расселения из расчета один осведомитель на 20 – 30 семей[2] Осведомители составляли основную часть системы, а для разработки уже имеющихся агентурных дел вербовались агенты. Схема вербовки выглядела следующим образом: вначале проверялись деловые и политические качества кандидата, его связи с другими ссыльными, не состоит ли он в областной картотеке учета антисоветского элемента. После получения от начальников районного отделения НКВД и ОТСП/ОСП санкции на вербовку осведомителя или агента комендант или начальник районного отдела вызывали намеченного к вербовке кандидата для предварительной беседы, после которой принималось решение о целесообразности его вербовки. Отказавшиеся от «сотрудничества», обязывались дать подписку о неразглашении характера встречи.

Переписка об агентах-осведомителях велась с указанием номера личного дела и псевдонима. В качестве псевдонимов использовались имена, фамилии, указания на профессию или клички. Для передачи сведений существовал двухнедельный или месячный график с точным указанием времени встречи. Обычно комендант должен был провести две или три встречи в месяц с каждым из осведомителей, собранные сведения должны были быть представлены в письменных донесениях, которые уточнялись во время беседы.

В ходе таких бесед с «негласными сотрудниками НКВД» коменданты и оперработники «не должны были допускать "панибратства", неуместных шуток, анекдотов и других несерьезных вещей». Кроме того, необходимо было вырабатывать у завербованных, выдержку, находчивость, умение конспирироваться в окружающей среде, а также «формировать такие качества как «честность», преданность советскому строю и непримиримость к его врагам[3] В справке о расселенных на территории Новосибирской обл. спецпереселенцах, датированной сентябрем 1944 г., среди прочего указывалось, что «для агентурного обслуживания «контингентов» имелось 1 517 осведомителей и 3 агента», в т. ч. по немцам — 270 осведомителей, по калмыкам — 436 осведомителей и три агента, по «кулакам» и ссыльнопоселенцам — 736 и 75 осведомителей соответственно[4] В «Выписке из докладной записки о работе УНКВД по НСО за четвертый квартал 1944 г.» начальник

УНКВД области Ф. Петровский указывал, что на весь «спецконтингент» приходилось восемь резидентов, шесть агентов-маршрутников, 23 агента и 1 412 осведомителей[5]

Осведомители обязывались сообщать в карательные органы различного рода информацию, но прежде всего о распространении в среде спецпереселенцев различного рода выражений недовольства в связи с войной. Это и «пораженческие», и «профашистские» настроения. В докладных записках из спецпоселков бывших польских граждан отмечалась активность «наиболее непримиримо настроенной части "контингента"», преимущественно «осадников». К проявлениям подобной активности спецорганы относили отказ спецпереселенцев поддерживать резолюции «осуждавшие зверства фашизма», погромы в красных уголках и т. д. Так, проживавшие в Чигаринском сельсовете Нарымского округа Борис Якобсон, Леонтина Домопольская «говорили, что война через два месяца кончится, победа будет за Гитлером нам и вам (имеются в виду выселенные ранее спецпереселенцы бывшие «кулаки». — **В.С.**) будет жить хорошо». В том же сельсовете «вновь прибывшие поляки говорили, что местное учительство безкультурное... должно быть снято с работы», а они как высокообразованные «занять его место», а не заниматься физическим трудом[6] Ссыльнопоселенец Лаврентий Кромка заявлял: «Немцы уничтожают только коммунистов. Во всяком случае, они продвигаются успешно, и если еще поможет Япония, то к весне освободят и нас из этой проклятой сибирской ссылки, тогда уж и мы по стариковски примем участие в истреблении коммунистов». Следующее высказывание принадлежит Марии Ремандель, которая, согласно источнику, говорила следующее: «...правительство забирает все продукты у крестьян, а люди умирают от голода,... жизнь наладится только тогда, когда немцы заберут Россию, тогда все освободимся от невыносимых лишений». Другая ссыльнопоселенка поддержала приведенную реплику: «Только тогда жизнь ссыльных и трудпоселенцев будет спасена, когда немцы свергнут советскую власть»[7] Сходные настроения были распространены среди представителей всех этнических «контингентов». Уместно предположить, что спецпереселенцы поддерживали в своих высказываниях немецкую армию и ее действия не столько потому, что согласны с ними, или их не устраивает советская власть, а

вследствие того, что на данный момент они находятся в ссылке по вине советской власти, с которой в этот период борется Германия.

С начала Великой Отечественной войны резко возросло количество дел, связанных с «организацией повстанческих групп», «попытками осуществления диверсионно-вредительских и террористических актов», «созданием контрреволюционных групп за счет разведок Германии и Японии». В этот период на шахтах Прокопьевского рудника была «вскрыта контрреволюционная организация» состоявшая в большинстве своем из «кулаков-спецпереселенцев кабардинской национальности», проводившая среди населения «активную профашистскую агитацию». По версии чекистов, участники этой группы собирались покинуть спецпоселение и уйти в тайгу «с последующим поднятием там восстания против советской власти». Руководителем данной группы считался Власов, бывший офицер белой армии долгое время находившийся в германском плену. В пос. Красный Яр, Кривошеинского р-на, органами НКВД «с помощью» противопобеговой агентуры «была вскрыта контрреволюционно-повстанческая группа», в состав которой входило шесть человек спец- и трудпереселенцев. По мнению чекистов, они призывали население к вооруженному восстанию для свержения советской власти, изготавливали и распространяли листовки.

В сходных преступлениях обвинялись группы Мутуль, Росса, Граге, Райхерта и др. Большинство «врагов» было обнаружено среди «немцев-кулаков» и «немцев-переселенцев». Кроме «немецких» вскрывались также «украинские», «татарские» и т. п. «контрреволюционные организации», по мнению местных властей имевшие целью организацию забастовок и вооруженных восстаний, приобретение оружия, убийство работников милиции и разоружение ее состава, а также «переход на сторону немцев, если будут взяты в РККА и отправлены на фронт». Реальность таких «организаций» представляется сомнительной. В документах не содержалось данных о каком-либо уставе, постоянном членстве, а порой и об их руководителях. Местные власти сознательно преувеличивали масштаб «вредительства» не выходившего за пределы традиционных для сельской местности протестных действий: поджогов, порчи инвентаря и скота, бегства с поселения и пр. К тому же для подготовки восстания у ссыльных не было ни сил, ни

средств, и все оставалось на стадии намерений и возмущенных разговоров, дававших депортированным видимость того, что они еще могут что-то изменить в своей жизни[8]

Среди форм выражения этническими спецпереселенцами своего протеста можно выделить высказывание пораженческих и прогерманских настроений, бегство с поселений (бежали по одному, семьями, целыми группами, иногда такие попытки удавались), отказ от участия в мероприятиях, проводимых местными властями, крупные волнения. К числу последних могут быть отнесены события августа 1940 г. в Томасинлаге, имевшие форму «волынки». Они были вызваны попыткой руководства повысить выработку деловой древесины за счет увеличения количества рабочих рук, игнорируя непригодность прибывшего контингента к тяжелой физической работе (по официальным данным, работать могли только 4 100 чел. из 10 300) и перенаселенность лагерей (по мнению начальника Томасинлага Борисова и начальника политотдела Бекбулатова, лагерь был рассчитан «максимум на 13 тыс. заключенных», тогда как 18 июля 1940 г. количество спецпоселенцев Томасинлага составило 18,5 тыс. чел.).

15 августа спецпереселенцы-«беженцы» спецпоселка Асино перестали работать. Из пос. Тайга Берегаевского лесозаготовительного участка «все беженцы ушли на пристань г. Берегаево» с вещами и отказались работать. 15 августа началась забастовка в с. Кица, проходившая «организованно» и сопровождавшаяся «предъявлением ультимативных требований о выселении из спецпоселков». С 16 августа не работали все спецпереселенцы пос. Берегаево.

17 августа по распоряжению Новосибирского обкома ВКП(б) в Асиновский, Зыряновский и Тегульдетский районы Новосибирской обл. была командирована комиссия со специальным заданием — предотвратить дальнейшее развитие забастовки, расследовать ее причину и принять на месте «меры по урегулированию создавшегося положения»[9] Комиссия установила, что во всех поселках действовали т. н. комитеты, «подготовившие и организовавшие выступления». Можно допустить, что первоначально идея сопротивления действительно сформировалась в сравнительно узком кругу, однако говорить в данном случае о «контрреволюционном активе» и «организации бунта», было бы серьезным пре-

увеличением. К тому же документы не отмечают никакого насилия со стороны «волынщиков» (последние лишь демонстративно отказывались от работы). Тем не менее, «в течение двух суток спецмерами был установлен персональный состав этих комитетов».

Выводы, сделанные комиссией, были неоднозначны: с одной стороны, отмечалось «бездействие оперативно-чекистского отдела Томасинлага», благодаря чему «контрреволюционный элемент нашел благоприятную почву для контрреволюционной работы», отсутствие на местах «в самый разгар бунта» начальника оперативно-чекистского отдела Томасинлага Салтымакова и начальника политотдела Бекбулатова. С другой стороны спецпереселенцам не было создано «хотя бы минимальных условий по налаживанию жилищ, быта, питания и по трудоустройству «беженцев». В результате чего «семьи беженцев были расселены в совершенно неподготовленных жилищах», а «все спецпоселки Томасинлага… до невозможности перенаселены». Что касается администрации лагерей, то низовые работники, …привыкшие к обслуживанию заключенных, эти методы полностью переносили на беженцев, что вызывало возмущение и недовольство»[10] В течении двух–трех суток в шести спецпоселках Томасинлага было арестовано 49 членов «комитетов», были проведены «спецагмероприятия» и разъяснительная работа, после чего было восстановлено «нормальное положение». 20 августа спецпереселенцы вышли на работу, 22 августа работало 100 % всех «беженцев».

Во избежание повторения подобных опасных ситуаций районным администрациям предписывалось принять следующие меры: активизировать работу органов НКГБ и НКВД, в районах создать боевые группы «на случай ликвидации открытых выступлений», а также «заслоны» в глухих и отдаленных местах, «для общественной самоохраны предприятий и складов» организовывать районные дружины Управление НКВД по Новосибирской обл. рассматривало вопрос об «открытии в Нарыме закрытого лагеря для наиболее активной части спецпереселенцев и местных кулаков»[11] Хотя «волынки» были реальным явлением для спецпоселков исследуемого периода, вышеописанный вариант сопротивления по своим масштабам являлся неординарным. Что же касается повседневного поведения и в целом настроений депортированных, то

следует обратиться к сводкам НКВД, докладам и докладным записках о состоянии спецпоселков. Последние, как правило, представляют собой многостраничные документы, состоящие из стандартных разделов, в числе которых «культурно-воспитательная работа» и «политико-моральное состояние» (настроения и разговоры спецпереселенцев, полученные главным образом агентурным путем).

Можно согласиться с Л.П. Белковец, что осведомители и агенты, «в конечном итоге, были жертвами режима, их сознание и психика деформировались от постоянного давления на них», в «актив» НКВД их привело вполне понятное желание облегчить существование себе и своим близким. Но был и другой путь выживания и сохранения себя — через сохранение своих традиций и культуры. Его проявления в разных формах и в разной степени можно найти у всех этнических «контингентов» оказавшихся в Западной Сибири. Одним из наиболее ярких примеров может служить поведение в этой ситуации спецпереселенцев-калмыков.

Для калмыков, депортированных в Западную Сибирь в конце 1943 – 1944 гг., были непривычными климатические условия, работа, пища, обычаи местного населения и т. д. Выделялись два основных направления, по которым развивалась адаптация калмыков: с одной стороны, принятие местных обычаев, образа жизни, изменение имен и пр., с другой — попытка сохранить свою культуру. Калмыки находились в политической, религиозной и этнокультурной изоляции. В ситуации ограниченных, а порой и отсутствующих внутриэтнических контактов, это привело к тому, что функция трансляции традиций целиком перешла к семье.

Исполнение калмыками обрядов в качестве этнических символов стало выражением солидарности в условиях недостатка гражданских прав. В районах нового расселения сформировался инвариант обрядов, связанных с жизненным циклом. Прежде всего это относится к родильному ритуалу, традиционно менее значимому, чем другие. Однако в условиях иноэтнического окружения ритуальное оформление первых дней и месяцев жизни ребенка приобрело большое значение. Сходное развитие получили циклы свадебных и погребально-поминальных обрядов (последние превратились для калмыков, по мнению Э-Б.М. Гучиновой, в «минимум этничности»)[12] Сохранение традиций во многом зависело от

уровня национального самосознания и изменений в шкале этнических ценностей. В период депортации, когда многие пути этнокультурного развития были закрыты, обряды жизненного цикла аккумулировали в себе значительную часть народных традиций, сохраняя их до лучших времен, и после создания благоприятных условий ритуалы жизненного цикла заняли свое традиционное место в культурной жизни калмыцкого народа.

Тем не менее далеко не все поддается быстрому восстановлению. Одним из следствий депортации калмыков стала утрата ими части традиционной культуры, ее субэтнических элементов и фольклора. Более того, возникает феномен, который исследователи зачастую определяют как «языковая трагедия» — за годы пребывания в ссылке молодое поколение, выросшее на сибирской земле, фактически забыло родной язык, сходная ситуация в разной степени характерна и для других этнических «контингентов», подвергшихся депортации[13]

Отдельного внимания в контексте сохранения на спецпоселении культурных традиций заслуживает литературное творчество депортированных. Самыми распространенными темами являются описание высылки, ужасных условий жизни, тоска по оставшимся друзьям и родственникам и надежда на возвращение в родные места. Отрывки художественных произведений, в основном поэтических, обнаруживаются в прекращенных архивно-следственных делах. Одно из таких дел, хранящихся в Отделе спецдокументации Управления архивного дела администрации Алтайского Края, целиком посвящено деятельности нелегального литературного кружка, издававшего рукописный журнал «Тоска о Родине»[14]

В воспоминаниях М. Желковского упоминаются еще два аспекта поведения этнических групп спецпереселенцев в Сибири. Во-первых, некоторые депортированные поляки и немцы называли себя «белорусами», «украинцами» или «русскими», предполагая, что это изменит отношение к ним властей. Во-вторых, отдельные депортанты скрывали свое происхождение и, «если это было возможно, выдавали себя за бедных крестьян, арендаторов, ремесленников». М. Желковский назвал этот феномен «социальной мимикрией»[15]

Характерной чертой жизни бывших польских граждан в период с осени 1941 по 25 апреля 1943 г. было обращение за помощью к делегатам «польских комитетов», представители которых выплачивали пособия особо нуждающимся семьям, организовывали медицинскую помощь, как правило силами самих спецпереселенцев, среди которых были профессиональные врачи, и т. п. Несмотря на то, что помощь зачастую была незначительной, это давало полякам иллюзию защищенности и не позволяло забыть о национальной принадлежности[16]

В условиях спецпоселения наиболее характерными были поведенческие стратегии, направленные на улучшение своего положения самостоятельно, или совместно с другими людьми. Это предполагало, помимо прочего, принятие местных обычаев, новых отношений и «правил игры». Поэтому достаточно распространены случаи, когда спецпереселенцы на новых местах жительства выполняли и перевыполняли производственные планы, проявляли лояльные настроения по отношению к СССР и его политике, участвовали в различных мероприятиях (сбор теплых вещей для Красной армии) и т. п. Так, до начала Великой Отечественной войны докладные записки о настроениях спецпереселенцев фиксировали улучшение трудовой дисциплины, появление стахановцев и ударников, уменьшение числа побегов, увеличение количества «добровольно вернувшихся» и т. п. В период войны количество «отрицательных явлений», реальных и вымышленных, резко возросло. Тем не менее многие спецпереселенцы по-прежнему выполняли и перевыполняли плановые производственные задания, не проявляя враждебности к местным властям и государственной политике в целом. «Новые» «контингенты» работали несколько хуже «старого», состоявшего в основном из бывших «кулаков», но в целом «удовлетворительно». Исключение составляли бывшие представители городского квалифицированного населения (юристы, финработники, фотографы, режиссеры и пр.), требовавшие работы по специальности и переселения из сельской местности в города и районные центры Сибири.

Для первых лет пребывания в ссылке характерен процесс скоротечной маргинализации спецпереселенцев. В значительной степени этому способствовала жилищная неустроенность. Спецпереселенцы первоначально расселялись либо в домах местных жите-

лей («в порядке уплотнения»), либо в пустующих зданиях и помещениях неприспособленных для жилья. Особенно это касается первых этнических «контингентов» в Западной Сибири — спецпереселенцев из западных областей Украины и Белоруссии, а также ссыльнопоселенцев из Литвы, Латвии, Эстонии и т. д. Жилую площадь, занимаемую ссыльнопоселенцами в домах «правового» населения, им приходилось оплачивать самим деньгами и вещами, либо трудом по хозяйству «сдающих квартиру». Если средства заканчивались, ссыльный мог оказаться на улице. Со временем ссыльнопоселенцев перевели из школ, клубов и контор в более пригодные для жилья, по мнению органов НКВД, бараки, но последние не всегда подходили для жизни людей в зимнее время.

Выше отмечалось, что спецпереселенцам приходилось приспосабливаться и к иному питанию. Особенно сложно, и это отмечается в ряде источников, данный процесс проходил у калмыцкого «контингента» большую часть рациона которого традиционно составляли мясные и молочные продукты. Тяжело приходилось и представителям других этнических групп, попавших в Западную Сибирь в начале войны: так, основными продуктами рациона ссыльных в первые годы войны были хлеб (который выдавали работающим 500 г, иждивенцам — 300 г, причем норма иногда уменьшалась), картофель, отходы рыбопереработки и т. п. И воспоминания спецпереселенцев, и нормативные документы фиксируют случаи употребления в пищу павших животных. В условиях депортации этические представления людей претерпевали определенные изменения. Так, кражи (соседского или колхозного скота, досок, продуктов и т. п.) становились обычным делом, иногда необходимым для выживания семьи и, в сущности, переставали быть общественно-порицаемым поступком.

Адаптация к экстремальным условиям существования этнических групп на спецпоселении не была скоротечной и для выживших продолжалась в среднем пять лет, причем рождаемость в этот период превышала смертность.

Примечания

[1] **Соснин В.А.** Культура и межгрупповые процессы: этноцетризм, конфликты и тенденции национальной идентификации // Психологич. журнал. 1997. № 1. С. 55.

[2] **Белковец Л.П.** Спецпоселение немцев в Западной Сибири (1941 – 1955) // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ / Ред.-составитель И.Л. Щербакова. М., 1999. С. 158 – 180.

[3] **Белковец Л.П.** Указ. соч. С. 162.

[4] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1с. Д. 176. Л. 23 – 24.

[5] Там же. Д. 164. Л. 161.

[6] ГАНО. Ф. П. 4. Оп. 5. Д. 87. Л. 6.

[7] ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1с. Д. 106. Л. 223.

[8] Там же. Д. 133. Л. 252.

[9] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33 а. Д. 238. Л. 45.

[10] Там же. Л. 32 – 33.

[11] Там же. Оп. 5. Д. 87. Л. 60 – 64.

[12] **Гучинова Э.–Б.М.** Калмыки: ритуальное поведение в годы ссылки // Репрессированные народы: история и современность. Тез. докл. и сообщ. Российской науч.-практич. конф. Элиста, 1992. С. 66 – 67.

[13] См., напр.: **Сельвина Р.Л.** Языковая трагедия как следствие депортации калмыков // Репрессированные народы: история и современность. С. 77 – 80; ИЦ ГУВД по Новосибирской обл. Д. 15101, 17471, 8012 и др.

[14] ГААК. Отдел спецдокументации. Ф. Р-2. Д. 19707.

[15] **Желковский М.** Как мы выживали // Депортация польских граждан в Западную Сибирь 1939 – 1951 гг. Новосибирск, 2000. С. 5 – 6.

[16] ГААК. Отдел спецдокументации. Ф. Р-2. Д. 19325. Т. 1 – 2.

В.А. Гашенко
(Институт истории СО РАН)

ОТНОШЕНИЕ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И НАСЕЛЕНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ К ДЕПОРТИРОВАННЫМ ПОЛЯКАМ И НЕМЦАМ (1940 – 1945 гг.)

Западная Сибирь занимала заметное место в реализации сталинских планов по депортации «неблагонадежных» народов[1] В результате осуществленных в 1940 – 1941 гг. депортаций с территорий бывшего польского государства в Новосибирской обл. накануне Великой Отечественной войны оказалось 19 680 этнических поляков и польских граждан других национальностей[2] Уже в первый месяц войны из республик Прибалтики в Новосибирскую обл. было переселено 12 815 прибалтийских немцев[3], а 1 октября 1944 г. в 18 районах области проживало 6 069 семей калмыков общей численностью 16 720 чел.[4]

Переселенные в 1940 – 1941гг. поляки делились на несколько категорий: «осадники» — польские колонисты, в основном участники советско-польской войны 1920 г.; «беженцы», прибывавшие в западные области Украины и Белоруссии с оккупированных немцами территорий; «административно-высланные» и «ссыльнопоселенцы»[5] Отношение органов власти к представителям этих категорий было различным. «Осадники», воспринимавшиеся как «враги», расселялись в спецпоселках, зачастую практически не пригодных для жизни. Об этом свидетельствует докладная записка заведующего облздравотделом Астафьева, адресованная председателю Новосибирского исполнительного комитета Годовицину, начальнику управления НКВД по НСО Кудрявцеву и облпрокурору Захарову, в которой описываются условия проживания спецпереселенцев, прибывших в систему Томасинлага в июле 1940 г. (лагерь «Сосновка», ок. 5 тыс. чел.). Последних расселили в 19 бараков для заключенных. Лишь девять из них были капитально оборудованы, остальные десять представляли собой бараки «облегченного типа», лишенные подсобных помещений, окон и даже нар — люди в них располагались прямо на деревянном полу. Перенаселенность бараков переходила все границы: часть

спецпереселенцев из-за отсутствия мест жила под открытым небом, в наспех построенных шалашах, «натянув одеяла, платки для защиты от дождя»[6]

Получаемая из артезианских скважин вода из-за нехватки кипятильников часто не подвергалась кипячению. Баня не обладала достаточной пропускной способностью, а в момент приезда комиссии вообще находилась на ремонте. Работа столовой отмечалась как «относительно удовлетворительная», хотя не было овощей, свежего мяса, молочных продуктов и т. п. Все вышеописанное приводило к частым вспышкам эпидемических заболеваний, в т. ч. 4 сентября 1940 г. (в день приезда комиссии) только в «Сосновке» было зафиксировано девять случаев брюшного тифа. В результате проверки комиссия пришла к выводу о необходимости принятия комплекса немедленных мер — рассредоточения спецпереселенцев, строительства дополнительного жилья и т. д.[7]

Подобные ситуации были частым явлением, хотя с ними пытались бороться как местные органы власти, посылавшие комиссии для проверки спецпоселков и ходатайствовавшие о выделении специальных фондов для поддержки вновь прибывших лиц предметами первой необходимости, теплой одеждой, продуктами питания, лесом для строительства жилья и т. п., так и отдельные люди — медработники, колхозники, прибывшие сюда ранее спецпереселенцы («бывшие кулаки»)[8]

Положение «беженцев» было более благополучным. Хотя эта категория депортированных также расселялась в спецпоселках, условия их жизни и снабжение в ряде случаев выгодно отличались от предоставленных «осадникам». Частично «беженцы» были устроены на работу в совхозы, промартели, сельхозартели и на предприятия местной промышленности, получая жилье и предметы первой необходимости за счет предприятий, к которым прикреплялись. В этом случае на спецпереселенцев распространялось общее трудовое законодательство. Тем не менее необходимо отметить, что «беженцы», в отличие от «осадников», были в основном горожанами, непривычными к сельскохозяйственным работам, а иногда к физическому труду вообще. Они требовали работу по специальности, более приемлемые условия, перевод в области с более теплым климатом и т. п. Поэтому можно предположить некоторое изменение отношения к данным категориям хотя бы на

уровне производственной администрации, представители которой регулярно отмечали неумение, неспособность и нежелание «беженцев» работать, в отличие от тех же «осадников», которые быстро привыкали к новым условиям, могли выполнять и даже перевыполнять план. Но, несмотря на то, что «беженцы» зарабатывали в среднем в два раза меньше «осадников», их существование облегчалось получением дотаций, посылок от родственников и обменом на продукты ценных вещей, привезенных с собой[9]

Спецпереселенцы–«беженцы», депортированные в конце июня – начале июля 1940 г., отличались от беженцев с территорий Польского государства, прибывавших с конца 1939 г. и направлявшихся, согласно постановлениям ЦК ВКП(б) и СНК СССР, в совхозы НКСХ СССР и НКСХ РСФСР. Здесь речь идет скорее о добровольном переселении, которому придавалось «большое политическое значение», как пишет заместитель народного комиссара зерновых и животноводческих совхозов СССР Волченко секретарю Новосибирского обкома ВКП(б), которому предлагалось как можно лучше встретить и разместить беженцев в совхозах, создать им «хорошие бытовые и производственные условия». К этому документу прилагался приказ № 2166/с от 10 декабря 1939 г., в котором ответственным за проведение «работы по вербовке рабочей силы для совхозов» из числа беженцев с территории бывшей Польши возлагалось на заместителя Наркома совхозов СССР И.П. Панкова. Директорам и начальникам политотделов совхозов, куда прибывали завербованные беженцы, предписывалось разъяснить работникам совхозов политическое значение принятия беженцев, организовать встречу рабочих-беженцев, обеспечить им хорошие жизненные условия, снабдить мебелью, постельными принадлежностями, топливом и освещением, «организовать бесперебойное качественное питание, предоставить возможность приобрести необходимые товары в совхозной и сельской кооперации и выдать аванс в счет заработной платы, немедленно по прибытии предоставить работу»[10]

В Новосибирскую обл. попало ок. 250 семей таких беженцев. Их положение серьезно отличалось от положения всех групп депортированных и спецпереселенцев, в т. ч. спецпереселенцев–«беженцев». Среди особенностей — добровольный приезд на работу в совхозы (на основе вербовки), расселение в «коренных»

совхозах среди местного населения, подчеркнуто дружеское отношение властей и т. п. Особое отношение к этой группе и старания, направленные на «политическое просвещение» переселенцев, можно объяснить целями пропаганды. Таким образом нет оснований причислять беженцев конца 1939 г. к «спецпереселенцам»[11]

Однако вернемся к двум основным категориям польских граждан, оказавшихся в Новосибирской обл. не по собственному желанию. При всех имевшихся национальных, конфессиональных, социальных и других различиях, у «беженцев» и «осадников» было много общего — их труд использовался преимущественно в лесной и горнорудной промышленности и в сельском хозяйстве (есть также данные о направлении 1 200 поляков в начале войны «на внезаводские работы при эвакуированных заводах»). И те, и другие в результате долгого пути к местам расселения приезжали тяжелобольными, «ограниченно трудоспособными», а то и просто инвалидами. В справке о проверке трудоиспользования и жилищно-бытовых условий спецпереселенцев по хозорганизации треста «Новосиблес» и Новосибирской конторе «Химлес-сырье» в Сузунском р-не отмечается большое количество людей, подлежащих определению в дома инвалидов, но оставшихся в поселках из-за отсутствия транспорта и существовавших за счет посылок, денежных переводов и пособий от комендатур. Фиксировались целые семьи нетрудоспособных лиц, не имевших средств к существованию. Часть наиболее нуждающихся в уходе спецпереселенцев была направлена в Шегарский дом инвалидов[12]

Можно предположить, что отношение местного населения к полякам в Сибири в значительной степени определялось не только категорией, к которой принадлежали спецпереселенцы и как того требовали пропагандистские установки, но и личными симпатиями и антипатиями сибиряков. Отмечались случаи как неприязненного и даже враждебного отношения к вновь прибывшим, когда все они представлялись «врагами», которых нужно было снабжать «всем самым худшим и... в последнюю очередь» и с которыми отказывались стоять рядом, так и сочувственного, выражавшегося в тесном общении с депортированными, предоставлении им продуктов, помощи и т. д.[13]

В целом условия жизни и быта депортированных польских граждан немногим отличались от условий существования других

категорий спецпереселенцев. Хотя внутренние различия между «осадниками», «беженцами» и другими несомненно существовали, они не были столь серьезны. Если рассматривать всех высланных польских граждан как единую категорию, то оснований для выделения их как отдельного вида будет еще меньше. В «Действующих положениях по трудпоселенцам» от 26 мая 1940 г. среди групп населения, «подлежавших зачислению в "трудпоселенцы"», значатся «выселенные в порядке очистки государственных границ (Запада и Украины)». Следовательно, можно говорить о стремлении местных властей к унификации различных «спецконтингентов», национальная же принадлежность той или иной группы затрагивалась и рассматривалась чаще всего в связи с характеристикой «политико-морального состояния» последней, предусматривая, что для всех пребывание в Сибири — «всерьез и надолго»[14]

Отношение сибирских властей и самих сибиряков к депортированным в 1941 – 1942 гг. немцам имело свою специфику в сравнении с другими категориями «спецконтингента». Местное управление Западной (представители райкомов, горкомов ВКП(б), колхозов и совхозов, общественных и государственных учреждений и т. д.) расценивало пребывание высланных немцев на спецпоселении как акт политического недоверия к ним государства. Но, учитывая численное преобладание депортированных в регион немцев по сравнению с представителями других народов[15], а также высокий уровень их образования, их помимо тяжелых физических работ (на шахтах и лесоповалах, стройках и т. д.) использовали на должностях, требующих высококвалифицированного труда (например, на военных заводах и предприятиях «важнейшего значения»)[16] Отношение «простого народа» к проживающим и работающим рядом лицам немецкой национальности часто зависело от отношения к ним местной администрации. Это можно объяснить целенаправленным проведением «сверху» антинемецких кампаний, начавшихся еще накануне (по мере ухудшения советско-германских отношений) и продолженных непосредственно в годы войны. Поэтому в документах органов НКВД встречаются факты как позитивного, так и негативного отношения сибиряков к депортированным немцам (хотя негативное отношение явно преобладает).

Так, в «Справке о настроениях немцев Поволжья, эвакуированных в Крапивинский район Новосибирской области», составленной 6 февраля 1942 г. в секторе кадров советских органов Обкома ВКП(б) на основе присланных сюда справок из районных отделов УНКВД по Новосибирской обл., сообщается: «по Указу Верховного Совета СССР в Крапивинский район эвакуировано немцев Поволжья 2 300 человек — 400 семей, в том числе 300 взрослых мужчин, из них в январе 1942 года призвали в Красную Армию 108 человек».

В связи с призывом немцев в РККА настроения последних характеризовались в документе следующим образом (курсивом выделены задававшиеся им вопросы): «Товарищ Дрязгин, председатель Банновского сельсовета, сообщил, что после районного партсобрания 28.01.42 г. с немцами-коммунистами Крапивинского района выяснено их отношение к следующим вопросам: *Кто, где и как работает?* Выяснено, что все коммунисты работают, один из них конюхом в колхозе и колхоз его работой доволен. Ряд из присутствующих на беседе работают в аппаратах районного центра. *Как устроены в бытовом и материальном отношении?* Некоторые до сих пор не обеспечены скотом, нет таких продуктов, как овощей и картофеля, плохо дело с семенами для огородов. *Как работают эвакуированные немцы?* Во всех случаях немцы работают хорошо, манкирования нет. *Какие отношения эвакуированных с местными жителями?* Там, где немцы работают хорошо, местные колхозники относятся хорошо и они не знают случаев недоразумений между немцами и местным населением. *Какие имеются настроения среди немцев, в связи с изменившейся обстановкой на фронте?* Немцы довольны успехами РККА, которые открывают у них надежду на то, что как будет враг разбит, они будут иметь возможность вернуться обратно к себе домой в Поволжье и жить также хорошо, как жили. *Как немцы относятся к призыву в армию?* Немцы идут в РККА охотно, но вызывает особенную тревогу призыв у тех уходящих в армию, у которых остаются большие семьи»[17]

Начальник райотдела УНКВД Личагин в своей справке отмечает и случаи недовольства немцев призывом. Так, когда 21 января 1942 г. Крапивинским РВК была дана телефонограмма сельсоветам о призыве немцев в армию, то некоторая часть немцев при-

няла это извещение без большого подъема. Работающий в Уньгинском совхозе К. Цимерман говорил: «Ну, пришло время, нас стали призывать и отправлять на верную гибель, теперь нам своей семьи не видать и домой мы не вернемся. Наши дети здесь вместе с женами с голоду погибнут, а мы там погибнем, и у кого же будет желание идти в армию, когда созданы такие условия жизни?» Работавший счетоводом в домоуправлении райисполкома А. Мерц пытался симулировать, заявляя, что он для службы в РККА по состоянию здоровья признан негодным, но во время переезда в Сибирь документы утерял. Когда после такого заявления Мерц был осмотрен комиссией, то оказался совершенно здоровым. Майер, работавший в колхозе им. Парижской Коммуны, в беседе с окружающими говорил: «Это не было и быть не может, хотя наши и говорят, что занимают города, но они занимают города те, которые немецкими войсками не занимались. И я уверен в том, что победа в этой войне будет на стороне Германии»[18]

Приведем характерные примеры отношения властных структур к нахождению немцев на ответственных постах. В «Справке об отношении к немцам в Доволенском районе» от 30 июня 1942 г., составленной заведующим сектором кадров советских органов обкома ВКП(б) Беловым, сообщается следующее: «Заведующим общей канцелярией райисполкома работает немец. Почти постоянно остается заместителем ответственного секретаря райисполкома, а в период компании (посевной), когда руководящие работники райисполкома выезжают в район, остается один и руководит районом.

В селе Довольное (райцентр) в колхозе "Красная роща" из 34 народившихся телят на 20.03.42 г., пало 24, или 70,6 %. Исключительно низкий надой молока. Кто же работал на МТФ? Немцы доярки, немцы поярки, немец учетчик и частично русские, в том числе колхозница, у которой органами НКВД репрессирован муж и сын.

В Доволенском молмясосовхозе, в столовой, весь обслуживающий персонал — немцы, продавцами в ларьках рабкоопа — немцы.

На подобного рода явления руководителям района: Сташеву — секретарю РК ВКП(б), Тимошникову — председателю исполкома, — предложено, чтобы они немедленно приняли меры к устра-

нению подобных безобразий»[19] Как следует из документа, в условиях военного времени представители местной администрации недостаткам в работе на тех или иных участках «экономического фронта» зачастую придавали национальную окраску.

Вот как оценивается местными чиновниками трудовая деятельность немцев в Кочковском р-не Новосибирской обл.: «В ряде колхозов... на работу в качестве учетчиков полеводческих бригад и тракторных отрядов поставлены немцы. Этим же немцам предоставлено право получать в колхозных пекарнях хлеб и выдавать колхозникам и трактористам в бригадах.

Пользуясь слишком большим доверием, немцы по своему усмотрению выдавали хлеб, в результате чего в ряде колхозов района на весенне-полевых работах было допущено преступное разбазаривание хлеба, например: в колхозе им. Калинина Черновского сельсовета, колхозе "Большевик" Красносибирского сельсовета немцами выдавался хлеб колхозникам от 1 до 2 килограммов без учета выполнения норм выработки на пахоте и бороновании.

...В Каргатском совхозе молтреста бывший директор Вишневский и бывший начальник политотдела Шатерников, вследствие притупления бдительности, допустили к работе кладовщиками двух высланных немцев, которым передоверили полностью хранение семенного овса. В результате сгнило 2 000 центнеров овса. Директор и начальник политотдела с работы сняты, конкретные виновники привлечены к судебной ответственности.

...В Легостаевском районе старшим ветврачом РайЗО работала Мейер. Накануне вступления в сев ею проведена лошадям противосапная прививка.

В результате неправильного проведения прививки в колхозах Усть-Чемского куста около 60 лошадей из-за сильных опухолей не могли быть использованы на полевых работах в течение 10 – 20 дней.

После этого факта Мейер была смещена с работы старшего ветврача, но поставлена на работу зав. ветамбулаторией.

В г. Томске на должность директора школы № 3 допущен Гоффнер. Через 2 месяца Вокзальный райком ВКП(б) был вынужден отстранить Гоффнера от работы, так как педколлектив школы был дезорганизован и учебно-воспитательная работа развалена»[20].

Говоря о «засорении» руководящих кадров на некоторых участках работы в Новосибирской области «враждебными элементами», члены бюро Новосибирского обкома ВКП(б) на своих заседаниях призывали бороться с кадрами из числа немцев, гнать их с занимаемых должностей[21] О фактах «негативного влияния» учащихся из числа немцев на своих «однокашников» говорится в спецсообщении начальника УНКВД по Новосибирской обл. секретарю Новосибирского обкома ВКП(б) от 29 сентября 1941 г. Согласно этому документу, в сентябре 1941 г. в Гурьевском ремесленном училище был организован хулиганский дебош на почве плохого снабжения продуктами учащихся данного учебного заведения. Органами НКВД арестованы как организаторы дебоша «...вновь прибывшие из западных областей ученики Крумель, Фишель... и другие, все в возрасте 14 – 16 лет...»[22] Эти же лица подозревались в причастности к распространению во дворе ремесленного училища листовок профашистского содержания, призывавших к торжеству гитлеризма во всем мире и клеймящих позором сталинский коммунизм[23]

По мнению партийных работников, курирующих правоохранительные органы, местные сотрудники системы НКВД не всегда достаточно строго относились к немцам, подозреваемым в совершении каких-либо преступлений. Согласно «Справке о состоянии дел в Суминском совхозе Чулымского района», составленной инструктором совхозного отдела обкома ВКП(б) Морозовым 2 ноября 1944 г., работники Чулымского райотделения НКВД и НКГБ не вели «настоящей борьбы с ворами и расхитителями государственного хлеба в совхозе». Это выражалось в том, что оперуполномоченный НКВД Челноков, находясь в совхозе на ферме № 3, присутствовал при поимке воров с хлебом, но при этом не только не принимал в происходящем должного участия, но даже не обыскал немку Вайс, работавшую сторожем на току на ферме № 3 полевой бригады[24]

Даже после заключения под стражу, немцы как «неблагонадежные элементы» продолжали оставаться предметом повышенного внимания соответствующих органов. В качестве примера можно привести материалы уголовного дела с квалификацией «антисоветская агитация», заведенного на уже отбывающих в лагере наказание немок Даниэль Берту Робертовну (1896 г. р.) и

Петтер Маргариту Генриховну (1906 г. р.) Из материалов дела следует, что эти немки, отбывая наказание в местах заключения, в течение 1941 – 1942 гг. постоянно проводили среди заключенных антисоветскую агитацию. Примечательно, что Б. Даниэль и М. Петтер являлись членами компартии Германии и в СССР прибыли как политические эмигранты, ненавидящие фашизм[25]

Таким образом, оценивая результаты адаптации поляков и немцев к новым для них условиям жизни в Западной Сибири накануне и в годы Великой Отечественной войны, можно сказать, что представители этих народов среди сибиряков занимали положение если не «социально опасных», то по крайней мере «политически неблагонадежных элементов». Такое отношение к депортированным народам насаждалось «сверху» и находило поддержку у большинства местного населения.

Примечания

[1] **Котек Ж., Ригуло П.** Век лагерей. Лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. Пер. с франц. М., 2003. С. 102.

[2] **Сарнова В.В.** Польские граждане — вынужденные и добровольные переселенцы в Новосибирской области (1939 – 1941 гг.) // Архивная служба Сибири на рубеже XX – XXI вв. Новосибирск, 2000. С. 97.

[3] ГАНО.Ф. П-1020. Оп. 1. Д. 516. Л. 45.

[4] Там же. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 710. Л. 52.

[5] **Сарнова В.В.** Указ. соч. С. 97.

[6] Там же.

[7] Там же. С. 98.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] Там же. С. 99.

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] Например, согласно «Справке о количестве народов, проживающих в Новосибирской области по состоянию на 1 декабря 1942 года», составленной Управлением НКВД по НСО в адрес новосибирского обкома ВКП(б), в Новосибирске, Сталинске, Кемерово, Том-

ске, Прокопьевске, Анжеро-Судженске и Ленинске проживало 4 811 немцев, 1 211 поляков, 547 эстонцев, 167 латышей, 160 литовцев, 140 греков, 117 финнов, 83 австрийца, 63 болгарина, 41 венгр, 38 мадьяр, 27 румын, 14 итальянцев, 9 югославов, 8 французов, 5 корейцев, 3 китайца, по два карела, серба и англичанина, по одному швейцарцу, шотландцу, шведу и латгальцу. — ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 149. Л. 155.

[16] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 149. Л. 154 – 155.

[17] Там же. Оп. 6. Д. 129. Л. 11 – 15.

[18] Там же.

[19] Там же. Л. 110.

[20] Там же. Л. 111 – 113.

[21] Там же. Оп. 33. Д. 560. Л. 20 – 22.

[22] Там же. Оп. 5. Д. 559. Л. 397.

[23] Там же. Л. 400.

[24] Там же. Оп. 33. Д. 796. Л. 22.

[25] Там же. Ф. П-1027. Оп. 1. Д. 222. Л. 3.

В.А. Ильиных, И.Б. Карпунина, А.П. Мелентьева
(Институт истории СО РАН)

БАЗОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ в 1960 – 1980-е годы

С начала российской аграрной колонизации Западной Сибири поселившиеся в регионе крестьяне были вынуждены приспосабливаться не только к новой для них природно-климатической обстановке, но и к изменяющимся социальным реалиям. Временем перманентных и радикальных трансформаций социально-экономических условий жизни жителей сибирской деревни были годы существования советской власти. «Военный коммунизм», нэп, коллективизация, «упрочение» колхозного строя, аграрные преобразования в постсталинскую эпоху представляли собой поочередные вызовы сельскому социуму со стороны правящего режима. Однако на каждый вызов властей следовал адаптационный ответ крестьянства, который в максимально возможной степени

амортизировал удар режима и ставил его перед фактом очередного провала избранной аграрной политики и необходимости ее изменения.

Интенсивная адаптации сельского населения Западной Сибири к изменяющимся социально-экономическим реалиям продолжалась и в 1960-е – 1980-е гг. Наряду с аграрной политикой государства важным фактором изменений в жизнедеятельности жителей деревни в этот период стали существенно ускорившиеся процессы урбанизации советского общества.

Побудительным мотивом всех предпринимаемых государством в указанный период преобразований аграрной сферы являлся низкий и несоответствующий стоящим перед страной внешне- и внутриполитическим задачам уровень развития сельского хозяйства. Полупустые полки продовольственных магазинов, дефицит многих продуктов, очереди за ними порождали социальную напряженность в обществе и дезавуировали усилия коммунистических пропагандистов по доказательству преимуществ социализма перед капитализмом. Чтобы исправить ситуацию, необходимо было существенно ускорить темпы роста сельскохозяйственного производства. По мнению основывающихся на марксистской теории руководителей советского государства, сделать это можно было, прежде всего, идя по пути превращения аграрного труда в разновидность индустриального. Отсюда ставка на дальнейшую механизацию сельского хозяйства и соответствующее наращивание капитальных вложений. Немаловажное значение в аграрной политике отводилось и всевозможным организационным преобразованиям, основным направлением которых была централизация и концентрация производства. Продолжался процесс преобразования колхозов в совхозы. В свою очередь оставшиеся колхозы фактически были превращены в государственные сельхозпредприятия и отличались от совхозов только по формально-правовым признакам. Происходило укрупнение внутрихозяйственных производственных структур.

Существенное влияние на выбор вектора аграрной политики оказывала и доктринальная установка на ликвидацию различий между городом и деревней, преодолеть которые предполагалось за счет улучшения материального благосостояния сельских жителей, увеличения уровня оплаты их труда, повышения образова-

тельного уровня, развития социальной инфраструктуры деревни и сети сельских учреждений культуры.

Комплекс проводимых властями мероприятий должен был стать действенным стимулом интенсификации сельского хозяйства и увеличения производительности аграрного труда. Однако все более широкое привлечение финансовых и материальных ресурсов в производственную и социальную сферу села к планируемым позитивным результатам не привело. Некоторое, но далеко не достаточное увеличение темпов среднегодового прироста сельскохозяйственной продукции во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. сменилось их нарастающим замедлением. А в начале 1980-х гг. в регионе произошло снижение объемов производства. Предпринятые во второй половине 1980-х гг. попытки внедрения в сельское хозяйство коллективного подряда и хозяйственного расчета кардинально ситуацию не изменили. Сельское хозяйство по-прежнему отличалось низкой производительностью труда, высокой капиталоемкостью, нестабильностью урожайности и продуктивности животных. Более того, в условиях нарастающего дефицита продовольственных товаров в городах региона фактически была введена карточная система снабжения. Основной причиной провала аграрной политики советского государства стало не отвечающее ожиданиям правящего режима трудовое и демографическое поведение жителей деревни.

Главным сдерживающим фактором роста производства являлась низкая трудовая отдача работников сельскохозяйственных предприятий, большинство из которых работало «спустя рукава», отличалось слабой исполнительской и технологической дисциплиной, нерационально расходовало сырье, материалы, энергию. Широкое распространение в исследуемый период получили негативные формы трудового поведения: прогулы и опоздания на работу, мелкие хищения кормов, запчастей, стройматериалов, готовой продукции, использование работниками общественной техники в личных целях и т. п. Потери рабочего времени на ряде сельскохозяйственных предприятий по различным причинам достигали 30 – 50 % рабочего дня. Большая часть прогулов совершалась на почве пьянства. С пьянством были связаны многие случаи травматизма, дорожно-транспортных происшествий, пожаров животноводческих ферм и других хозяйственных построек, многие

из которых вели к значительному материальному ущербу и даже к человеческим жертвам. Помимо прогулов значительные объемы потерь рабочего времени составляли целодневные простои, неявки с разрешения администрации.

В большинстве колхозов и совхозов имели место хищения общественной собственности (кормов, запчастей, стройматериалов, готовой продукции), использование работниками общественной техники в личных целях — для себя или для оказания услуг частным лицам. Согласно обследованию, проведенному в 1982 г. сотрудниками Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, 74 % опрошенных констатировали наличие хищений в своих коллективах. При этом выяснилось, что работники склонны оправдывать их, называя в качестве главных причин плохое снабжение продуктами, кормами для личного подсобного хозяйства (ЛПХ) (на это указали 72 % опрошенных), отсутствие серьезного учета и контроля (24 %), «так делают все, в том числе и руководители» (15 %)[1] Одним из видов хищений было разукомплектование механизаторами и шоферами простаивающей техники с целью обеспечения своих транспортных средств недостающими запасными частями. Согласно вышеуказанному опросу, 41 % механизаторов доставали запчасти, снимая их с чужих машин, а 27 % — приобретали запчасти в обмен на спиртное[2] «Пример» отклоняющегося поведения рядовым рабочим зачастую показывали руководители хозяйств и специалисты, допускающие несправедливость в распределении материальных благ, разного рода нарушения трудовой дисциплины, приписки, использование служебного положения в личных целях и т. п.

Слабая технологическая дисциплина стала одной из причин невысокой продуктивности сибирских полей: низка была культура земледелия, нарушались оптимальные сроки проведения полевых работ, медленно осваивались севообороты, допускались большие потери при уборке урожая. Недостаточно использовались техника, удобрения, мелиорирование земель. Не отвечало требованиям качество ремонта сельхозмашин. Бесхозяйственность, низкий уровень трудовой, исполнительской и технологической дисциплины особенно отрицательно сказывались на состоянии дел в животноводстве. Корма заготавливались в недостаточном количестве и невысокого качества, что вело к низкой продук-

тивности животных. Значительных размеров достигал падеж животных, особенно молодняка.

Подобные формы поведения, не все из которых воспринимались как негативные самими селянами, представляли собой вполне адекватную адаптационную реакцию работников на сложившиеся производственные отношения. Колхозники и рабочие совхозов, трудившиеся в громоздких и трудноуправляемых подразделениях, не были связаны с конечным результатом ни организационно, ни материально. При этом деньги они получали за выход на работу, а не за ее итоги.

Негативное влияние на развитие аграрного производства оказывала повышенная миграция сельского населения, которая также являлась одной из основных форм его адаптационного поведения. Миграционная подвижность вызывалась комплексом социально-экономических, социокультурных и психологических причин. Увеличивался разрыв между уровнем социального и культурного развития деревни и постоянно возрастающими запросами сельчан, все более и более ориентирующихся на городские стандарты. По мере роста образования и квалификации работников обострялись противоречия между желанием реализовать себя на интересной работе и ограниченностью выбора профессий и сфер занятости на селе. Массовое переселение сельских жителей в города, побуждаемое желанием уйти от тяжелой и «грязной» работы, а зачастую от примитивизма и убогости быта, приводили как к сокращению численности населения деревни, так и к появлению огромной массы маргиналов — людей, потерявших связь с малой родиной, со своей традиционной культурой.

Дополнительным катализатором миграционных процессов послужила политика «совершенствования» системы сельского расселения, рассматриваемая в качестве одного из основных средств решения проблем социального развития деревни. Ее реализация заключалась в концентрации населения на центральных усадьбах сельхозпредприятий за счет переселения в них жителей так называемых неперспективных деревень. Особенно масштабный характер наступление на малые села приобрело в Западной Сибири. С 1959 по 1979 г. численность сельских населенных пунктов в регионе, в которых проживало до 200 чел., сократилась почти в три раза, а в целом количество деревень уменьшилось на 52 %, тогда

как по РСФСР — на 40 %[3] Ликвидация «неперспективных» деревень существенно отразилась на жизнедеятельности многих сельчан, вынужденных сниматься с обжитых и привычных для них мест и переселяться в другие, приспосабливаться к новой социальной среде, осваивать новые виды деятельности, зачастую не связанные с аграрной сферой. При этом против ожиданий властей две трети вынужденных переселенцев мигрировали не в указанные для них «перспективные» села, а в районные центры, города, другие области и регионы страны.

В целом за весь исследуемый период на долю миграций пришлось 60 % от общего сокращения численности населения. Миграция оказывала негативное влияние не только на численность сельского населения, но и на его социально-демографическую структуру. Среди мигрантов преобладали лица трудоспособных возрастов, мужчины, молодежь, представители наиболее «дефицитных» сельских профессий: специалисты сельского хозяйства, механизаторы, врачи, учителя. Миграционные процессы приводили к снижению заселенности региона, к поляризации системы сельского расселения. Сельское население концентрировалось в пригородной зоне и сокращалось в большинстве районов «сельской периферии». Значительный отток населения тормозил экономическое и социальное развитие села, вызывая сокращение трудовых ресурсов. На рубеже 1970-х – 1980-х гг. текучесть кадров на сельхозпредприятиях региона достигала 14–20% в год. Наряду с работниками, которые уходили из хозяйств из-за плохих условий и организации труда, немало было и т. н. летунов, искавших места, где работать можно было поменьше, а зарабатывать побольше.

Существенные изменения в 1960-е – 1980-е гг. претерпели семейные отношения внутри сельского социума. Основные особенности и общую направленность адаптационных процессов в данной сфере определяла не столько политика государства, сколько тенденции к урбанизации советского общества. Сельская семья все более и более следовала городским эталонам демографического поведения. Вследствие снижения рождаемости, усиливающегося процесса нуклеаризации и действия других факторов средние размеры сельской семьи в регионе за три десятилетия сократилась с 3,9 до 3,3 чел. и фактически сравнялась по размеру с городской

(3,2 чел.). Существенно увеличилась доля двучленных семей (с 23 до 35 %), что явилось одним из последствий демографического старения сельского населения и миграции младших поколений в города. Эти же структурные факторы вызывали и повышение удельного веса семей без детей — таковых в селах региона к концу 1980-х гг. было ок. 42 %[4] В итоге за короткое историческое время произошло разрушение традиционной крестьянской семьи со свойственной ей многопоколенностью и многодетностью, боковыми родственными ветвями. Ее заменила малодетная семья нуклеарного типа.

Воспринимая городские нормы демографического поведения, сельская семья теряла свою патриархальность и авторитарность. Видоизменились ролевые функции членов семьи. Повысилась экономическая активность женщин, которые зачастую были более образованными, чем мужья. Многие из них стали равноправными партнерами с мужчинами по обеспечению семьи материальными средствами. Ослабли семейно-брачные связи. Увеличилось число разводов. За 1959 – 1989 гг. коэффициент разводимости (на 1 тыс. чел.) возрос в селах Западной Сибири с 0,3 до 2,3. Все большее распространение получали неформальные брачные союзы, повторные браки, внебрачные рождения[5]

К концу 1980-х гг. западносибирская деревня фактически растеряла свой прежний демографический потенциал. Наряду с сокращением рождаемости (за 1960 – 1989 гг. ее коэффициент изменился с 30,5 до 16,8 %), повысились показатели смертности (с 7,5 до 10,8 %) и как следствие существенно снизился естественный прирост (с 23,0 до 6,0 %). Сельское население стало не только малочисленным, сократившись более чем на четверть и снизив свой удельный вес с 49 до 27 %, оно постарело (в 1989 г. около 15 % сельчан имели возраст 60 лет и старше, в 1959 г. — только 8,5 %), в нем увеличилась повозрастная диспропорция полов. На селе выросла доля одиноких людей (с 3,1 до 5,4 %), особенно среди женщин и пожилых[6] Это вызывалось совокупностью негативно действующих социально-демографических факторов: миграцией молодежи, более быстрым, чем в городе, старением населения, деформацией половозрастной структуры, высоким уровнем смертности мужчин, разводимости, делением семей, малодетностью многих из них.

В исследуемый период трансформировались функции приусадебного хозяйства сельских жителей. Постоянно растущая оплата труда на сельхозпредприятиях снижала роль приусадебного хозяйства в удовлетворении потребительских нужд семьи, и оно в итоге превратилось в подсобное даже для членов колхозов, которым дозволялось иметь больший земельный участок и содержать больше скота. В 1953 г. за счет ЛПХ формировалось 43 % совокупных доходов семей колхозников Западной Сибири (за счет колхоза — 40 %), в 1958 г. — 33 (56), в 1975 г. — 21 (69), в 1985 г. — 18 % (72 %)[7]

Убывание значимости личных хозяйств для селян повлекло сокращение их количества и размеров. Помимо роста зарплаты этому способствовали и иные факторы: увеличение уровня занятости в государственном секторе экономики; снижение удельного веса жителей деревни, непосредственно занятых аграрным трудом; старение сельского населения; выход на социальную авансцену поколений с иными, чем традиционные крестьянские, ценностями и навыками. Тем не менее, даже в 1980-е гг. ЛПХ продолжали играть важную роль в пополнении продовольственных фондов страны и самоснабжении населения. В 1988 г. в личном секторе производилось более четверти валовой продукции (в т. ч. картофеля — 59 %, овощей — 31, мяса — 28, яиц — 26 %)[8] За счет ЛПХ удовлетворялась большая часть потребностей сельских семей в указанных продуктах. Однако столь высокие количественные показатели в значительной степени обеспечивалась за счет тесной интеграции личных хозяйств с колхозно-совхозным производством. Значительная часть ресурсов для ведения ЛПХ черпалась их владельцами в сельскохозяйственных предприятиях (обработка приусадебных участков, покупка и хищение кормов и т. п.).

Итогом проводимых государством в 1960-е – 1980-е гг. аграрных преобразований, урбанизационных процессов, а также адаптации к ним жителей деревни стало формирование принципиально нового демографического и социального облика сельского населения региона. Бывшие крестьяне превратились (вне зависимости от места работы — в колхозе или совхозе) в наемных сельскохозяйственных рабочих. При этом, потеряв базовые экономические и социокультурные черты крестьянства, селяне далеко не в полной мере приобрели институциональные черты рабочего клас-

са. Напротив происходила маргинализация и люмпенизация работников сельскохозяйственных предприятий, нормой жизни многих из них становилось социальное иждивенчество.

Адаптационные формы поведения сельского населения в сфере экономических и трудовых отношений, которые являлись одним из основных факторов эволюции и трансформации российского социализма, в конечном итоге привели его к самоликвидации. Однако сложившийся за эти десятилетия тип сельского жителя оказался слабо адаптируемым к принципиально новым социально-экономическим реалиям, возникшим в результате революционных преобразований общественного строя России в начале 1990-х гг.

Примечания

[1] Социально-экономическое развитие сибирского села. Новосибирск, 1987. С. 247.

[2] Там же. С. 249.

[3] Там же. С. 371.

[4] **Карпунина И.Б**. Семейная структура сельского населения Сибири в 1960 – 1980-х годах: проблемы изучения // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 138, 143, 148.

[5] **Демина А.И., Коптева Н.В., Попова А.И.** Статистика населения. Барнаул, 1992. С. 33; **Михеева А.Р.** Немодальные формы брака в Сибири: влияние на рождаемость // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII – XX вв. Новосибирск, 1996. С. 76 – 80.

[6] Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. С. 35, 49, 81, 85, 87; Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х – 1980-е годы. Новосибирск, 2001. С. 46.

[7] Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960 – 1980-е гг. Новосибирск, 1991. С. 243, 250.

[8] Там же. С. 185.

Е.А. Тюгашев
(Институт философии и права СО РАН)

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЮГРЕ

Югорская земля традиционно является регионом интенсивных миграций. Низкая продуктивность жизнеобеспечивающих отраслей хозяйства и его неустойчивость необходимо формировали полукочевой образ жизни, постоянные подвижки населения коренного и пришлого населения. Обские угры в некотором смысле тоже являются пришлым населением. Из-за климатических изменений и причин экономического характера происходили подвижки обских угров по оси Юг–Север. А.В. Головнев пишет даже о «триумфальном шествии» обских угров по землям самоедов[1] Позднее продолжалось переселение хантов в направлении на Север и Восток. Шли миграции с Иртыша на Конду, Нижнюю и Среднюю Обь, вверх по Средней Оби и на Вах, с Северной Сосьвы и Ляпина на Обь и Казым, с Оби на притоки, с Казыма на Назым, Лямин, Пим и Среднюю Обь, с Демьянки на Юган, с Иртыша на Салым, Аган, Пим и Юган.

Сезонная трудовая миграция является для местного населения предпосылкой выживания. У охотников и рыболовов для каждого сезона были определенные места поселений и типы жилищ. Как правило, семья жила весь сезон на одном месте, а затем переезжала на очередное сезонное поселение. Таким образом, ханты вели полуоседлый образ жизни, но оленеводы перекочевывали чаще. Обские угры двигались за рыбой, нефтяники позднее — за буровой.

В 1970 г. на территории округа проживало всего 279,8 тыс. чел., а в настоящее время ок. 1,5 млн чел. (с учетом нелегальных мигрантов), т. е. численность населения выросла более чем в пять раз. С начала промышленной добычи (1964 г.) численность населения округа увеличилась в 7,5 раз, постоянно растет даже в последние годы, что объясняется сравнительно высокой заработной платой. Среднемесячная заработная плата в целом по округу в 2001 г. достигла 12,6 тыс. руб., что составляет 5,4 прожиточного минимума, тогда как в 2000 г. она составляла 3,2 прожиточных

минимума, а в 1999 г. — 2,3 минимума. На сегодняшний день покупательная способность жителей округа является третьей по всей стране. По объему инвестиций в основной капитал округ занимает второе место после Москвы. За последние три года инвестиционный рейтинг округа поднялся с 45-го на третье место среди других субъектов Российской Федерации.

Согласно переписи 1989 г., в округе постоянно проживают представители более 120 национальностей, среди них 850 тыс. русских, 149 тыс. украинцев, 98 тыс. татар, 31 тыс. башкир, 27 тыс. белорусов, 14 тыс. чувашей, 13 тыс. азербайджанцев. Ханты и манси составляют всего 1,5 % населения округа. Славянская группа составляет 80 % населения, ее численность с 1970 г. увеличилась в 4,6 раза. Тюркская группа выросла в 7,9 раза: в 1970 г. она составляла 7 % населения, в 1989 г. — 12 %. Численность чувашей выросла в три раза, татар — в семь раз, башкир — в 20 раз, кумыков — в 80 раз, азербайджанцев — в 94 раза. Быстро растет кавказская группа населения: количество чеченцев увеличилось в 41 раз, лезгин — в 70 раз. Количество национальностей, входящих в финно-угорскую группу, увеличилось в 1,6 раза.

Высокая заработная плата и интенсивное строительство до сих пор привлекает в округ сезонную рабочую силу. Так, в первом полугодии 2001 г. на территории округа работало 18 016 иностранных граждан, две трети из них составляют граждане Украины. Этноконфессиональную активность организованные трудовые мигранты не проявляют. Общая численность нелегальных мигрантов в округе составляет примерно 150 тыс. чел.

Нелегальная миграция серьезно осложняет работу администрации округа и органов местного самоуправления по жизнеобеспечению населению в условиях северного завоза. Органы внутренних дел округа регулярно депортируют лиц, не имеющих регистрации. Так, с начала 2002 г. из Сургута было депортировано 2,5 тыс. граждан, преимущественно узбекских цыган. По многим причинам особое беспокойство вызывают нелегальные мигранты из республик Кавказа и Средней Азии. В ряде городов до 70 % школьников начальных классов — это дети мигрантов (узбеки, таджики, чеченцы), не владеющие русским языком, в силу чего необходимо создавать коррекционные классы для изучения русского языка. На совете по межнациональным вопросам губерна-

тор округа А.В. Филипенко отметил, что дети мигрантов подвержены крайним формам нетерпимости и конфликта, не знают и не желают изучать русский язык. Особенно остро эта проблема ощущается в Ханты-Мансийске и Нижневартовске[2]

Вместе с тем положительное отношение населения к вынужденным переселенцам устойчиво растет с уменьшением размеров поселения. Местное население активно использует мигрантов из Средней Азии в качестве поденных работников на садовых участках и огородах. Зачастую мигранты там же занимаются хищением имущества, что вызывает протесты жителей.

В современной Югре преступность имеет определенную этническую окраску. Доля преступлений, совершенных в 2001 г. русскими, азербайджанцами, чеченцами, молдаванами, таджиками, армянами, узбеками, ингушами, значительно превышает долю этих этносов в составе населения округа. В структуре преступлений, совершенных чеченцами, таджиками, ингушами, грузинами, киргизами, большую часть занимают преступления против общественной безопасности и общественного порядка (главным образом, изготовление, хранение и сбыт наркотиков). Любопытно, что в 2001 г. не раскрывались преступления с участием чувашей, ханты, манси, мордвы, марийцев, удмуртов, коми, евреев, поляков и др. Вклад в преступность украинцев, белорусов, немцев ниже, чем их доля в составе населения, а татар и башкир — примерно соответствует их доле в составе населения.

В округе эпизодически стали происходить межэтнические столкновения. В 2000 г. в п. Ульт-Ягун отмечалось выступление русскоязычного населения против дагестанцев, в п. Новофедоровский — выступление татар против азербайджанцев. Нередки столкновения чеченцев и азербайджанцев. В ряде городов округа появилось скин-движение. «Скины» — в основном молодежь в возрасте от 15 до 20 лет — избивали кавказцев, таджиков, наркоманов. После ряда происшествий армянская и азербайджанская общины обратились к властям с открытым письмом, призывая защитить их от беспредела. Чеченцев и корейцев скинхеды опасаются[3]

Влиятельность и степень защищенности мигрантов во многом определяются уровнем самоорганизации, которая выражается в создании национально-культурных объединений. В конце 1980-х –

начале 1990-х гг. начала бурно развиваться культурная жизнь различных национальных диаспор в Ханты-Мансийском автономном округе. Первым национально-культурным объединением стала образованная в 1989 г. ассоциация коренных малочисленных народов Севера «Спасение Югры». В том же году зарегистрирована первая казачья община в Нижневартовске. В 1998 г. в округе насчитывалось 17 национально-культурных объединений и три региональных автономии (немецкая, украинская, татарская). В 2002 г. в округе было зарегистрировано более 50 национально-культурных объединений. Региональные автономии создали также молдаване, дагестанцы, башкиры, чечено-ингуши. Таким образом, за пять лет общее число национально-культурных объединений утроилось, а количество региональных автономий удвоилось.

Специалисты-нефтяники прибывали в округ из Татарии, Башкирии, Азербайджана, Чечено-Ингушетии, Западной Украины. «Поскольку освоение ресурсов округа велось путем делегирования регионами СССР своих производственных структур, — пишет В.И. Назаров, — на территории округа сформировались места локального проживания этнических общностей, стремящихся воспроизвести в общественном устройстве нормы своей этнической самоорганизации»[4] Выходцы из этих регионов сформировали в округе сильные национальные диаспоры.

Национально-культурные автономии проявляют большой интерес к связям с исторической родиной, к использованию официальных возможностей в целях урегулирования текущих проблем. Во время официальных визитов в Ханты-Мансийский автономный округ президентов Украины, Белоруссии, Болгарии, правительственной делегации Татарстана в культурную про-грамму пребывания входили встречи с представителями диаспор. На этих встречах активистам национально-культурных объе-динений вручались государственные награды титульных республик.

Вместе с тем повсеместно констатируется факт слабой взаимосвязи национально-культурных объединений многих диаспор с исторической Родиной. Национальные республики предпочитают контакты с диаспорами дальнего зарубежья, обладающими более значительными финансовыми ресурсами. Показательным является отношение Украины к соотечественникам в России. «Если образ западной диаспоры имеет устоявшиеся очертания (ее предста-

витель материально обеспечен, прекрасно поет украинские песни, нежно любит историческую родину и мечтает что-нибудь ей подарить), то молодая "восточная диаспора" — украинцы России, Молдовы, Казахстана, для которых превращение Украины в заграницу оказалось "снегом на голову", — явление во многом непонятное, — пишет Т. Клюева, предваряя интервью с председателем Объединения украинцев России (ОУР) и Федеральной национально-культурной автономии «Украинцы России» А.А. Руденко-Десняком. — Почему эти люди не хотят довольствоваться названием "граждане России" (Молдовы, Казахстана)? Может быть, они добиваются каких-то дополнительных благ, особых прав? Может быть, это наша "пятая колонна" в новоявленном зарубежье? А если наоборот — заложники? Вряд ли они могут что-нибудь нам подарить, уж не хотят ли, чтобы подарили мы?»[5]

По мнению А. Магасумова, официальный Татарстан создал своеобразный барьер отторжения активности татарских диаспор. Он считает, что руководство республики вспоминает о малых диаспорах татар только при политических проблемах раз в пять лет, когда надо их использовать как политический козырь и ширму[6] Соответственно, интерес к национальным меньшинствам Ханты-Мансийского автономного округа со стороны национальных республик проявляется при необходимости использовать их потенциал для заключения договоров о долгосрочном сотрудничестве в различных областях.

На поддержку соотечественников рассчитывали прибывшие в феврале 2002 г. в округ с президентом Украины Л. Кучмой представители деловых и правительственных кругов. «Губернатор Ханты-Мансийского автономного округа носит фамилию Филипенко, немало украинцев и в руководстве крупнейших нефте- и газодобывающих компаний, способных обеспечить для начала хотя бы краткосрочные контракты», — пишет О. Клюева[7] Во время визита было подписано соглашение между округом и Украиной о сотрудничестве в социально-культурной сфере. После этого были заключены договоры национально-культурной автономии украинцев с отдельными министерствами и ведомствами Украины. Правда, наблюдатели утверждают, что Л. Кучма стремился подготовить своих соотечественников к парламентским

выборам на Украине[8] Так, на прошлых выборах президента Украины в Сургуте открывали отдельный избирательный участок[9]

Во время визита в Сургут в январе 2002 г. правительственной делегация Республики Татарстан выражалась готовность поставлять в округ трубы с внутренним и наружным изоляционным покрытием, полиэтиленовые трубы, автомобильные шины, модульные дома для нефтяников и газовиков, специальную обувь и одежду для рабочих этих профессий, продукцию бытовой химии, автомобили, лекарственные препараты и изделия. «Татнефть» предложила поставить в регион уникальное оборудование для повышения нефтеотдачи, капитального ремонта и возвращения к жизни скважин. Был решен вопрос о создании на базе завода «Нижнекамскнефтехим» и ОАО «Сургутнефтегаз» совместного предприятия. Достигнута принципиальная договоренность об открытии в Сургуте постоянного представительства Республики Татарстан. Примечательно, что в работе делегации активно участвовал председатель исполкома национально-культурной автономии татар Ханты-Мансийского округа Ф. Гатауллин, который одновременно является торгово-экономическим представителем Татарстана в округе.

Во время визита официальной делегации Республики Болгарии в Ханты-Мансийский автономный округ и встреч с представителями диаспор родилась идея открытия консульства Болгарии в Ханты-Мансийске. Когда губернатор округа А.В. Филипенко принимал от первого секретаря посольства Болгарии С. Петрова официальную ноту болгарского Министерства иностранных дел об открытии консульства, отмечалось, что болгарская диаспора в округе — одна из самых многочисленных в России. В округе налажены тесные связи с болгарскими туристическими фирмами по организации детского летнего отдыха. До сих пор в России действовало единственное консульство Болгарии в Санкт-Петербурге.

В рассмотренных случаях национальная республика использует в своих интересах уже сложившуюся диаспору и ее национально-культурную автономию, опирается на нее. Та же ситуация складывается в настоящее время и вокруг чеченской и азербайджанской диаспор. Так, выступая на учредительном собрании национально-культурной автономии азербайджанцев Тюменской обл., председатель собрания А. Джафаров подчеркнул, что объе-

динение должно оказывать содействие в укреплении экономических связей между Россией и Азербайджаном. По его словам, основные проблемы, которые должны решать члены автономии, — это регистрация и трудоустройство выходцев из Азербайджана, сохранение и развитие национального языка, культуры и обычаев народа[10]

Ситуация с национально-культурной автономией башкир выглядит иначе. Консолидация башкирского этноса в округе произошла во многом благодаря поддержке национальной республики. Так, в 1997 г. было заключено Соглашение о сотрудничестве в гуманитарной сфере между Республикой Башкортостан и Ханты-Мансийским автономным округом. В ходе выполнения этого соглашения были проведены учредительные курултаи (собрания) башкир в городах и поселках округа, создана региональная автономия башкир. В 1997 г. в Сургуте состоялся первый курултай башкирской общественности автономного округа, на котором присутствовали руководители администрации округа, Сургута, правительственная делегация республики Башкортостан и члены исполкома Всемирного Курултая башкир.

В начале 1990-х гг., когда вслед за молодежью в округ стали приезжать родители, родственники, земляки, образовались не только устойчивые общины и землячества, но актуализировались и религиозные потребности, отмечает Я.С. Черняк[11] В этих условиях сформировалась потребность в проведении традиционных праздников. Основная сфера деятельности национально-культурных объединений Югры — проведение культурных мероприятий.

Стоит также отметить, что консолидация украинской диаспоры, особенно западно-украинского происхождения, осуществляется с участием религии. В округе действует религиозная группа Украинской Греко-Католической церкви, которая инициировала отделение общины украинцев-униатов от православной украинской общины. Религиозный фактор оказался значимым в деятельности национально-культурной автономии татар. Организация в округе татарских национальных объединений, как правило, сопровождается строительством мечетей и открытием на их базе воскресных татарских школ. Руководство ДУМАЧР использует национальный фактор для разделения мусульманской части насе-

ления округа. Как сообщает Я.С. Черняк, руководство ДУМАЧР, с одной стороны, настраивает сибирских татар против имамов – выходцев из Татарстана и Башкортостана, а, с другой стороны, стремится опереться на представителей северокавказских диаспор и, мотивируя тем, что кавказцы не понимают молитв на арабском языке, предлагают ставить имамов из их среды.

Стихийный процесс размежевания этноконфессиональных общностей и их организаций принимает пространственные формы. Так, в Сургуте постоянными прихожанами мечети являются в основном таджики, а имам — татарин, который ведет служение на арабском и татарском языках. Чеченцы, неудовлетворенные имамом, для исполнения обрядов пригласили старика, знающего арабский язык, и проводят служение в отдельном помещении на территории мечети.

Большую роль в процессах этноконфессиональной адаптации играют присущие некоторым диаспорам национальные традиции самоорганизации. Национальные меньшинства армян имеют тысячелетнюю традицию организации национальных общин в эмиграции. Кавказские народы до сих пор сохраняют традицию мужских союзов и мужских домов. Зарегистрированные в Ханты-Мансийском автономном округе национально-культурные организации азербайджанцев (семь обществ) и вайнахов (семь обществ) отчасти выступают правовым оформлением указанной традиции. Часть функций мужских домов традиционно выполняют мечети.

Замысел национально-культурной автономии предусматривал организацию самоуправления национальных меньшинств в условиях современного правового демократического государства. Таким образом, национально-культурные автономии являются организационно-правовой формой, которая наполняется различным социальным содержанием: от родоплеменной организации до публично-правовой корпорации. Сложная генетическая и многоуровневая структура объединений национальных меньшинств институционально выражается в формировании комплекса организаций. Как правило, национальное меньшинство параллельно с национально-культурной автономией регистрирует как отдельные общественные организации национально-культурный центр и местное отделение общероссийской национальной организации. Так,

после регистрации в Тюмени азербайджанской автономии была поставлена задача создания областного отделения общероссийской общественной организации «Всероссийский азербайджанский конгресс». Персональный состав этих общественных организаций идентичен, но они выполняют различные социальные функции.

Адаптация мигрантов различной этнической принадлежности к ландшафту региона формирует тенденцию к унификации облика местного населения. Для характеристики этой тенденции показательны следующие факты. По данным А.Н. и Т.А. Чистикиных, обследовавших отпечатки кистей рук 763 жителей Тюменской обл., Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, устоявшаяся группа пришлого населения ряда регионов Западной Сибири сформирована не только в результате процессов индивидуальной адаптации каждого ее члена, но и избирательного накопления лиц с определенной дерматоглифической конституцией, близкой к имеющейся у коренных жителей[12] Установлены закономерные изменения морфологии тела, физиологических и психических функций у детей школьного возраста Тюмени и Кагалыма. По сравнению с детьми, проживающими на «Большой земле», значительно больше число медлительных детей и детей-амбидекстров. Среди учащихся 5–8 классов в сравнении с детьми средней полосы России чаще встречаются девочки с большим весом и мальчики с меньшим весом. Большее напряжение отмечается в системах, обеспечивающих кислородный режим ребенка[13]

Таким образом геоклиматические особенности ландшафта оказывают влияние на пришлое население и его потомков. Необходимость адаптации и естественный отбор объективно формируют тенденцию приближения облика жителей округа к облику коренных его жителей, наиболее адаптированных к окружающей среде.

Примечания

[1] **Головнев А.В.** Говорящие культуры. Екатеринбург, 1995. С. 102.

[2] **Пухова Н.** В ХМАО появилась проблема обучения русскому языку // http://www.uralpolit.ru/news/?article_id=4750.

[3] Сургутские скинхеды снимают триллеры // Сургут, 2002. 23 апр.

[4] **Назаров В.И.** Условия и средства расширенного общественного воспроизводства в Ханты-Мансийском автономном округе // Социокультурная динамика Ханты-Мансийского автономного округа сегодня и в перспективе XXI века: Федеральный и региональный аспекты. Сб. докл. Всерос. науч.-практ. конф. Сургут, 1999. С. 28.

[5] **Клюева О.** Наши на Арбате: Интервью с А.А. Руденко-Десняком // День. М., 1999. 24 июля.

[6] **Магасумов А.** Оценка сайтов татарской тематики // http://tatary1.narod.ru/tematik.htm.

[7] **Клюева О.** Сибиряки-украинцы или украинская Сибирь? // http://podrobno.com.ua/power/2002/02/17/16087.html.

[8] **Левчун Е.** Сибирские «гастроли» случайного президента: Письмо из диаспоры // http://grani.kiev.ua/2002/texts/7/Diaspora26L_ru.html

[9] **Яновский С**. Таежная «шабашка» // Киевские ведомости. 2001. 22 авг.

[10] Сибирские азербайджанцы создали национальную культурную автономию // Тюменская линия. 2001. 26 дек.

[11] **Черняк Я.С.** Этносы и конфессии в социокультурном пространстве северного города. М., 1999. С. 82.

[12] **Чистикин А.Н., Чистикина Т.А.** Групповая изменчивость кожных узоров у пришлого населения Севера Тюменской области // Социокультурная динамика Ханты-Мансийского автономного округа сегодня и в перспективе XXI века: Федеральный и региональный аспекты. Сб. тез. Всерос. науч.-практ. конф. Сургут, 1998. Ч. III. С. 118.

[13] **Соловьев В.С.**, и др. Система оценки, мониторинга и коррекции здоровья детей северного города // Там же. С. 87.

И.В. Удалова
(Институт философии и права СО РАН)

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЦЕННОСТИ В АДАПТАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ (НА ПРИМЕРЕ НАРОДОВ ЮГРЫ)

Анализ историко-культурологических источников и данные социологических исследований, проводимых нами с 1991 г. в национально-смешанных поселениях Ханты-Мансийского автономного округа (под рук. В.В. Мархинина) показал, что православие, его ценности, являясь основой евразийского сознания населения Сибири, служат гармонизирующим фактором, стабилизирующим межэтнические отношения и благоприятно воздействующим на адаптационные процессы народов Севера.

В современный период проблема адаптации к изменяющемуся миру приобретает особую окраску. Если ранее адаптация к модернизации, т. е. приспособление индивида (социальной группы, этноса) к техногенным, урбанизированным (а позднее — западным) ценностям однозначно оценивалась как исключительно положительное явление, а «неадаптированность» как нечто отсталое (а потому ущербное), то в последнее время сама теория модернизации подвергается все большей критике ввиду ее односторонности и одномерности[1]

Для малочисленных, традиционных этносов адаптация к современным преобразованиям носит противоречивый характер, и ее последствия должны рассматриваться прежде всего с позиций исторической перспективы (через прошлое к настоящему в будущее) исходя из идеи предназначения этноса. В противном случае адаптация таит в себе угрозу возможной утраты национальной самобытности. «В последние три десятилетия принцип сохранения национальной и цивилизационной самобытности общества в ходе модернизации окончательно закрепился в научной теории, — писал Б. Ерасов, — В литературе, посвященной модернизации, все в большей степени признавалась системная жизнеспособность "традиционных" обществ разного уровня, создающих свои особые механизмы стабильности и самосохранения»[2]

На заре «перестройки» общество жаждало обновления, интуитивно чувствуя, что истоки этого обновления должны исходить из культурного наследия российской цивилизации и ее народов. Да и, в принципе, возможны ли какие либо социально-экономические преобразования, движение в будущее, если цели этих преобразований не согласуются с «вечными» ценностями, существующими в этнических культурах? Сохранится ли целостная этническая общность на путях преобразований, если эти пути не будут освящены идеалами «вечной» жизни народа? У большинства народов Севера преобладало мнение, что их будущее благополучие и национальное возрождение напрямую связано с благополучием и национальным возрождением русского народа.

Каковы же направленность и пути выхода из создавшегося кризиса? К чему стоит и к чему не стоит адаптироваться в критические периоды истории? Обычно, говоря об адаптации традиционных обществ, имеют в виду адаптацию этих обществ к современной цивилизации западного образца. Однако процесс взаимодействия традиционных и техногенных цивилизаций не сводится к полной капитуляции самобытности перед техногенным натиском.

Формы социокультурной регуляции (а адаптация является одной из них) могут иметь в разных обществах свою специфику, поскольку «каждая из культур (цивилизаций) как Востока, так и Запада имеет свой особый генотип в собственном смысле этого слова и внутреннюю (при прочих равных условиях) логику развития», — пишет Ф.Х. Кессиди. По его мнению, «говорить о возможности создания некой "крупномасштабной общности на базе определенной социокультурной парадигмы" по меньшей мере опрометчиво. Речь может идти лишь о взаимодействии (созидательном или разрушительном) культур, но не об их взаимопроникновении, т. е. тенденции к интеграции, во всяком случае, когда речь идет о культурах Востока и Запада». Причины невозможности в обозримом будущем гомогенизации культур Запада и Востока, их интеграции и унификации автор связывает с феноменом функциональной асимметрией мозга и особенностями этнических культур, рассмотренных в статье В.С. Ротенберга и В.В. Аршавского «Межполушарная асимметрия мозга и проблема интеграции культур»[3] То есть специфика межполушарной асимметрии мозга

определяет в сущности идентичность этнических культур[4] Как отмечал иракский исследователь Аль-Джанаби, «диалог западной и восточной культур не столько немыслим, сколько реально неосуществим в силу коренной разнородности цивилизационных начал»[5]

Однако в силу евразийской сущности русского менталитета (в основе которого, вероятно, лежит изначально заданная на генетическом уровне предрасположенность быть носителем как западной, так и восточной культур) межэтнические отношения народов, населяющих Сибирь, исторически складывались на основе взаимопонимания как российско-евразийские по своему духу. А потому навязываемые в последнее десятилетие вестернские модели модернизации одинаково встречают сопротивление как большинства русских, так и представителей северных этносов.

Традиционная этническая культура, являясь механизмом самосохранения и адаптации этноса к постоянно изменяющемуся миру, представляет собой процесс осмысленного отбора, воспроизводства и трансляции из настоящего в будущее наиболее значимых ценностей этноса, средств и способов этого отбора, его сохранения и передачи. Религия, будучи составной частью культуры, его духовной основой, не только оказывает главное воздействие на все стороны жизнедеятельности этноса, но также опосредовано влияет на характер адаптационных процессов этноса.

Какова миссия православной религии в жизни государства Российского и народов, его населяющих? Каким образом повлияло распространение православия на жизнедеятельность северных этносов? Какое отношение к православной религии народов Севера сегодня?

Чтобы ответить на эти вопросы, поначалу обратимся к историческим и культурологическим исследованиям. Они показывают, что роль православия в истории государства Российского трудно переоценить. За тысячелетие крещения Руси православие становится основой духовности и культуры русского народа, основой евразийского этнического единства всего населения России, его государственнообразующим началом, оказав существенное влияние на все народы (независимо от их вероисповедания), населяющие Россию.

В своем историческом развитии Россия стала многонациональным государством. Естественно, могут возникнуть вопросы: почему Россия столь многонациональна? Почему за свой многовековой путь она сохранила, не ассимилировала другие живущие в ней народы, как это произошло в Германии? Почему до 1990-х гг. все народы России жили в братстве и межнациональные браки (которые являются самым лучшим свидетельством добрых отношений между народами) встречались часто?

Несомненно, Россия как и каждый человек (и тем более этнос) уникальна и обладает особыми, только ей присущими, от Бога данными свойствами. Или, говоря другими словами, имеет свое предназначение в этом мире. В чем же состоит историческая миссия России? По мнению ряда русских философов, например А.С. Хомякова, России суждено в этом мире, мире своекорыстия и эгоизма, насилия и зла, являть высокие жертвы, великие дела, отстаивать племен святое братство, умиротворять народы, поддерживать правду на земле, стоять на страже свободы, объединять всех в небесном начале любви.

Основой этого единства, его залогом на многие века стали главные национальные черты русского характера: смирение, терпение, незлобие, милосердие, набожность осознание своей греховности, чувство ответственности за ближнего, являющиеся христианскими добродетелями, складывались под влиянием Православия. А милосердие — эта главная черта национального характера русских — стала, по мнению В. Непомнящего, причиной всех бед и величия русского народа. Именно благодаря таким качествам русского народа стало возможным сохранение на планете более сотни уникальных культур всех народов (больших по численности и малых), объединившихся в единое Русское государство. Благодаря христианству стало возможным просвещение народов России, развитие письменности и культуры, что отразилось на всем характере их жизнедеятельности.

Чувство единения, соборности, в основе которого было милосердие и самопожертвование русского народа во имя других, стало неотрывным свойством русской жизни. Рассматривая проблему русского национального самосознания, А.В. Назаренко отмечает, что «путь имперской нации в истории неизбежно путь крестный, путь жертвенного самоотречения, отречения от обычного

национального бытия "как у всех"»[6] И далее он делает вывод, что если жертвенное национальное самосознание русского народа истребится, России не быть[7]

Последствия русского самопожертвования двояки. С одной стороны, оно способствовало развитию и процветанию других народов Союза, а с другой — порождало чувство иждивенчества, а порой и чванства.

Можно ли было ожидать еще 15–20 лет назад, когда Россия была на подъеме и субсидировала рост и процветание большинства бывших союзных республик, взращивала кадры национальной интеллигенции, развивала промышленность национальных окраин (зачастую в ущерб интересам русского народа), что окрепшие нации и народности Союза обвинят русский народ во всех своих бедах и неустроенности? «Нарастание сепаратистских настроений и действий в 1970 – 1980-х гг. было связано, — как справедливо отмечает С.И. Григорьев, — не с ослаблением жизненных сил народов союзных республик, но с их ростом, опирающимся на создание современного хозяйства, науки, культуры, национальной интеллигенции. Эти настроения оказались сильнее понимания того, что Россия дотировала бюджеты большинства республик, помогая кадрами, ресурсами, щадящей налоговой политикой»[8]

Курс на узаконенное неравноправие и унижение русского народа был заложен еще в первые годы советской власти. Играя на чувстве личной ответственности за всех обездоленных и гонимых, за братьев своих, чувстве любви и милосердия, так свойственном русским людям, «русский народ объявлялся В.И. Лениным чуть ли не основным субъектом истории, ответственным за то неравноправие наций, которое существовало в Российской империи... Из этой фальшивой идеи коллективной ответственности русского народа за национальное неравенство в России и выводилось прежде всего требование о необходимости целой системы уступок со стороны русских и создания преимуществ для нерусских за счет первых»[9]

Как мы уже говорили, история государства Российского — это история совместного проживания в дружбе и взаимопонимании населяющих ее народов. И главная заслуга в этом принадлежит Православной церкви. Христианизация коренных народов Югры началась с походов Ермака. С открытием в 1620 г. Тобольской

епархии сибирским владыкам «было дано категорическое указание не обращать иноверцев в православие "жестокостью и насилием" Глава церковной организации на вновь присоединенных территориях получал совершенно исключительное право — право печалования за всех иноверцев, отнюдь не только за тех, которые крестятся, а вообще за всех, по всем делам, кроме дел о государственной измене»[10]

Для распространения православия на Югорской земле строились храмы (постоянные и передвижные). На языки народов Севера переводились молитвы и отрывки из Св. Писания. По распоряжению Священного Синода с 1843 г. Кондинский монастырь был обращен в миссионерский. Настоятель миссии и ее члены помимо обращения некрещеных инородцев к вере должны были прививать им основы христианской нравственности и через ласковое обращение с ними привлекать к общебытности с русскими, возбуждать в них приверженность к церкви. Но самой действенной мерой к утверждению христианства считалось распространение среди них русской грамотности. В Кондинском монастыре действовала школа для остяцких и самоедских детей, где их обучали чтению и письму по-русски. В 1848 г. в различных школах, училищах и монастырях Тобольской губ. обучалось 84 инородца, и, как отмечалось, успехи их были очень хорошие. Некоторые из учащихся в Кондинском монастыре в 1848 г. были рукоположены в стихари[11]

Церковь также осуществляла и благотворительную деятельность. «В 1894 г. был основан миссионерский пансион, или интернат, где дети аборигенов содержались за счет миссии... За четыре года до этого при миссии по инициативе ее настоятеля Иринарха был основан инородческий приют для малолетних сирот... Отношение коренных жителей к идее христианского просвещения со временем менялась в благоприятном направлении. Деятельность миссионеров по приобщению инородцев к русской культуре вообще и к христианской религии, в частности, давала ощутимые результаты. Несколько учеников продолжили обучение в Тобольской семинарии, где было открыто специальное инородческое отделение (в Знаменском монастыре). В 1892 г. там учились 7 хантов и один ненец»[12]

Христианизация северных этносов происходила постепенно в процессе совместного проживания на одной территории с русскими старожилами и их совместной жизнедеятельности. Успешность христианизации во многом определялась еще и тем, что непосредственно среди русского населения народное православие сохраняло многие языческие черты, что делало его более понятным и близким аборигенам, чем каноническое богословие, которое проповедовали миссионеры.

Однако надо иметь в виду, что «фактически, чтобы всерьез принять (на протяжении жизни одного–двух поколений) другую религию, должен рухнуть весь традиционный уклад, народ должен отказаться от себя и раствориться в других этносах»[13] Чужая идея может быть воспринята лишь частично, преобразуясь в соответствии с ценностными основаниями своей культуры. На основе этого взаимодействия в результате миссионерской деятельности в Югорском крае сложилось двоеверие.

Однако отдельные положения, так или иначе связанные с христианством, закрепились. «Живущие рядом с русскими ханты включают в свой пантеон Св. Николая Чудотворца и Христа (как одного из семи сыновей Торума)... Включение же чужих богов в свой пантеон основывалось на признании, что чем сильнее народ, тем сильнее его бог»[14] При этом перевес, по мнению самих миссионеров, безусловно, сохранялся за традиционными верованиями. Об этом в середине XIX в. финский этнограф Август Алквист писал: «Религиозные воззрения вогула — шаманизм, в котором столь многие народы Северной Азии находят удовлетворение своим духовным запросам. И все-таки он крещен, получил христианское имя и внесен в церковные книги; он венчается у священника, крестит у него детей, и если умирает кто-то из семьи, гроб отпевает священник, если таковой имеется в данной местности. Когда он один–два раза в год посещает по другим делам деревню, где есть священник, то идет в церковь, зажигает восковую свечу перед изображением святых и крестится несколько раз перед ними. Во всем остальном и внутренне он все еще предан вере своих отцов... Однако же в случае, если аборигена настигает нужда и его собственные боги призываются напрасно, то он обращается к русскому богу, обычно к Святому Николаю, дает ему обет

быть его слугой, если он спасет его от грозящей опасности. Подобные обеты в большинстве случаев выполняются»[15]

Живя в тесном общении со своей паствой, миссионеры лучше видели реальные возможности христианизации аборигенов. В лице православных священников народы Севера имели своих искренних заступников[16]. Поэтому не случайно, что у народов Севера сложилось весьма доброжелательное отношение к православию, сохранившееся до наших дней. Об этом, в частности, свидетельствуют и данные наших социологических исследований. Результаты социологического опроса, проведенного в 1997 г. в семи национально-смешанных поселениях Ханты-Мансийского, Октябрьского, Березовского и Сургутского районов округа, показывают, что основная часть аборигенов (ханты, манси, ненцы), имеющих мнение по данному вопросу, считает, что распространение православия сыграло в целом положительную роль в жизни их этносов. Такого мнения придерживаются 41 % опрошенных аборигенов. И лишь 14 % представителей северных этносов заявили, что распространение православия сыграло в жизни аборигенов в основном отрицательную роль. Остальные 43 % респондентов затруднились с ответом. Распределение мнений по этому вопросу среди аборигенов очень близко к таковому в русской среде. Положительно роль христианизации в жизни народов Севера оценили 45 % русских, затруднились дать ответ 46 %, а дали отрицательную оценку 11 % русских жителей.

Среди аборигенов доля лиц, давших положительные оценки роли распространения православия в жизни народов Севера, почти в полтора раза выше доли аборигенов, в той или иной мере придерживающихся православия (41 и 29 % соответственно). Стало быть, положительно оценивают роль православия не только аборигены, принявшие православие, но и те, которые не исповедуют православной веры.

Доля православно верующих среди аборигенов, проживающих в местах наиболее активной миссионерской деятельности и наиболее тесных контактов с русским населением (по Оби в Березовском, Октябрьском и Ханты-Мансийском районах округа) несколько выше, чем, например, в Сургутском р-не. По данным социологического опроса в национально-смешанных поселениях Березовского, Октябрьского и Ханты-Мансийского районов в

1997 г. 36 % русских жителей были православными верующими, 31 % из числа коренных национальностей придерживался своих традиционных верований. Между верой и неверием колебалось 19 % русских и 14 % жителей коренных национальностей. К неверующим себя отнесли 32 % первых и 23 % вторых.

Конечно, в отношениях православной и местных «языческих» культур православная культура играла ведущую, доминирующую роль. Тем не менее в местах совместного проживания русского и аборигенного населения происходило не одностороннее культурное воздействие, а именно взаимодействие культур. Между прочим, сами исторически сложившиеся формы взаимного восприятия традиционных вероучений друг друга являются как раз очень выразительным примером высокой степени взаимопроникновения русской и аборигенной культур. Так, с одной стороны, заметная доля (12 %) аборигенного населения является православно верующей, а еще более значительная его часть (17 %) придерживается одновременно и традиционных верований своих народностей, и православной веры. С другой стороны, определенная доля русских (6,5 %) наряду с приверженностью православию также придерживается «языческих» верований. А 2,6 % местных русских, оставаясь безразличным к православию, придерживаются традиционных верований северных народностей. Образование устойчивых синкретических православно-«языческих» или «язычески»-православных форм религиозности есть естественно-исторически сложившаяся реальность и выражение глубокой взаимной совместимости этнических культур.

По мнению большинства представителей народов Севера и русских, православие и традиционные верования северных этносов могут уживаться без ущерба друг для друга — так считают 50 % аборигенов и 70 % русских. Доля же лиц, считающих, что это невозможно, значительно меньше: 10 % аборигенов и 8 % русских. Затруднились ответить на этот вопрос 30 % представителей северных этносов и 21 % русских. Это свидетельствует о религиозной терпимости и отсутствии межэтнической напряженности на религиозной почве.

Показательна в плане настроя на позитивное принятие местными этническими группами культур друг друга близость мнений русских и аборигенов по вопросу о возможности и желательности

возрождения в наше время традиционных верований народов Севера. Не имели на момент опроса мнений по этому вопросу 38 % русских и 29 % аборигенов. Возможным возрождение сочли 44 % русских и 54 % аборигенов, а невозможным только 16 и 15 % соответственно.

По вопросу о желательности или нежелательности возрождения традиционных аборигенных верований затруднились высказаться 33 % русских и 21 % лиц коренных национальностей, желательным его сочли 50 % русских и 70 % аборигенов, а нежелательным только 10 и 8 % соответственно. По этому вопросу разрыв в мнениях аборигенов и русских более значителен, чем по предыдущему.

В целом доля аборигенов, считающих возрождение традиционных верований народов Севера возможным, больше, нежели у русских. Но если сравнивать, насколько совпадают мнения о «желаемом» и «возможном» компоненте в возрождении традиционных верований, то видно, что разрыв между этими показателями у народов Севера гораздо больше, чем у русских. Так, только 54 из 70 % аборигенов, желающих возрождения традиционных верований, считают, что это возможно. То есть, 16 %, или каждый шестой абориген, желающий возрождения своих верований, считает, что на практике это неосуществимо. У русских этот разрыв гораздо меньше (6 %). Так, 44 из 50 % желающих возрождения традиционных верований народов Севера считают, что это возможно. Видимо, в своих оценках реальной ситуации русские более прагматичны, чем аборигены. Но все-таки половина русских высказалась за возрождение традиционных верований у народов Севера. За этим стоит не просто религиозная терпимость, а истинная забота русских о народах Севера, желание не навязать им свое мнение в вопросе выбора веры. Религиозная терпимость народов Севера и русских объясняется прежде всего тем, что православие живет на Югорской земле по крайней мере более четырехсот лет, и большинство предков нынешних аборигенов были людьми крещеными.

Немаловажную роль в распространении и укреплении православных традиций на Югорской земле играет рост метисации северных этносов. В связи с промышленным освоением Севера и прибытием в места традиционного расселения аборигенов боль-

шого числа мужчин в последние десятилетия резко возросла доля этнически смешанных браков (как зарегистрированных, так и не зарегистрированных). По данным статистики, в 1988 г. 68 % родившихся детей у мансийских женщин и 52 % родившихся детей у хантыйских женщин имели отцов – представителей другой (в основном русской) национальности. Таким образом от поколения к поколению растет европеоидный компонент в генетическом коде аборигенов, не говоря уж о непосредственнном постоянном воздействии православно-русской культуры на русифицированных метисов.

Отсутствие межэтнической напряженности на религиозной почве объясняются и тем, что функции, которые выполняют православие и северные религии, отчасти схожи. По мнению респондентов (аборигенов и русских), обе религии помогают передавать традиции, обычаи своего народа и тем самым способствуют сохранению своего этноса.

Среди положительных функций православия, способствующих решению жизненно важных проблем, представители народов Севера Сургутского р-на (социологический опрос 1996 г.) отметили, что православие учит любви, добру и милосердию, заставляет бояться греха, не совершать дурные поступки (46 %), помогает передавать традиции, обычаи русского народа (35 %), служит единству русского народа и всех народов России (23 %), открывает путь к спасению души, к ее бессмертию (19 %), способствует укреплению семьи (18 %). И только 4 % аборигенов ответили, что православие не помогает решать никаких проблем (затруднились ответить на этот вопрос 28 % аборигенов). То есть подавляющее большинство представителей северных этносов (96 %) независимо от того, относят они себя к православным или нет, считают, что и в настоящее время православие помогает решать очень многие важные духовные проблемы и играет большую роль в жизни народов Севера.

В судьбах русского народа и северных этносов много общего. И это понятно. Вместе пройденный веками путь, путь совместных радостей и невзгод, сплотил народы, проживающие в одних и тех же климатических и социально-экономических условиях. Несмотря на то, что в ходе распространения православия на Севере имели место элементы его насильственного насаждения в среде се-

верных народов, православная христианизация в целом создавала и важнейшие предпосылки взаимодействия и взаимопонимания аборигенов и русских, выступала основанием и фактором сближения русской и аборигенной культур. По мнению В.В. Мархинина, исторический процесс срастания этнических культур вовсе не равнозначен ассимиляции. Напротив, мы убеждены, что для евразийской российской цивилизации, особенно в период ее чрезвычайно драматичного перехода к новым формам общественной жизни, способным стать формами устойчивого социально-экономического и культурного развития, эта «сращенность» является условием и источником существования и воспроизводства самобытных культур северных народов[17] Среди аборигенов преобладает мнение, что будущее благополучие и национальное возрождение северных этносов напрямую связано с благополучием и национальным возрождением русского народа.

Прогрессивный и перспективный характер синкретических форм религиозности ее форм культурного синтеза состоит в том, что они выступают основанием целостности местных межэтнических сообществ, фактором стабильности межэтнических отношений, но одновременно и способом воспроизводства в современных условиях самобытности культур и самой этничности малочисленных народов Севера.. Высокая степень совместимости и взаимопроникновения русской и северных аборигенных культур, совместимость и взаимопроникновение даже на самом фундаментальном уровне — уровне мировоззренческом, духовном, является еще одним подтверждением того, что Россия есть особая органическая целостная, евразийская цивилизация — государство.

Примечания

[1] **Ерасов Б.С.** Цивилизации: Универсалии и самобытность. М., 2002. С. 380.

[2] См., напр.: **Келлер Я.** Модернизация — гуманизация общества или коррозия бытия? // СОЦИС. 2002; **Аллард Э.** Сомнительные достоинства концепции модернизации // Там же.

[3] Вопр. философии. 1984. № 4. С. 78 – 86.

[4] **Кессиди Ф.Х.** Глобализация и культурная идентичность // Вопр. философии. 2003. № 1. С. 77.

[5] Там же.

[6] **Полищук Е.** Научно-богословская конференция «Миссия церкви. Свобода совести. Гражданское общество», 12–17 июля 1998 г. // Журнал Московской Патриархии. 1998. С. 27.

[7] Там же. С. 28.

[8] **Григорьев С.И.** Теоретические основы изучения жизненных сил национальных общностей // СОЦИС. 2000. № 2. С. 19 – 20.

[9] **Печенев В.А.** Русский народ в судьбе государства Российского // Наш современник. 1999. № 5. С. 205 – 206.

[10] **Покровский Н.Н.** Христианская традиция в Российской и Сибирской истории // Пивоваров Б.И. Православная культура России. Новосибирск, 2002. С. 339.

[11] **Сулоцкий** (Протоиерей Александр). Христианизация Сибири // Ямал — знакомый и неизвестный. Тюмень, 1995. С. 237.

[12] **Аблажей А.М.** История распространения христианства // Ямал – знакомый и неизвестный. Тюмень, 1995. С. 66 – 67.

[13] **Аблажей А.М., Донских О.А.** Православие и традиционные культуры народов Севера: проблемы взаимодействия // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник. Новосибирск,1998. Вып. 2. С. 227.

[14] **Аблажей А.М., Донских О.А.** Указ. соч. С. 228.

[15] **Алквист А.** Среди хантов и манси. Томск, 1999. С. 52 – 53.

[16] **Аблажей А.М.** История распространения христианства. С. 69.

[17] **Мархинин В.В., Удалова И.В.** Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур. Новосибирск, 1996. С. 151.

Г.А. Выдрина
(Администрация Ханты-Мансийского АО)

СОСТОЯНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕГИОНЕ НОВОГО ОСВОЕНИЯ

В настоящее время ведущим направлением исследований этноконфессиональных процессов в Ханты-Мансийском автономном округе является изучение положения проживающих на территории округа коренных малочисленных народов Севера. В условиях глобальных процессов активизации коренного населения закономерно привлекают внимание вопросы самочувствия обских

угров, их социально-экономическое положения, правового и культурного статуса.

Вместе с тем вследствие нефтепромышленного освоения и интенсивной миграции в общей численности населения округа доля коренных жителей составляет 1,5 %. Поэтому объективно наиболее социально значимыми становятся этноконфессиональные противоречия между различными группами пришлого населения. Некоторые данные о существующих проблемах были получены в социологическом исследовании «Состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в Ханты-Мансийском автономном округе и пути их гармонизации», проведенного в 2001 г. благотворительным фондом по заказу администрации Ханты-Мансийского автономного округа. Исследование включало социологический опрос населения округа в возрасте от 18 лет и старше по репрезентативной выборке, позволяющей одновременно дифференцировать социально-демографические показатели и типы поселения (N=930); опрос экспертов, в качестве которых были привлечены государственные и муниципальные служащие, работники учреждений образования и культуры, журналисты, исследователи, лидеры этнических диаспор, национально-культурных объединений, руководители хозяйственных структур (N=185).

Согласно переписи 1989 г., в округе постоянно проживают представители более 120 национальностей, среди которых 850 тыс. русских, 149 тыс. украинцев, 98 тыс. татар, 31 тыс. башкир, 27 тыс. белорусов, 14 тыс. чувашей, 13 тыс. азербайджанцев. Национальный состав округа определяет конфессиональную принадлежность населения. По данным опроса, 80,2 % русских и 81,4 % украинцев считает себя православными, 76,7 % татар и башкир относят себя к мусульманам. Католическая церковь сосредоточивает миссионерские усилия на национальных группах, традиционно исповедующих католичество (поляки, литовцы, немцы).

Доля религиозно ориентированных респондентов в округе составила 64,9 %. Группа верующих состоит из 77,1 % православных, 9,7 % мусульман, 5,6 % всех остальных конфессий. Активно верующими, т. е. посещающими религиозные службы ежемесячно и чаще, являются 5,4 %, прихожанами и членами религиозных

общин — 11 % респондентов. В 2002 г. в округе зарегистрировано126 религиозных объединений, в т. ч. 54 православных, 24 мусульманских, 22 протестантских. За последние пять лет численность организаций удвоилась, т. к. в 1997 г. насчитывалось всего 64 организации, в т. ч. 35 православных, 13 протестантских, 10 мусульманских и др. Любопытно, что до 1992 г. мусульманских общин на территории округа не было.

По данным опроса, в разрезе национальных групп более напряженным было этноконфессиональное сознание славянского населения. Около 40 % русских и украинцев указали на наличие серьезных или незначительных проблем и противоречий в этноконфессиональных отношениях, тогда как среди татар и башкир на это указали 27,3 % опрошенных. Значительная большая доля русских (32,2 %) и украинцев (32,2 %), чем татар и башкир (25,8 %), считала возможным серьезный конфликт на национальной почве.

В целом же у мусульманского населения, по данным нашего опроса, конфликтогенность сознания ниже, чем у православных. Они значительно меньше (26,4 %), чем православные (39,4 %), отмечают наличие в их поселении этноконфессиональных противоречий, чаще оценивают межнациональные отношения как спокойные (52,8 и 41,6 % соответственно), чуть меньшая часть считает возможным национальный конфликт (27,8 и 30,0 % соответственно), реже высказываются отрицательно по отношению к вынужденным переселенцам (15,3 и 23,1 % соответственно), на то, что не существует национальностей, к которым они испытывают личную неприязнь, указали 72,2 % мусульман и 55,1 % православных.

Определенная отчужденность между этносами проявляется и на брачном рынке. Более половины опрошенных не желали бы иметь своим родственником чеченца, азербайджанца, дагестанца. Положительный брачный индекс (разницу между положительными и отрицательными ответами на вопрос о возможности заключения межнациональных браков респондентами или членами их семей) имеют представители только пяти национальностей: русские (64,9 %), украинцы (24,6 %), белорусы (15,9 %), немцы (10,0 %) и болгары (0,7 %). Остальные национальности составили группу с отрицательным брачным индексом (табл. 1).

Таблица 1

Предпочтения основных национальных групп населения Ханты-Мансийского АО в случае заключения брака близкой родственницы с мужчиной иной национальности (в %)*

Брачные партнеры	Национальные группы		
	Русские	Украинцы	Татары, башкиры
Азербайджанец	-43,9	-47,9	-51,5
Армянин	-36,1	-36,5	-51,5
Башкир	-23.6	-29,5	27,2
Белорус	17,8	32,2	-10,6
Болгарин	1,1	13,9	-19,7
Грузин	-34,6	-35,6	-51,5
Дагестанец	-43.3	-45,2	-50,0
Еврей	-17,9	-6,1	-15,1
Казах	-32,8	-33,0	-34,8
Манси	-21,7	-33,0	-36,4
Немец	8,7	17,3	3,0
Ненец	-23,3	-34,7	-37,9
Русский	70,0	71,3	45,4
Таджик	-40,9	-45,2	-48,5
Татарин	-20,3	-17,4	56,1
Узбек	-39,1	-41,8	-42,5
Украинец	24,5	60,0	-10,6
Ханты	-23,8	-29,5	-34,9
Чеченец	-46,1	-53,9	-60,6
Чуваш	-20,7	-28,7	-28,8

*Дана разница положительных и отрицательных ответов на вопрос.

Относительно возрастных брачных предпочтений отметим, что нет ни одного молодого человека в возрасте до 20 лет, который одобрил бы брак родственницы с казахом, грузином, узбеком, таджиком, чеченцем (по остальным возрастным группам такой негативизм отсутствует). С возрастом брачная терпимость существенно растет, хотя значимость национальности брачного партнера остается примерно той же. Если против брака с чеченцами возразило 77,3 % молодых людей в возрасте до 20 лет, то в возрастной группе старше 50 лет — 41,3 %, по узбекам это соотношение выглядит так: 68,2% против 33,3 %.

Положительный брачный индекс для мусульман среди населения немусульманской традиции имеют только русские. Среди православных положительный брачный индекс имеют русские, украинцы, белорусы, немцы и болгары. Значительно чаще, чем православные, мусульмане положительно оценивают деятельность органов власти и различных организаций по укреплению межнациональных отношений. В различных ситуациях выбора (за исключением брачного партнера) национальность и вероисповедание для мусульман менее значимы, чем для православных.

Конфликтогенный потенциал этноконфессионального сознания наиболее высок у молодежи. Так, при ранжировании ценностей интернационализм и дружбу народов молодежь поставила на 13 место (18,2 % респондентов данной группы), тогда как в среднем по массиву эта ценность занимает более высокое 10 место (22,4 %). Почти половина молодежи до 20 лет (45,4 %) испытывает неприязнь к определенным национальностям, тогда как в старших возрастных группах эта доля колеблется от 18,5 до 25,6 % (по массиву в среднем 22,3 %). В среднем по массиву из всех национальностей наибольшую неприязнь вызывают обобщенные лица кавказской национальности (у 8,5 % опрошенных), в основном чеченцы (7,2 %) и азербайджанцы (4 %). Этноконфессиональное сознание молодежи в возрасте до 20 лет наиболее конфликтогенно. Серьезный конфликт на межнациональной почве в своем поселении считали возможным 40,9 % опрошенных из этой группы (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, возможен ли серьезный конфликт на межнациональной почве в Вашем городе (поселке, селе) и коллективе, в котором Вы работаете или учитесь?» (в %)

	До 20 лет	21–30 лет	31–40 лет	41–50 лет	Старше 50 лет
В населенном пункте:					
Возможен	40,9	37,7	27,0	29,8	22,0
Не возможен	22,7	35,3	33,9	40,1	48,7
Затрудняюсь ответить	36,4	27,0	39,1	30,1	29,3
В трудовом (учебном) коллективе:					
Возможен	13,6	8,7	5,6	6,1	4,7
Не возможен	40,9	57,5	57,7	61,5	52,7
Затрудняюсь ответить	45,5	33,8	36,7	32,4	42,6

В отличие от лиц старших возрастов, большинство молодежи в возрасте до 20 лет родились и постоянно живут в округе (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Являетесь ли Вы коренным жителем округа или приехали из другого региона?» (в %)

	До 20 лет	21–30 лет	31–40 лет	41–50 лет	Старше 50 лет
Родился и постоянно живу в округе	59,1	31,9	13,7	11,9	13,3
Приехал в округ	40,9	68,1	86,3	88,1	86,7

Молодые люди в возрасте до 20 лет в шесть раз чаще указывают на наличие в округе серьезных межнациональных проблем, чем люди старше 50 лет (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Существуют ли в Вашем городе (поселке, селе) какие либо проблемы или противоречия в отношениях между людьми разных национальностей и вероисповеданий?» (в %)

	До 20 лет	21–30 лет	31–40 лет	41–50 лет	Старше 50 лет
Да, серьезные	18,2	9,2	4,4	6,9	2,7
Да, но незначительные	36,4	39,1	32,7	26,7	21.3
Не существуют	13,6	33,3	41,1	44,3	58,7
Затруднились ответить	31,8	18,4	21,8	22,1	17,3

Напряженность в этноконфессиональных отношениях, по данным опроса 2000 г., была феноменом сознания, а не практики. По всем возрастным группам не более 10 % опрошенных сталкивались с недоброжелательным отношением к себе со стороны окружающих из-за своей национальности (по массиву в среднем 8,0 %) и не более 5 % — из-за своего вероисповедания (по массиву в среднем 3,1 %). Хотя именно в группе молодежи до 20 лет чаще всего обращались к услугам мигрантов (18,2 %) и, возможно, в связи с этим именно в этой группе отрицательное отношение к мигрантам (36,4 %) преобладает над положительным отношением (13,6 %).

Характеризуя этноконфессиональную обстановку в округе, нельзя не остановиться на сравнении относительной значимости этнического и конфессионального факторов. Данные проведенного исследования дают основания полагать, что в настоящее время национальный фактор более значим, нежели религиозный. Так, с вопросами межнациональных отношений не приходилось сталкиваться 26,4 % экспертов, а с вопросами межконфессиональных отношений — 37,8 %. Как спокойную религиозную ситуацию в своем населенном пункте оценили 88,6 % экспертов, а национальную ситуацию — 56,8 %. При ответе на вопрос «Имеет ли для Вас значение национальность человека и его вероисповедание в следующих жизненных ситуациях?» по всем приведенным ситуациям (от выбора брачного партнера до выбора президента России) на

национальность как значимый фактор указала гораздо большая часть респондентов, чем на вероисповедание (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Имеет ли для Вас значение национальность человека и его вероисповедание в следующих жизненных ситуациях?» (в %)*

Вариант выбора	Национальность			Вероисповедание		
	Имеет	Не имеет	Не ответили	Имеет	Не имеет	Не ответили
Брачного партнера	56,0 *59,1*	40,9	3,1	41,7 *6,4*	41,3	17,0
Товарищей	16,9 2,7	78,7	4,4	14,3 *2,7*	68,2	17,5
Делового партнера	26,8 *0,0*	67,5	5,7	14,9 *8,2*	66,3	18,7
В компании на отдыхе	19,4 *6,4*	76,0	4,6	11,4 *9,1*	70,5	18,1
Руководителя предприятия	40,8 *9,1*	54,5	4,9	24,0 *6,4*	57,5	18,5
Губернатора округа	48,9 *8,2*	46,5	4,6	30,2 *6,4*	50,9	18,9
Депутатов Думы округа	39,0 *8,2*	55,8	5,2	24,3 *5,5*	56,8	18,9
Президента РФ	59,9 *2,7*	36,3	3,8	37,8 *4,5*	43,4	18,7
Депутатов Госдумы	40,0 *8,2*	54,6	5,4	25,5 *5,5*	55,6	18,9

* Курсивом выделены ответы молодежи до 20 лет.

Любопытно, что молодежь, по сравнению с другими возрастными группами, придает большее значение как национальной, так и религиозной принадлежности. Поэтому в ближайшем будущем следует ожидать усложения и обострения этноконфессиональной обстановки в округе. При общем уровне религиозности по массиву 36,7 % (а с учетом колеблющихся, которые ближе к вере, — 64,9 %) наиболее высокий уровень религиозности зафиксирован в самой младшей возрастной группе «до 20 лет» — 50,0 % верующих и 27,3 % «колеблющихся, но ближе к вере», т. е. всего религиозных — 77,3 %. В остальных возрастных группах доля верующих близка к средней по массиву — от 35,5 до 37,7 %.

Колеблющиеся распределились неравномерно — больше всего их в группе «31–40 лет» (34,3 %), а меньше всего в самой старшей возрастной группе «старше 50 лет» (20,7 %). В результате именно в старшей возрастной группе уровень религиозности (с учетом колеблющихся) оказался ниже, чем в среднем по массиву. Прихожанами являются 19,0 % респондентов в возрасте до 20 лет. Посещают службы раз в месяц и чаще 9,0 %, в группе старше 50 лет — 8,6 %.

С учетом общей перспективы роста религиозности показательны следующие характеристики молодежи. Так, к православию себя относит всего 45 % респондентов в возрасте до 20 лет, тогда как в старших возрастных группах к православию себя относят от 69,1 до 77,2 %. Означает ли это более низкий авторитет православия среди молодежи и возможной кризис православия в недалеком будущем? Вдвое выше среди молодежи, чем в среднем по массиву, доля исповедующих ислам (15,0 % против 7,7 %). И значительно меньшая часть молодежи (13,6 %) видит в мусульманах верующих, проявляющих наибольшую нетерпимость к иноверцам (по остальным возрастным группам — от 20,3 до 23,4 %). Только 13,6 % молодежи считает необходимым запретить деятельность иностранных миссионеров, тогда как по другим возрастным группа эта доля с возрастом устойчиво растет от 17,4 до 30,7 %.

Молодежь занимает более требовательную позицию по отношению к религиозной политике государства. Из опрошенных в возрасте до 20 лет 50 % считает, что государство должно строго соблюдать принцип свободы совести (по массиву в среднем 39,9 %); 27,3 % считает, что государство должно сотрудничать с религиозными организациями (по массиву в среднем 12 %); 50 % полагают, что религиозные организации не должны вмешиваться в деятельность органов власти (по массиву в среднем 33,5 %); 54,5 % считают, что государственные чиновники не должны открыто демонстрировать свою религиозную принадлежность (по массиву в среднем 29,7 %). Таким образом, молодежь выступает за более последовательное отделение церкви от государства, автономию религиозной жизни, превращение ее в частное дело групп верующих.

Это в определенной мере отвечает ее жизненным ценностям. По сравнению с другими возрастными группами, молодежь до 20

лет гораздо большее значение придает таким ценностям, как справедливость — 54,5% (по массиву в среднем 37,2 %), свобода личности и равенство — 36,4 % (по массиву в среднем 19,4 и 20,8 % соответственно), социальная забота о незащищенных слоях населения — 50 % (по массиву в среднем 34,9 %). Последнее говорит о том, что установка молодежи на конфессиональную автономию не совсем последовательна. Большая часть молодежи (40,9 %) полагает, что государство должно оказывать финансовую поддержку религиозным организациям (против — 22,7 %). Это объясняется, по-видимому, привычкой к иждивенчеству, т. к. среди лиц старшего возраста преобладает противоположная точка зрения: доля поддерживающих колеблется в диапазоне от 21,8 до 26 %. За содействие органов власти деятельности национально-культурных объединений как пути улучшения межнациональных отношений выступает 31,8 % молодых людей, тогда как по массиву в среднем — 18,2 % респондентов.

Любопытно, что, оценивая пути улучшения межнациональных отношений, молодежь, как и все респонденты в среднем, ставит на первое место укрепление правопорядка — 50 % опрошенных (по остальным возрастным группам эта доля устойчиво возрастает от 53,6 до 61,3 %). Но вторым по значимости молодежь видит проведение зрелищных мероприятий (национальных фестивалей, выставок, концертов) — 45,5 % (по массиву в среднем третье по значимости — 39,5 %). Население округа второй по значимости мерой считает создание дополнительных рабочих мест (41,5 %), тогда как в шкале приоритетов для молодежи эта мера разделяет третье место (31,8 %) вместе с ограничением использования труда мигрантов. Последнюю меру массиву в среднем поддерживают 24,3 % респондентов. Следует также отметить, что следующая по порядку значимости для молодежи мера — ограничение миграции (ее поддержали 27,3 %). Эта доля несколько выше, чем по массиву в среднем, — 25,4 %. Старшие возрастные группы более важным считают решение жилищного вопроса (31,4 %), тогда как среди молодежи до 20 лет — 22,7 %.

Налицо определенный негативизм и иждивенческий настрой молодежи, противоречиво совмещаемый с установкой на самостоятельность. Важным представляется то обстоятельство, что в отличие от старших возрастных групп, поставивших ценность

стабильности как пути выхода России из кризиса на третье место (после законности и сильного государства) (по массиву в среднем 53,5, 58,2 и 68,5 % соответственно), молодежь ценность стабильности поставила на девятое место (31,8 %). На третьем месте оказалась ценность социальной справедливости (54,5 %), по массиву в среднем занимающая только пятое место (37,2 %).

Таким образом, этноконфессиональная обстановка в округе накануне больших перемен, т. к. в ближайшие годы в жизнь войдет молодежная группа, не ценящая стабильность и существенно отличающаяся по ценностям и конфессиональным ориентациям от лиц старше 20 лет.

На этом основании этноконфессиональную обстановку в округе нельзя оценивать как стабильную. Параметр стабильности характеризует степень ее подвижности обстановки. Она носит скорее переходный характер. В регионе динамично изменяется объективное соотношение сил различных национальных групп и конфессий. Налицо проведение отдельными сторонами акций, которые демонстрируют изменение соотношения сил. С вхождением в общественную жизнь подрастающего поколения, которое видит себя активным участником политики, этноконфессиональная обстановка может существенно измениться и по субъективному параметру — сознательности и степени организованности сторон.

Ю.В. Попков
(Институт философии и права СО РАН)

К ОБОСНОВАНИЮ МОНИТОРИНГА ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА)

Актуальность проблемы. Этносоциальные и этноконфессиональные процессы в современной Сибири носят сложный, противоречивый характер. Эта противоречивость, с одной стороны, соответствует общемировым процессам в эпоху глобализации и интенсивных цивилизационных, межэтнических и межконфессиональных взаимодействий, с другой стороны, усугубляется последствиями затяжного системного российского кризиса. Позитивные

тенденции проявляются в определенной демократизации общественной жизни, росте национального самосознания и оживлении интереса к национальным культурам и верованиям, языку, традиционным формам организации хозяйства и быта, сохранении высокого уровня этнической толерантности, а также в расширении таких явлений, как экономическая предприимчивость, политический плюрализм и поликонфессионализм. Этническая консолидация в настоящее время в целом не вылилась в открытые конфликты в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, и регион остается стабильно устойчивым в политическом отношении, что в немалой степени определяется менталитетом веками взаимодействующих здесь евразийских этносов — представителей славян, тюрко-монголов, народов Севера и других.

В то же время экономические реформы, проводимые без учета региональной и этнокультурной специфики, негативно влияют на состояние традиционных и индустриальных отраслей хозяйства и жизнеобеспечение отдельных народов, ведут к ослаблению семейных, хозяйственных, социальных связей как внутри этносов, так и между ними, социальному расслоению, снижению квалификации работников, деградации отраслевой и профессиональной структур населения, депопуляции, росту девиантного поведения, углублению недоверия к властям всех уровней.

Наиболее тревожными тенденциями в настоящее время являются ренатурализация хозяйственной деятельности значительной части сельского и городского населения, резкое сокращение объемов сельского и промыслового хозяйства у многих народов, стойкое нежелание регулярно работать у возрастающей части населения, прежде всего молодежи, криминализация села, массовый исход сельского населения в относительно крупные населенные пункты, разрушение внутреннего единства многих этносов и конфессий.

Растет число внебрачных детей и неполных семей, происходит ослабление роли семьи в обществе. Снижение уровня и качества жизни основной массы населения и распространение бедности привели к существенному ухудшению физического, психического и социального здоровья, расширению алкоголизации и наркомании. Особенно сильно эти тревожные тенденции проявляются в молодежной среде, для которой характерными стали также рост

иждивенческих настроений, индивидуализма и преобладание материальных ценностей над всеми другими, что идет в ущерб духовно-нравственному потенциалу народов региона.

Остро стоят проблемы самоуправления и представительства разных этносов во властных структурах. Статус того направления государственной политики, которое касается регулирования национальных и этноконфессиональных отношений, не соответствует реальным потребностям. Данное обстоятельство при отсутствии достаточных средств на реализацию полноценной государственной национальной политики стимулирует центробежные тенденции и ориентацию на регионализацию в среде значительной части национальных элит.

Затяжной системный российский кризис привел к фронтальной деиндустриализации страны. Одной из немногих отраслей, заметно выделяющихся на общем неблагополучном фоне, является добывающая промышленность, связанная с освоением месторождений нефти, газа и редких металлов. Большинство таких месторождений сосредоточено в Сибири. Если в депрессивных регионах продолжается снижение численности населения в результате выезда людей за их пределы, то в зонах промышленного освоения наблюдается прямо противоположная тенденция. Наибольшая миграционная интенсивность наблюдается в Ханты-Мансийском АО, являющемся главным нефтедобывающим регионом страны.

Численность населения округа с начала его промышленного освоения (середина 1960-х гг.) увеличилась в 7,5 раз и в последние годы продолжает расти. Одним из наиболее значимых факторов привлекательности данного региона является высокий уровень существующих здесь доходов. Так, среднемесячная заработная плата в округе достигла в 2001 г. 12,6 тыс. руб. (5,4 прожиточного минимума). По покупательной способности населения округ занимает третье место в стране, а по объему инвестиций в основной капитал он находится на втором месте после Москвы. За последние три года инвестиционный рейтинг округа среди субъектов Российской Федерации поднялся с 45-го до третьего места[1].

В результате регулируемого и нерегулируемого притока в данный регион большого количества мигрантов из стран ближнего зарубежья и других регионов России произошло формирование новых диаспор, существенно усложнилась этническая и конфес-

сиональная структура населения. Все это привело к росту напряжения в межнациональных отношениях, обусловленного усилением конкурентных ситуаций в различных сферах жизни (на рынке труда, в сфере социального обеспечения и др.), а также обострило проблемы языкового и межконфессионального общения. Ситуация усугубляется тем, что органы управления не обладают достаточными и точными знаниями о том, что происходит в области внутри- и межнациональных отношений и межконфессиональной ситуации в силу несовершенства механизма соответствующего информационного обеспечения.

Опирающийся на материалы конкретно-социологического исследования предварительный анализ этноконфессиональной ситуации в Ханты-Мансийском АО позволяет сделать вывод о наличии в данной сфере элементов нестабильности и напряженности. В регионе динамично изменяется объективное соотношение сил различных национальных групп и конфессий. Одним из дополнительных источников напряженности в ближайшем будущем может выступать молодежь, которая менее других склонна поддерживать стабильность, а по своим ценностям и конфессиональным ориентациям существенно отличается от людей старшего возраста со свойственной им толерантностью. Все это дает основание прогнозировать усложнение и обострение отношений между людьми разных национальностей и конфессий в том случае, если не будут предприняты упреждающие меры для их эффективного регулирования[2].

Таким образом, существует актуальная потребность в получении объективной и целостной информации о происходящих этноконфессиональных процессах в округе. Одним из наиболее эффективных способов решения этой задачи является организация соответствующих информационных потоков в режиме мониторинга. В настоящий момент существует ситуация частичного анализа этноконфессиональных отношений, когда фрагменты одного целого изучаются в отрыве друг от друга, при этом признается существенность взаимосвязи культур коренного и пришлого населения. В то же время требуются целостный анализ межэтнических и межконфессиональных отношений как проявление общих процессов социокультурной адаптации, а также регулярное отслеживание и регулирование текущей ситуации в данной области.

Общая характеристика мониторинга[*] Мониторинг принадлежит к числу важнейших предпосылок эффективного оперативного и стратегического управления. Хорошо поставленный мониторинг выступает в качестве надежного средства сбора достоверной информации о реальных процессах. Современное развитие сформировало потребность и создало определенные условия для широкой самореализации человека в различных сферах жизнедеятельности. Важным компонентом его свободной и творческой самореализации выступает этническая и конфессиональная идентификация. Целенаправленное формирование предпосылок для сохранения и устойчивого развития национальной идентичности, а также для оптимизации религиозных отношений существенно меняет качество социального управления, особенно на местном региональном уровне. Требуется усиление в нем этносоциальной и этноконфессиональной составляющих, обеспечивающих спецификацию всех принимаемых решений относительно конкретных проблем региона и культурных традиций проживающих здесь этнических групп.

Это означает, что система управления должна действовать на основе отслеживания процессов развития, определяющих специфику образа жизни и сознания населения. Основой такого изменения системы управления может стать мониторинг состояния этноконфессиональных отношений, главное направление которого состоит в отслеживании динамики межнациональных отношений и религиозной ситуации.

Одна из особенностей мониторинга состоит в том, что органы управления и научные учреждения совместно обеспечивают использование полученных результатов. При этом наука организует и анализирует социально значимую информацию, предлагая набор возможных социальных сценариев, а органы управления получают возможность выбора управленческих решений, наиболее адекватных сложившейся ситуации и задачам перспективных стратегий. Возникают условия для разработки и эффективной реализации программы развития национальных и этноконфессиональных отношений в округе.

---

[*] При подготовке раздела использованы материалы В.Г. Костюка.

Создавая предпосылки для упреждения возможных негативных последствий тех или иных действий социального управления, мониторинг формирует тем самым условия для существенного повышения эффективности управления в условиях интенсивных социальных перемен. Он требует непрерывной совместной деятельности практиков управления и ученых. Будучи способом этого взаимодействия, мониторинг является механизмом отслеживания всей совокупности возникающих в регионе проблемных ситуаций, их анализа и организации социальной информации в виде прогнозных сценариев развития событий (на базе фундаментальных исследований и социального проектирования — функция науки), принятия на этой основе управленческих решений (функция управления) с последующим отслеживанием и корректировкой как концептуальных оснований, так и практических изменений, которые происходят в общественной жизни в результате реализации принятых решений.

Очень важно, что мониторинг создает предпосылки для изменения практического управления в соответствии с объективными потребностями общественного развития. Применительно к условиям автономного округа это требует специального учета этнокультурной специфики проживающих в регионе народов, что в свою очередь является выражением гуманизации складывающихся здесь экономических, политических и социальных отношений. Одновременно мониторинг меняет и научную деятельность, предъявляя к ней новые требования. Обычно научные учреждения ограничиваются разработкой концепций тех или иных сторон общественного развития, передавая их органам управления и не отвечая затем за возможные последствия их реализации. Тем самым ее участие в данном процессе является, во-первых, ограниченным, во-вторых, разовым, непостоянным. Мониторинг — база для непрерывного взаимодействия науки и практики. Движение идет от фундаментальных разработок к конкретной эмпирической информации и далее — к проектам и сценарным вариантам. Затем следует система мер по переводу объекта управления в новое прогнозируемое состояние, что дает основания для уточнения сценариев в направлении их практической оптимизации. Здесь формируются условия для проверки истинности фундаментальных оснований научного поиска, а также для повышения ответственно-

сти науки за предлагаемые сценарии и, в конечном итоге, их практическую реализацию. Наука не может и не должна подменять органы управления. Но в этих условиях отчетливее проявляется ее практическая социальная функция: она предоставляет управлению возможность выбора на основе прогнозных сценариев и тем самым создает действительную базу для принятия решений с меньшей долей неопределенности возможных социальных последствий, поскольку в своих рекомендациях исходит из учета множества факторных взаимосвязей.

Цель и задачи мониторинга. Целью мониторинга выступает регулярное выявление существующих проблем в системе этноконфессиональных взаимодействий у разных народов, определение путей повышения эффективности государственного управления этноконфессиональными отношениями в районах интенсивного промышленного освоения на примере Ханты-Мансийского АО и на этой основе оперативное решение возникающих проблем. Цель предусматривает поэтапное решение следующих основных задач: разработку методологических средств эмпирического анализа этноконфессиональных отношений, характеристику этноконфессиональных отношений в Ханты-Мансийском АО, выявление основных «болевых точек» в данной области, раскрытие социокультурной функции религии в деятельности национально-культурных объединений округа, методологического анализа практики государственного управления этноконфессиональными отношениями, определение основной направленности государственного управления этноконфессиональными отношениями, выявление роли религиозного фактора в формировании межэтнической региональной целостности, выявление особенностей адаптации к современным условиям у метисированных представителей коренных народов, управленческое воздействие на существующую ситуацию в целью ее нормализации.

В конечном итоге назначение мониторинга состоит в разработке на основе постоянного отслеживания изменения количественных и качественных показателей этноконфессиональной ситуации прогнозных моделей ее развития, в оценке эффективности принятия решений и выработке рекомендаций по корректировке соответствующей политики.

Объект мониторинга — этноконфессиональные отношения в Ханты-Мансийском АО. *Предмет мониторинга* — текущее состояние и динамика этноконфессиональных отношений и массового сознания по наиболее важным вопросам межнациональной и религиозной ситуации в округе. *Информационная база мониторинга* — статистическая информация, материалы органов государственного управления на разных уровнях, результаты регулярных социологических опросов и включенного наблюдения, контент-анализа публикаций в средствах массовой информации.

Организационно-аналитической основой мониторинга является комплексная группа (лаборатория), создаваемая в автономном округе. Она организует проведение массовых и экспертных социологических исследований, обработку и анализ полученных данных; обеспечивает связь науки и управления; трансформирует социальный заказ органов управления науке и внедряет результаты исследований в практику; организует консультации, заключения, разработку рабочих документов, определяющих этноконфессиональную политику в округе; обеспечивает проработку договорного финансирования.

Существующий задел. В Институте философии и права СО РАН, который может выступать в качестве основной организации, обеспечивающей научное сопровождение мониторинга, накоплен богатый арсенал методологических, теоретических и методических средств, а также сформирована определенная информационная база для успешной реализации задач настоящего проекта. В частности, созданы основы теории межкультурных взаимодействий, включая описание их механизма и типологии, оценку роли в этих взаимодействиях процесса адаптации[3], разработана теория интернационализации, понимаемая как процесс взаимопроникновения культур национальных общностей, составным компонентом которого является духовная культура, включающая различные формы религиозного сознания[4], концепт «межэтническое сообщество» обоснован в качестве доминирующего предмета этносоциальных исследований в районах Сибири, характеризующихся тесными взаимодействиями различных этносов[5], разработана программа комплексного этносоциологического исследования «Народы Евразии в условиях реформ начала XXI века» и начата ее

реализация[6], проведен исходный анализ современной этноконфессиональной ситуации в Ханты-Мансийском АО[7]

Требования к системе показателей мониторинга. В отличие от разовых замеров социальной и социологической информации, рассчитанных на комплексное монографическое отображение явлений и использующих показатели из различных сфер жизни с различной степенью общности, мониторинговые обследования предъявляют достаточно жесткие требования к системе используемых показателей.

Основные из этих требований: комплексное отображение предмета и объекта оптимальным числом показателей, оптимизация числа показателей на основе целей прогнозирования и регулирования процессов, выбор основных показателей на базе максимально доступных по оперативности получения источников информации (т. к. возможно быстрое изменение хода процессов), отображение показателями сущностных сторон процессов, однозначное толкование содержания показателей, их верифицируемость, максимальное постоянство показателей и их системы во всех циклах мониторинга (для построения динамических рядов), обоснованный ввод новых показателей, ограничение объема системы показателей финансовыми возможностями участников мониторинга.

Система показателей мониторинга. Система показателей мониторинга предусматривает получение информации, которая в дальнейшем может быть использована в качестве отправных данных для целенаправленной и специализированной информационно-аналитической деятельности. Вся система показателей подразделяется на две основные группы. Первая из них строится на основе массовых социологических опросов (ориентировочная периодичность — раз в два года) и касается оценки характера и динамики межнациональных и межконфессиональных отношений в отдельных населенных пунктах, факторов межнациональной и межконфессиональной напряженности, потенциальных национальных и конфессиональных групп, между которыми возможны конфликты, отношения к религии, конфессиональной идентичности, степени участия населения в религиозной деятельности, отношения к деятельности зарубежных религиозных организаций, действующих в округе, характера отношения местного населения

и приезжающих на временную работу, уровня массовости потока мигрантов из республик Кавказа и Средней Азии и характера возникающих в связи с этим проблем, наличной и желаемой национальной политики в округе, уровня регионального патриотизма, степени тревожности в ощущении будущего.

Вторая группа показателей базируется на получении информации от экспертов (ежеквартально) и касается следующих основных вопросов:

— общей численности и динамики изменения (возникновение и ликвидация) в отдельных муниципальных образованиях числа национально-культурных и религиозных объединений (обществ, общин, партий, движений и т. п.) или их отделений;

— состояния межконфессиональных отношений, включая наличие противоречий, конфликтных ситуаций и проявлений религиозной нетерпимости, их обусловивших причин и принятых мер по их устранению;

— принятых в муниципальном образовании официальных документов, в которых упоминаются этноконфессиональные вопросы;

— информации о событиях историко-культурной жизни, наиболее значимых для воспитания гражданского и территориального патриотизма (строительство и открытие памятников, военно-спортивные игры и т.п.);

— данных о наиболее важных акциях и мероприятиях, проведенных национально-культурными и религиозными объединениями, общинами;

— информации о совместных акциях и конкретных формах взаимодействия (сотрудничества или конфликтов) национально-культурных и религиозных организаций;

— внутренних процессов в национально-культурных и религиозных организациях (противоречия, конфликты, расколы и др.);

— деятельности культурно-просветительских и благотворительных центров (групп), созданных и действующих при поддержке иностранных государств, зарубежных национальных и религиозных объединений;

— информации о формах взаимодействия государственных и муниципальных органов с национально-культурными и религиозными организациями;

— конкретной информации о фактах проявления и пресечения экстремизма на национальной и религиозной почве, статистики возбуждения соответствующих судебных дел и приговоров, национального и религиозного состава преступных групп;

— конкретных фактов о наличии напряженности или конфликтов этноконфессиональной окраски, вызванных стихийной (нелегальной) или организованной миграцией (в т. ч. временной трудовой), субъектах конфликтов, их причинах и содержании;

— оценки роли средств массовой информации в снижении этноконфессиональной напряженности, фактов позитивного и негативного воздействия СМИ на данную сферу общественной жизни.

Примечания

[1] См. статью Е.А. Тюгашева в наст. сборнике.

[2] См. об этом подробнее: **Выдрина Г.А., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А.** Состояние этноконфессиональной обстановки в Ханты-Мансийском автономном округе // Глобальная безопасность — региональное измерение. Новосибирск, 2003. Вып. 2. С. 92 – 101. См. также статьи Г.А. Выдриной и Е.А. Тюгашева в наст. сборнике.

[3] **Ларченко С.Г., Еремин С.Г.** Межкультурные взаимодействия в историческом процессе. Новосибирск, 1989.

[4] **Попков Ю.В.** Процесс интернационализации у народностей Севера: Теоретико-методологический аспект. Новосибирск, 1990; **Он же**. Интернационализация в традиционном и современном обществах. Новосибирск, 2000.

[5] **Мархинин В.В., Удалова И.В.** Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур (по материалам социологического исследования в районах традиционного северного природопользования коренного национального и русского старожильческого населения Ханты-Мансийского автономного округа). Новосибирск, 1996.

[6] **Попков Ю.В., Костюк В.Г., Тугужекова В.Н.** Этносы Сибири в условиях современных реформ. Новосибирск, 2003 (в печ.); Этносоциальные процессы в Сибири: Тематич. сб. / Под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск, 1997 – 2003. Вып. 1 – 5.

[7] **Выдрина Г.А., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А.** Указ. соч. Вып. 2; **Тюгашев Е.А., Выдрина Г.А., Попков Ю.В.** Этноконфессиональные процессы в современной Югре. Новосибирск, 2004 (в печ.).

Содержание

О проекте «Адаптации населения в Сибири: этапы, механизмы, результаты».. 3
В.Н. Зенин. Условия освоения человеком Западно-Сибирской равнины в неоплейстоцене и некоторые проблемы адаптации.. 9
О.Н. Шелегина. О результатах и перспективах изучения адаптации русских к условиям Сибири в XVIII – первой половине XIX века.. 17
А.Е. Аникин. Из лексических свидетельств о быте и верованиях русских старожилов Индигирки и Колымы.............. 38
А.М. Аблажей. «Окроплял стада оленей, а потом вел беседу против шаманизма...».. 51
Д.Г Коровушкин. Факторы этнокультурной адаптации поздних переселенцев в русскоязычной среде Западной Сибири (на примере чувашской сельской диаспоры)..................... 61
С.А. Красильников, С.Н. Ушакова. Крестьянская семья на спецпоселении. Итоги «первой пятилетки» (1931 – 1935 гг.).. 72
В.В. Сарнова. Адаптация этнических групп спецпереселенцев к условиям спецпоселения в Западной Сибири накануне и в годы Великой Отечественной войны.................... 87
В.А. Гашенко. Отношение местных органов власти и населения Новосибирской области к депортированным полякам и немцам (1940 – 1945 гг.).. 98
В.А. Ильиных, И.Б. Карпунина, А.П. Мелентьева. Базовые тенденции социально-демографической адаптации сельского населения Западной Сибири в 1960 – 1980-е годы.............. 108
Е.А. Тюгашев. Этноконфессиональная адаптация мигрантов в современной Югре.. 117
И.В. Удалова. Православные ценности в адаптационных процессах и межэтнических отношениях народов Евразии (на примере народов Югры).. 127
Г.А. Выдрина. Состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в регионе нового освоения....... 139
Ю.В. Попков. К обоснованию мониторинга этноконфессиональной ситуации (на примере Ханты-Мансийского автономного округа).. 149

АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В СИБИРИ: ЭТАПЫ, МЕХАНИЗМЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Сборник научных трудов

Редакционная коллегия:
С.А. Красильников
Ю.В. Попков
О.Н. Шелегина

Компьютерная верстка: О.А. Орлова

Подписано в печать 13.11.2003 г. Формат 60х84 $^{1}/_{16}$.
10 печ. л. Тираж 300 экз. Заказ № 635.
Отпечатано в ГУП РПО СО РАСХН
630501 Новосибирская область, пос. Краснообск.